

Е. А. САМОДЕЛОВА

Антропологическая поэтика
С. А. Есенина

АВТОРСКИЙ ЖИЗНТЕКСТ
НА ПЕРЕКРЕСТЬЕ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ

Елена Самоделова

**Антропологическая поэтика
С. А. Есенина: Авторский
жизнетекст на перекрестье
культурных традиций**

«Языки Славянской Культуры»

Самоделова Е. А.

Антропологическая поэтика С. А. Есенина: Авторский житетекст на перекрестье культурных традиций / Е. А. Самоделова — «Языки Славянской Культуры»,

До сих пор творчество С. А. Есенина анализировалось по стандартной схеме: творческая лаборатория писателя, особенности авторской поэтики, поиск прототипов персонажей, первоисточники сюжетов, оригинальная текстология. В данной монографии впервые представлен совершенно новый подход: исследуется сама фигура поэта в ее жизненных и творческих проявлениях. Образ поэта рассматривается как сюжетообразующий фактор, как основоположник и «законодатель» системы персонажей. Выясняется, что Есенин оказался «культовой фигурой» и стал подвержен процессу фольклоризации, а многие его произведения послужили исходным материалом для фольклорных переделок и стилизаций. Впервые предлагается точка зрения: Есенин и его сочинения в свете антропологической теории применительно к литературоведению. Обстоятельно и подробно рассматривается новаторская проблематика: феномен человека как основа литературного замысла и главный постулат философии творчества. Поставленная задача решается с привлечением не только множества опубликованных и архивных данных, но и многочисленных фольклорно-этнографических и историко-культурных текстов, лично собранных исследователем в ходе многолетних полевых экспедиций в Рязанскую область, в том числе и на «малую родину» С. А. Есенина.

© Самоделова Е. А.
© Языки Славянской Культуры

Содержание

Введение	7
О сущности выдвигаемой антропологической поэтики	8
Об исследовательском подходе автора	14
О собирании и введении в научный оборот новых материалов	16
О выдвижении феномена Есенина в русской культуре	18
Глава 1. Свадьба у Есенина	21
Народный свадебный обряд как литературный первоисточник	21
Особенности народной свадьбы в Константинове: свадебный сезон, многочисленность ритуальных действий	23
Участие Есенина в свадебном ряжении	25
Свадебная история есенинского кольца с изумрудом	28
Преломление каравая на свадьбе	29
Традиционность подхода Есенина к сватовству	30
Родительское благословение и барское сватание	34
Гражданский брак с А. Р. Изрядновой	36
Церковное венчание с З. Н. Райх	37
«Свадьба убёгом»	40
Брак по закону и в художественном произведении	43
Незаконное супружество с Н. Д. Вольпин	44
Невенчаная свадьба с Г. А. Бениславской и кокошник	45
Свадебные приметы	47
Оформление брака с А. Дункан по советским и зарубежным правилам	49
Мальчишник	52
Отголоски древнего свадебного чина конюшего	53
Свадебный пир с С. А. Толстой	55
Софья Толстая и день святой Софии	57
Женитьба на «фамилии»	58
Образ свадебной елочки	59
Мировоззрение в замужестве	62
Грозные народные предзнаменования	64
Сватовство к знаменитости	66
Величание супругов	69
Свадебное время	71
Брачное законодательство 1918 года	72
Брачная фамилия	74
Отношение к «красной свадьбе»	76
«Брачная наследственность»	78
Намерение жениться на А. А. Сардановской	80
Ирония над браком	82
Свадьба как «вечная тема»	84
Глава 2. Символика кольца и свадебная тематика у Есенина и в фольклоре Рязанщины	85
Кольцо в свете собственной женитьбы	85
Святочные гадания по кольцу	87
Обручение в православии	88

Мифологическая символика кольца	90
Литературная символика кольца	91
Народные необрядовые песни и частушки о кольце	92
Развитие свадебной символичности кольца	95
«Обручальная овца»	97
Курьезы с обручальной символикой кольца	99
Свадебные мотивы в «несвадебных» фольклорных жанрах	100
Об истории свадебного вопроса	104
Письма на свадебную тему	106
Цитация свадебной терминологии	107
Солярно-лунарная мифологическая трактовка свадьбы	108
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Елена Самоделова

Антропологическая поэтика С. А. Есенина

Авторский житетекст на перекрестье культурных традиций

Введение

К 111-летию со дня рождения С. А. Есенина

Для знающих пишут не листовки, а книжные исследования.¹
В. Г. Шершеневич

¹ Шершеневич В. Г. Великолепный очевидец // Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова / Сост. С. В. Шумихин, К. С. Юрьев. М., 1990. С. 553.

О сущности выдвигаемой антропологической поэтики

В основе любого художественного произведения, в его центре находится *человек*. Не случайно критический обзор и литературоведческий анализ начинаются с выяснения авторской позиции писателя; пристальное внимание обращается на образ повествователя, лирического героя, alter ego автора – то есть в первую очередь на *человеческую фигуру*. Художественные персонажи рассматриваются как разнообразные *людские типы*, порожденные историческим временем и литературным направлением, поэтической школой: известны *человек эпохи Возрождения*, «*лишний человек*», «*маленький человек*», *обыкновенный человек*, «*настоящий человек*», *крестьянский тип*, *образ земского врача*, «*человек в футляре*» и т. п. В рамках структуры текста и жанрового канона вычленяются *протагонист* и *антагонист*, *авторский идеал* и *положительный персонаж*, *заглавный герой* и *второстепенный персонаж*, *действующее лицо*, *сатирический тип* и т. п. Если главным героем произведения выступает животное или растение, природная стихия, то все равно этот персонаж *наделяется человеческими чертами* или, по крайней мере, *рассматривается глазами человека*, оценивается им. В современном литературоведении существует термин *духовный реализм*.

Нам представляется, что к великому множеству исследовательских подходов к проблеме авторской поэтики можно добавить еще один, никогда прежде не выдвигавшийся как самостоятельный раздел авторской поэтики. Это *антропологическая поэтика*, предметом изучения которой стал бы человек во всей совокупности проявлений его характерных свойств.

На примере сочинений Есенина и рассмотрения его жизни как первоосновы творчества попробуем установить общие закономерности и уловить отдельные частности антропологической поэтики писателя.

Ведущую направленность внимания каждого писателя к человеку, сосредоточенность художественного мышления на человеческой личности осознавали, вероятно, все литераторы. Современник и близкий знакомый Есенина в автобиографическом сочинении «Алексей Ремизов о себе» (1923) рассуждал о сущности творчества:

В романах основной вопрос о судьбе, о человеке и о мире: о человеке к человеку и о человеке к миру.

– Что есть человек человеку?

– Человек человеку бревно, стена – человек человеку подлец – человек человеку дух-утешитель.

– Человек в вечном круге хорового мира, вечная борьба человека с мировым хором за свой голос и действие.²

Лингвист О. Н. Трубачев в конце XX столетия рассуждал об «*антропоцентрической картине мира*»,³ заметной уже в культуре древних славян. Тем более со временем *антропоцентричность мировоззрения* русского народа возрастала, и пик ее выражения нашел себе место в художественных произведениях писателей.

Уже в фольклоре, в частности – в жанре частушки, по меткому наблюдению А. В. Кулагиной, «в системе сравнений важное место занимают *сравнения из мира человека*, которые делятся на *семейные, национальные, социальные, бранно-шутливые*» и «*возрастные*».⁴

Феномен человека проявляется в многослойности исторического и культурного развития. Он вписан в конкретную социальную среду современности, обусловлен многовековыми тра-

² Ремизов А. М. Алексей Ремизов о себе // Ремизов А. М. Избранное. Л., 1991. С. 551 – впервые опубликовано: Россия. М.; Пг., 1923. № 6 (февраль). С. 25–26.

³ См.: Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. М., 1991. С. 177.

⁴ Кулагина А. В. Поэтический мир частушки. М., 2000. С. 115, 118 (курсив наш. – Е. С.).

дициями и подготовлен глубинной памятью народа. Феномен человека зеркально отображен и многократно повторен в различных преломляющих плоскостях: так, если в свете христианства человек является подобием Божию, то человеческий облик способен принимать «низшие существа», духи стихий и построек. Верным будет и обратный тезис: как «высшая мера идеализации – обожествление»,⁵ так и *олицетворение* – способ *идеализации человека*. Именно человек возвеличивается посредством олицетворения предметного, вещного мира.

Феномен человека представлен во множественности этнических и национальных типов. Различными по своей мировоззренческой сути, бытовым установкам и привычкам являются социальные типы горожанина и поселянина. Дальнейшая персонификация человека идет по пути конфессиональности и профессионализма.

Любой человек имеет статусные черты: он обладает телом, у него есть душа. «*Поэтизация телесности*», рассматривающая авторские методы и механизмы описаний человеческого тела и его элементов наравне со структурой всего организма, и *символика «телесной души»* выступают подразделами «антропологической поэтики». Современники Есенина воспевали тело как апофеоз творческого созидания и приближения к божественному совершенству. Так, Ф. К. Сологуб писал в статье с «говорящим названием» о художественной выставке «Полотно и тело» (1913): «Люблю тело. Свободное, сильное, гибкое, обнаженное, облитое светом, дивно отражающее его. Радостное тело. <...> Изобразить обнаженное тело – значит дать зрительный символ человеческой радости, человеческого торжества. Красочный гимн, хвала человеку и Творцу его, – вот что такое настоящая картина нагого тела».⁶

Философия жизни и смерти прослеживается в поэтике телесности. В теоретическом плане будут рассмотрены такие важнейшие проблемы, как: 1) наличие у человека фигуры как конституционного признака; 2) разнообразные мифологические трактовки происхождения человеческого тела от природных реалий; 3) очеловечивание космических и иных (по преимуществу растительных) объектов посредством придания им очертаний человеческого тела, поэтически представленного в сюжетной линии своими отдельными деталями; 4) отбрасывание человеческим организмом тени, также обладающей аналогичными составными силуэтными частями; 5) признаки сходства и различия в телесной организации у человека, зверей и птиц; 6) наделение божественных персон определенными чертами человеческой и звериной телесности; 7) улавливание телесной образности в литературной терминологии и возвращение ее к исходному осмыслению и т. д.

Рассмотрение сочинений Есенина под углом зрения «телесной поэтики» будет осуществляться двояким способом: 1) от градации составляющих человеческого тела по вертикали сверху вниз – голова, торс, руки, ноги; 2) до изучения фигуры персонажа в совокупности ее частей, вероятно, отличающихся по своему набору у человека, бога, святого, астрального персонажа, стихийного духа, зверя, птицы, растения, тени.

Возникает ряд основополагающих для поэтики телесности вопросов. Происходят ли сугубо телесные метаморфозы с героями Есенина и за счет чего они осуществляются? Как видоизменяются органы тела при реинкарнациях и перевоплощениях персонажей? Зависит ли приобретение одушевленности небиологическим объектом от придания ему души либо персонификация происходит каким-то другим способом?

Заложено ли жизнеутверждающее начало или, наоборот, гнетущее чувство близящейся и неизбежной смерти, добровольной гибели в органической природе человека? Исходят ли от каких-либо частей тела ощущения радости, печали? Каково взаимовлияние духа и плоти; в каком соотношении находятся душа и тело? Вставала ли перед Есениным извечная проблема первичности души и плоти, духа и материи, и как он ее решал в своем творчестве?

⁵ Там же. С. 211.

⁶ Сологуб Ф. К. Собр. соч.: В 12 т. Т. 10. Заклятие стен. Сказочки и статьи. СПб., 1913. С. 208, 209.

Анализ поэтики телесности ведет к изучению вопросов организации поэтической структуры на различных уровнях: 1) лексико-семантическом (установление понятийного аппарата «телесности», определение фольклорных, литературных и сугубо авторских наименований и др.); 2) морфологическом; 3) на уровне художественных тропов (метафоризация объектов, уподобление, сравнение).

Можно проследить хронологию стилистического изменения телесной образности: от близкой к фольклору на ранних этапах есенинского творчества до сложной метафорической в поздний период. Интересно сопоставить народно-поэтическую терминологию телесности, которая проявлена в частушках с. Константиново начала XX столетия, собранных и опубликованных Есениным в 1918 г., с «телесно-терминологическим» рядом, вычленимым из совокупности художественных произведений поэта.

Тема одежды в творчестве Есенина актуализирует самостоятельный комплекс аспектов: продолжая и трансформируя линию «телесной поэтики», она ведет человеческое тело от категории «раздетости» к «одетости» и от переодевания к преображению сущности. Одежда является исконной и зримой принадлежностью человека, исключительным критерием антропоморфности. И если художественная поэтика (фольклорная либо литературная) представляет одетым какое-либо изначально нечеловеческое существо, она тем самым очеловечивает его и причисляет к антропоморфным типам.

Одежда – как объект поэтики – широко и многогранно представлена в творчестве Есенина. Одежда как неременная атрибутика человека является знаком цивилизации, свидетельствует о культурной традиции вообще и о принадлежности ее носителя к конкретной эпохе и социальной среде. Одежда подчеркивает общественное начало в человеке, обозначает его сословную принадлежность, обнаруживает и обнажает социальную роль. Одежда соответствует этническому типу в его региональной и узколокальной вариативности. Одежда непременно отвечает полу и возрасту человека, определяет его семейный статус, высвечивает родовые корни. Одежда способна подчеркивать индивидуальность или, наоборот, маскировать человека, лишить его узнаваемости.

Семантическое поле «одежды», присутствующее в сочинениях Есенина, накладывается еще на два разнородных круга «одежной парадигмы»: 1) на присутствующее в фольклорных произведениях с. Константиново и – шире – Рязанской губ. начала XX века (особенно интересно сопоставление с частушками, записанными самим поэтом); 2) на отмеченное современниками разнообразие одеяний Есенина, в тех или иных (часто литературных) целях сменившего множество костюмов.

Человек разговаривает («Я тебе человеческим языком говорю!» – народное выражение укоризны) и жестикулирует, совершает поступки и отправляет обряды. Человеческие действия подчинены этикету – с одной стороны, и самостоятельны – с другой. Человеческая индивидуальность проявляется на уровне частного воплощения феномена человека, оказывается его инвариантом, алломорфом – если применить этнологическую терминологию.

Всякий человек проходит жизненный путь: рождается, наделяется именем, проживает на «малой родине», переселяется, совершает путешествия, женится, обзаводится детьми, занимается творческой деятельностью. Переломными моментами в жизни человека оказываются свадьба и рождение детей: этим художественно-философским проблемам в сочинениях и «житетексте» Есенина посвящены две «антропологических темы» – свадьба и образ ребенка в творчестве и жизни поэта.

На примере «*детской тематики*» в сочинениях Есенина и его собственной жизни мы проследили особенности реализации своеобразного «детского кода» в психологии художественных героев и их автора. Этот «детский код», являющийся сюжетообразующим фактором в линиях детства, пунктиром прошел почти по всем произведениям Есенина, становясь осо-

бенно ощутимым и наглядным в кульминационные моменты, которые могут быть приравнены в смысловом и формальном выражениях к инициации героя, хотя и не сводятся всецело к ней.

Детство – это начало биографии любого человека, это задатки будущего взрослого поведения и ментальности, зачатие и задел собственной судьбы. Рассмотрение всей (или почти всей) совокупности проявлений проблематики детства в «житетексте» Есенина показывает, что хронологически тематика детства укладывается в рамки от зачатия ребенка до его взросления и инициации (пусть символической), зеркально отражается во взрослом восприятии психологии ребенка и в остатках детскости (но не инфантильности!) в поведении взрослого.

На онтологическом и гносеологическом уровнях сосуществуют мужчина и женщина – маскулинное и феминное начала как полярные элементы двух культурно-символических рядов, обладающие собственными ценностными ориентациями и установками. В конце XX века социологи и этнографы сделали первые подступы «к идее о необходимости различать биологический пол (sex) как совокупность анатомических особенностей и социальный пол (gender) как социокультурный конструкт, который детерминирует не только стиль одежды или поведения, но и – через определенную систему социализации и культурные нормы – психологические качества (поощряя одни и третируя другие), способности... виды деятельности, профессии и т. д.»⁷

Мир наполнен мужскими и женскими предикатами даже там, где речь не идет о представителях того или иного пола. Так, цивилизация и природа, божественное и профанное, небесное и земное, рациональное и чувственное через существующий культурно-символический ряд и посредством подключения к определенному коду отождествляется с «мужским» и «женским». Рассмотрение *традиционных мужских ментальных и поведенческих стереотипов* в жизни и творчестве Есенина представляет еще одну грань «антропологической поэтики».

Человек познается через «формы поведения», носящие в определенной степени знаковый характер. Современные литературоведы, опираясь, в первую очередь, на достижения психологов, в самом расширительном смысле трактуют поведенческие манеры и жестикуляцию: «Среди условных знаков выделим, во-первых, знаки-“пароли”, четко, лаконично дающие информацию о человеке, во-вторых, приметы, по которым угадывается принадлежность человека к определенному социальному кругу или сословию, а в-третьих, значащие движения и жесты лица, облеченного властью, смысл которых понятен только приближенным... Для одного человека, говоря далее, детали поведения другого лица могут стать явным знаком, не будучи таковым для их носителя...»⁸ Однако конкретный человек с присущим только ему стилем поведения не вписывается в узкие рамки логических трактовок: «Вместе с тем семиотика применима к изучению форм поведения лишь с ограничениями: во-первых, формы поведения могут и что-то скрывать... а во-вторых, всецело знаковое поведение лишает человека естественности, открытости, свободы...»⁹

Уже прижизненная (и посмертная) *включенность фигуры Есенина в русский фольклор*, просматривающаяся во многих устно-поэтических жанрах (паремии, былички, страшные гадания, антропологические предания, анекдоты, песни), демонстрирует образ писателя как «народный тип», «национальный типаж», что также относится к сфере «антропологической поэтики».

Из начального церковно-приходского образования Есенин усвоил, что в Библии даже *земля олицетворена* – в буквальном смысле она *наделена собственным лицом*. После убийства Каином брата Авеля ему следует наказание от обоготворяемой Земли: «И ныне проклят ты

⁷ Воронина О. А. Предисловие // Феминизм: Перспективы социального знания. М., 1992. С. 10.

⁸ Мартынова С. А. Формы поведения как литературоведческая категория // Литературоведение на пороге XXI века: Мат-лы междунар. науч. конференции (МГУ, май 1997). М., 1998. С. 197.

⁹ Там же.

от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей» (Быт. 4: 11); Каин говорит Богу: «Вот, Ты теперь сгоняешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь...» (Быт. 4: 14).

Из разговоров родных и односельчан с. Константиново Рязанской губ. Есенин с детства знал, что человеческой личности уподоблены стихийные духи в антропоморфном обличье. Антропоморфизмом фольклорно-этнографического восприятия наделены огненный змей, домовый, леший, водяной, русалки. Суждение о *человекоподобии сверхъестественных существ* Есенин мог встретить в статье «О народной поэзии в древнерусской литературе (Речь, произнесенная в торжественном собрании Московского университета 12 января 1859 г.)» уважаемого им филолога Ф. И. Буслаева, на чьи труды он опирался при подготовке «Ключей Марии» (1918): «Как существа стихийные, все эти *мифические лица* могли предшествовать образованию *нравственных, определительных характеров* в типах высших божеств; но могли они быть и остатком, который в памяти народа сохранился от этих *человекообразных идеалов*. Таким образом, господство вил, дивов, русалок в народном эпосе может означать не то, чтоб в верованиях народа не успели еще сложиться более крупные *мифологические личности*, но – что эти личности не получили более определенных форм в поэзии эпической и потому со временем забылись, оставив по себе своих *спутников*, эту, так сказать, собирательную мелочь народной мифологии».¹⁰

Есенину внушили, что человеческими существами особой природы являются колдуны и колдуньи.

Изображенный на иконах сонм бесплотных духов, среди которых ангелы и серафимы с человеческими лицами и птичьими крыльями, создавал зримое восприятие еще одного слоя антропологических существ. Они также нашли отражение в творчестве Есенина, в моменты благоговейного или, напротив, богоборческого созерцания иконописных ликов размышлявшего над идеями обновления и даже качественного преобразования христианства. На передний план выдвигается тема поэта-пророка, обладающего провиденциальными качествами, воспитанного мифологическими дедом с бабкой и Богородицей с иконы.

Основанием для идейного родства всех фантастических существ (измышленных писателями, вызванных к жизни народным мировоззрением, порожденных национальной ментальностью), критерием и мерилom их степени вочеловеченности оказывается человек, по сравнению с которым другие персонажи неизбежно становятся антропоморфными.

Школьные учебники истории и географии демонстрировали разные этнические типы, а с началом Русско-японской и затем Первой мировой войн цельный прежде мир распался на «своих» и «чужих», аборигенов и иностранцев, коренных жителей и иноэтнических завоевателей. Из опыта собственной жизни в иноэтническом окружении, из многочисленных путешествий по России и Советскому Союзу, из заграничного турне по Европе и США Есенин вынес личные впечатления о различиях человеческих типов, об их антропологических и этнических разновидностях. Поэт смело стал внедрять в художественные и публицистические сочинения целые описания и отдельные упоминания о представителях разных этносов. Изобилует этнонимами и квазиэтнонимами, этнонимическими обозначениями, иногда без конкретизации очерк «Железный Миргород» (1923): «*дикий народ*» – «*коренной красный народ Америки*» – «*красный народ*» – «*краснокожие*» – «*индеец*» – «*белый дьявол*» – «*американцы*» – «*народ Америки*» – «*американские евреи*» – «*евреи*» – «*уроженец Черниговской губернии*» – «*черные люди*» – «*негры*» – «*выходцы из Африки*» – «*народ Африки*» (V, 167, 169–172).¹¹ Этнонимические обозначения иногда сознательно употреблены Есениным в переносном смысле: «Бедный русский Гайавата!» (V, 168).

¹⁰ Буслаев Ф. И. О литературе: Исследования. Статьи. М., 1990. С. 35 (курсив автора).

¹¹ Тексты цит. по: Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 т. (9 кн.). М., 1995–2002.

В ряде других произведений Есенина также встречаются этнонимы, свидетельствующие о широте расового и национального диапазона приемлемости и доброго отношения поэта к разным нациям, народам и народностям: «Все равно, *литвин* я иль *чуваши*, // Крест мой как у всех» (IV, 168 – «Свищет ветер под крутым забором...», 1917); «В том зове *калмык* и *татарин* // Почуют свой чаемый град» (II, 71 – «Небесный барабанщик», 1918). Оригинально, что художественное творчество Есенина высвечивает особенность «этнонимического мышления» поэта парами: *калмык* и *татарин*, *чудь* и *мордва*, *калмыки* и *татары* и др.

Но еще в начале творческого пути Есенин был воодушевлен антропософской теорией Рудольфа Штейнера, с которой его познакомил Андрей Белый – последователь немецкого философа. В личной библиотеке Есенина имелись теоретические труды обоих авторов: Штейнер Рудольф «Мистерии древности и христианство» (М., 1912); Белый Андрей «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности» (М., 1917).¹²

Как своеобразные «антропологические меты» можно рассматривать элементы «*есенинской топонимики*», порожденной пристрастием писателя к топонимам и космонимам, стремлением создать «авторскую географическую карту» и обозначить на ней места собственного пребывания и поселений своих персонажей.

Взгляд человека на мир вокруг себя и выбор в нем объектов вроде бы обыденных и одновременно достойных удивления может быть представлен бесконечно. Среди удивительных существ природы особенно выделяется *петух* (курочка и вообще птица), который в творчестве Есенина неразрывно связан с русской духовной культурой вообще и фольклором села Константиново в частности. Петух со времен одомашнивания этой птицы стал восприниматься как непосредственный спутник «сельского человека», а именно эта социальная ипостась в первую очередь волновала Есенина.

Ориентацией на «поэтику человека» проникнуты такие литературные приемы, присущие Есенину, как диалогичность (в ее основе разговор людей), притчевость (постулат с моралью в назидание другим людям), аллюзии и реминисценции, скрытое и явное цитирование (экивок на совокупную память человечества), фольклорное начало (опора на многовековую человеческую мудрость и заблуждения) и, конечно же, одушевление, олицетворение, персонификация, вочеловечивание и т. п.

Как и у многих великих художников слова, авторский «житетекст» Есенина оказался на перекрестье традиций – фольклорно-этнографической, древнерусской и классически-литературной, античной и современной зарубежной, народно-православной и богословской, крестьянской и городской, московской и петроградской, имперско-российской и советской, армейски-военной и мирно-гражданской, революционной и нэповской и т. д.

¹² См.: Есенинский вестник. Константиново, 1994. Вып. 3.

Об исследовательском подходе автора

Предлагаемая работа по антропологической поэтике многоаспектна. Она *посвящена личности Есенина, которая проявлена в творчестве и биографии* (в их неотделимой совокупности), *в легендарном наследии, в индивидуальной авторской трактовке и комментировании современников*. Она основана на исторических, литературных, документальных материалах, равно как и на фольклорных произведениях, в том числе на всякого рода преданиях, быличках и анекдотах, народных меморатах и фабулатах, недостоверных «слухах и толках». Сюжеты и мотивы творчества поэта исследуются в сравнении с региональными этнографическими данными обрядового характера, с привлечением реалий национальной духовной культуры.

Составленные сестрами поэта списки книг, имевшиеся в его личной библиотеке в с. Константиново, а также хранящиеся в частных собраниях и государственных архивохранилищах (ГМЗЕ, ГЛМ, РГАЛИ, РГБ) книжные экземпляры с его владельческими надписями свидетельствуют о круге чтения Есенина. Многие научные дисциплины представлены в общем перечне книг Есенина: это философия, история, социология, этнография, религиоведение, богословие, эзотерика, психология, литературоведение, фольклористика, иконография. Насчитывающий около 150 книжных и журнальных единиц перечень, естественно, не является исчерпывающим. В годы учебы Есенин занимался в школьной и общественной библиотеках с. Спас-Клепики и в учебной библиотеке Московского городского народного университета им. А. Л. Шанявского; изредка посещал Румянцевскую публичную библиотеку;¹³ перелистывал книги во время работы в книжной лавке в Москве, совладельцем которой он был; брал книги у друзей и знакомых; имел доступ к богатейшим книжным коллекциям С. М. Городецкого, А. М. Кежбаткина и др. Наконец, многие книги Есенин покупал и по прочтении иногда дарил друзьям.

Начитанность Есенина и эрудированность, образованность в гуманитарной области явствуют из воспоминаний современников, приведших глубокомысленные высказывания поэта и факты цитирования классиков мировой художественной литературы и современных писателей. Есенин не заполнял записных книжек и не вел дневников, но память его была феноменальна: аллюзии и реминисценции из увлекших и поразивших его воображение произведений порой проступают сквозь собственные оригинальные образы его сочинений. И все сведения книжного характера, почерпнутые из проштудированных поэтом печатных источников и вовлеченные в его авторское творчество, послужили ценным предварительным материалом для художественно-философского осмысления и творческой переработки идей предшественников, высветили меру самостоятельности мышления Есенина и его проникновенной одаренности.

Авторская поэтика Есенина рассматривается в соположении с его биографией. Становится возможным построение культурологической модели рассмотрения мужской жизни на примере личности Есенина, поскольку широкую публику привлекали этапы жизнедеятельности поэта и сам он тщательно рекламировал себя и заботился об известности и популярности своего творчества. Поэт сознательно занимался кодированием себя как мессии, включая поэта-пророка в иерархию божественных сил (в их оппозиции с дьявольщиной). Отсюда проистекает особое внимание к Богу и Богородице, апостолам и пророкам, святым и подвижникам, ангелам и чертям; наблюдается попытка выстроить новое вероучение – Третий Завет «пророка Есенина Сергея», включающий в рамки богостроительства февральски-октябрьскую революционную суть советских преобразований. А первоначально замысел был поистине глобальным: «Инония» замышлялась как отрывок из поэмы «Сотворение мира» (см. комм.: II, 344).

¹³ См.: Мариенгоф А. Б. Роман без вранья // Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990. С. 385.

Другой полюс проявления русского национального типа – *народный образ странника, бродяги, забуддыги и хулигана*, также нашедший воплощение в жизни и творчестве Есенина.

Применительно к поэтике и мировоззренческой сущности устной народной словесности фольклорист Ю. И. Юдин показал, что «мирообъемлющей категорией должен выступать не жанр, а совокупность, одновременная множественность жанров, дающая возможность фольклорному сознанию переходить от одной художественной размерности к иной, от нее отличной. В такой множественности жанров, образующих целую эстетическую систему, осуществляется доступная фольклорному сознанию всеохватность жизни на более или менее длительном временном отрезке».¹⁴ Выведенный на основе фольклора методический постулат справедлив и в отношении литературы и – в более узком плане – применим к творчеству отдельного писателя как индивидуальной жанровой системе его сочинений. Основой для изучения выдвигаемой нами проблематики художественного творчества и «житетекста» Есенина послужило в первую очередь семитомное (девятитомное) академическое «Полное собрание сочинений» поэта (1995–2002), в научной подготовке которого мы принимали непосредственное участие в составе Есенинской группы под руководством доктора филол. наук Ю. Л. Прокушева (1920–2004) в ИМЛИ им. А. М. Горького РАН.

Отдельные главы нашего исследования (в первую очередь касающиеся есенинской *поэтики телесности и поэтики одежды*) построены двояко. В соответствии с первым принципом (по степени важности и мере обобщения) сначала дается сугубо теоретическая часть, в которой вычленяются основные позиции рассмотрения привлекаемого исследователем «культурного материала». Далее следует аналитически-практическая часть, изложенная одновременно в плане *мифопоэтического и этнодиалектного словаря* (в данном случае рязанского), внутри которого произведена систематизация прикладных статей встроеного корпуса по семантическим полям с выделением ведущего «родового» понятия, вынесенного во внутритекстовые подзаголовки.

Другой принцип изложения основан на схеме: выдвигаемый тезис – обоснование – доказательные примеры. И далее на протяжении целой главы эта схема многократно повторяется.

¹⁴ Юдин Ю. И. Мотивы и роль природы в русском фольклоре // Художественное творчество: Вопросы комплексного изучения. Человек – природа – искусство. Л., 1986. С. 147.

О собирании и введении в научный оборот новых материалов

Применяемый нами в заявленном исследовании оригинальный методический подход основан на серьезных фольклорно-этнографических знаниях автора-филолога, полученных непосредственно в научных экспедициях (индивидуальных и групповых), что называется – при работе «в поле», в стационарных и маршрутных условиях. Особенно важно то, что большинство экспедиций проводилось на Рязанщине – в родном краю Есенина.

В групповых экспедициях нам доводилось находиться в качестве руководителя (при студенческой практике Рязанского государственного педагогического института в 1990 г., организатор – к. ф. н. Г. М. Сердобинцева) и рядового участника (под руководством музыковеда-фольклориста Н. Н. Гиляровой – профессора Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского в Касимовском р-не в 1992 г.; под начальством канд. истор. наук С. А. Иниковой в составе Рязанской экспедиции Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН в 2002 г.). Не менее значительные полевые материалы были раздобыты в ходе экспедиций в Рязанскую обл. (со студентами и выпускниками МГПИ им. В. И. Ленина, членами фольклорного кружка под руководством проф. Б. П. Кирдана и проф. Т. В. Зуевой) – с однокашником А. В. Беликовым, младшекурсниками М. Д. Максимовой (1987) и М. В. Скороходовым (1994 позже защитившим кандидатскую диссертацию «Раннее творчество С. А. Есенина в историко-культурном контексте (“Радуница” 1916 г. и маленькие поэмы 1917–1918 гг.)», 1995, с руководителем фольклорного ансамбля Ириной Яндульской, журналистом и поэтом Т. А. Никологорской. По нашей программе работали в Спасском р-не в 1990 г. А. В. Беликов, Вера Маркелова и Лера Михалюк.

В целом на протяжении 1982–2006 гг. мы побывали в экспедициях в Захаровском (1985), Касимовском (1990 и 1992), Клепиковском (1987 и 2002), Рязском, Рязанском (1985), Рыбновском (1993 и 2000, 2003, 2005), Михайловском (2002), Милославском (2002), Скопинском (1989 и 2006), Сараевском (1982 и 1985), Старожиловском (1995) и Шиловском (1994) р-нах. Также в Москве, Рязани и разных селениях Московской и Рязанской обл. были проведены фольклорные опросы у выходцев и переселенцев из других населенных пунктов Рязанщины. С 2002 года сведения о рязанском свадебном обряде XX века пополнялись путем анкетирования (составленная нами анкета включала 65 вопросов); существенную помощь в этносоциологическом опросе оказала филолог-преподаватель и журналист О. Б. Хабарова.

И – самое главное – нами была детально (насколько возможно полно) и неоднократно обследована «малая родина» Есенина – с. Константиново с соседней д. Волхона и с. Федякино, с. Кузьминское, д. Аксёново Рыбновского р-на в 1993 и 2000, 2003, 2005 гг. В 2002 г. в г. Спас-Клепики Рязанской обл. зафиксирована лекция экскурсовода, который по нашей просьбе специально представил необнародованные сведения о второклассной учительской школе, где учился Есенин. Также были проведены беседы на фольклорно-этнографические темы с племянницами поэта – Н. В. Есениной (Наседкиной, 1933–2006) и С. П. Митрофановой-Есениной, которые поделились уникальной унаследованной информацией об обычаях в роду Титовых и Есениных.

Разумеется, были проштудированы все доступные фольклорные и есенинские фонды государственных и ведомственных архивов г. Москвы, Санкт-Петербурга, Рязани и с. Константиново. В Москве это Российская государственная библиотека (РГБ), Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), Государственный литературный музей (ГЛИМ), Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (ИЭА РАН), Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (ИМЛИ РАН), Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского (МГК), Российская академия

музыки им. Гнесиных (РАМ). В Санкт-Петербурге это Российский этнографический музей (РЭМ фонд «Бюро кн. Тенишева»). В Рязани это Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник (РИАМЗ), Государственный архив Рязанской области (ГАРО), Рязанский государственный педагогический университет им. С. А. Есенина (РГПУ). В с. Константиново Рыбновского р-на Рязанской обл. это Государственный музей-заповедник С. А. Есенина (ГМЗЕ). Также были изучены основные интернет-сайты, содержащие материалы о Есенине. Тщательное сопоставление реалий рязанского и иного регионального фольклора с образами и мотивами художественных произведений Есенина необходимо потому, что, по мнению фольклориста Е. А. Костюхина, «сложившиеся в фольклоре идейно-художественные принципы удерживаются и в более поздних, литературных жанрах (явление, называемое „жанровой памятью“). Принципиальная же разница между ними заключается в том, что фольклорные принципы в литературе трансформируются, подчиняются совершенно иным задачам, выдвигаемым литературной эпохой».¹⁵

¹⁵ Костюхин Е. А. Типы и формы животного эпоса. М., 1987. С. 5.

О выдвижении феномена Есенина в русской культуре

То, что Есенин в русской культуре является особой *знаковой фигурой*, постигли уже его современники при жизни поэта. Далее этот постулат также не вызывал сомнений. По мнению современного архивариуса С. В. Шумихина, «Сергей Есенин в русской культуре фигура культовая».¹⁶ Издавна существует есенинская мифология, сводимая к следующим аспектам: 1) миф, созданный Есениным о самом себе (в автобиографиях, автобиографических интервью и лирических произведениях); 2) миф, творимый народом; 3) миф, создаваемый литературоведами; 4) миф, сотворенный современниками – родными, друзьями и знакомыми поэта (С. В. Шумихин выделил три первых типа мифов¹⁷).

Исследователь С. В. Шумихин в качестве доказательного примера привел рассуждение о творимом самим поэтом мифе о Есенине как наследнике и продолжателе Пушкина: «Подчеркнуто и даже шаржированно копировался пушкинский костюм, пушкинская интонация в обращении к музе (сравни: “Апостол нежный Клюев // Нас на руках носил” и “Старик Державин нас заметил...”»);¹⁸ есенинские строки с контекстуальной параллелью – «Но, обреченный на гоненье, // Еще я долго буду петь» – являются имитацией жизненного мотива Пушкина (сравни – «Я рано скорбь узнал, // Постигнут был гоненьем» из авторского посвящения «Кавказского пленника» Н. Н. Раевскому). Порождающей причиной неомифологии, предпринимаемой в отношении талантливого русского поэта начала XX века, С. В. Шумихин считает то обстоятельство, что «разные слои общества стремятся видеть в Есенине отражение своих собственных чаяний».¹⁹

По мнению С. В. Шумихина, «органичен и одновременно фантастичен только народный миф, питающийся фольклорными архетипами о Иване – крестьянском сыне, добивающемся славы и богатства, женившемся на иноземной принцессе и т. п.».²⁰ Литературность есенинского мифа проявляется в наблюдении киевского филолога Л. А. Киселевой: это «ракурсы судьбы лирического героя, пытающегося уйти от “Горя-Злочastia” и остро ощущающего свою обреченность».²¹ По наблюдению Анны Маймескуловой, сравнившей мотив окончания приходского училища в художественных и автобиографических текстах Есенина, его «автобиографические мотивы получают знаковый характер, аналогично мотивам литературным».²²

Сами исследователи моделирования есенинского мифа вольно или невольно начинают изъясняться своеобразным «мифологическим языком», который сродни народной афористичности. Так, Лариса Сторожакова пишет: «Поэзия его в розовые уста целовала».²³ Ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН А. Н. Захаров в докторской диссертации «Художественно-философский мир Сергея Есенина» (2002) рассуждает в духе фольклорных и библейских паремий: «Как Святой Дух дышит, где хочет, так и гений берет то, что он счи-

¹⁶ Шумихин С. Мемуарные источники биографии Есенина // W kręgu Jesienina / Pod red. J. Szokalskiego. Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy. Literatura na pograniczach. № 10. Warszawa, 2002. S. 20.

¹⁷ Там же. S. 21.

¹⁸ Там же. S. 20.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. S. 21.

²¹ Киселева Л. А. Поэтика Есенина в контексте русской крестьянской культуры: герменевтические и терминологические проблемы // W kręgu Jesienina / Pod red. J. Szokalskiego. Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy. Literatura na pograniczach. № 10. Warszawa, 2002. S. 27.

²² Маймескулова Анна «Сельский часослов» Сергея Есенина: Опыт интерпретации // W kręgu Jesienina. Op. cit. S. 61.

²³ Сторожакова Л. Мой роман с друзьями Есенина. Симферополь, 1998. С. 35.

тает нужным, преобразовывая и включая в свой оригинальный художественный мир»²⁴ (курсив наш. – Е. С.). (Ср. «Дух дышит, где хочет...» – Ин. 3: 8.)

Л. А. Киселева в программной статье «Поэтика Есенина в контексте русской крестьянской культуры: герменевтические и терминологические проблемы» (2002, по докладу 1995 г.) сетует на то, что «само понятие “крестьянская культура” никогда не мыслилось в полном своем объеме» и даже «связь художественного мышления Есенина с глубинной народной традицией прослеживалась на уровне фольклора»²⁵ и только. Исследователь предлагает учитывать «миф этноса в мегаконтексте творчества и личности поэта».²⁶ Л. А. Киселева уверена в возможности использования «цехового языка» в «скрытом диалоге» Есенина и Н. А. Клюева, в «потайном подтексте постоянных обращений» старшего поэта к своему младшему «посмертному другу» и ученику; убеждена в свободном владении «различными “кодами” народной культуры, в частности, – орнаментальным, литургическим, иконографическим, топонимическим».²⁷ Л. А. Киселева улавливает «намеки поэта на свою сопричастность неким тайнам», рассуждает о предвосхищении Есениным выводов зачинателей этносемиотики насчет знаковых основ орнаментального изображения в своей «великой значной эпопее исходу мира и назначению человека», что позволяет говорить об «орнаменте как типе культуры» (по мысли Н. В. Злыдневой).²⁸

Относительно расположения феномена Есенина в русской культуре киевский филолог Л. А. Киселева полагает, что это «необычное явление народного образного мышления в индивидуальном авторском творчестве»²⁹ и оно должно быть рассмотрено в плане изучения типологии нового строя художественного мышления с привлечением методологически-новаторских аналитических критериев, соприродных анализируемым текстам.

С точки зрения С. Бирюкова, «личность поэта – тоже его текст» и «личность творится», а «портрет поэта – это и облик человека, и одновременно поэтическое произведение».³⁰ Того же мнения придерживается А. Н. Захаров: «В лирике Есенина... центральным персонажем является лирический герой – обобщенный характер, прототипом которого является сам поэт»,³¹ дополненный похожими на автора персонажами из документалистики и публицистики, художественной прозы и лиро-эпических поэм и т. п.

* * *

Настоящее исследование продолжает монографию автора «Историко-фольклорная поэтика С. А. Есенина» (Рязанский этнографический вестник. Рязань, 1998. 225 с.). Главы 1 и 2 – «Свадьба у Есенина» и «Символика кольца и свадебная тематика в годовых праздниках и фольклоре Рязанщины» под новым углом зрения развивают главу 1 «Свадебная тематика в творчестве Есенина» монографии; глава 14 – «Есенинская топонимика» логически и содержательно дополняет главу 10 «Художественная топонимика Есенина»; справочный раздел сохранил уже имевшееся название «Концепты художественного творчества Есенина (Указатель)».

Автор глубоко признателен всем людям и организациям, содействовавшим сбору необходимого материала – фольклорного и иллюстративного: низкий поклон старожилам Рязан-

²⁴ Захаров А. Н. Художественно-философский мир Сергея Есенина: Дисс... докт. филол. наук. М., 2002. С. 24.

²⁵ Киселева Л. А. Указ. соч. С. 27.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 27–28.

²⁸ Там же. С. 28.

²⁹ Там же. С. 33.

³⁰ Бирюков С. Имажи Сергея Есенина (К проблеме дендизма) // W kręgu Jesienina. Op. cit. S. 116.

³¹ Захаров А. Н. Художественно-философский мир Сергея Есенина: Дисс... докт. филол. наук. М., 2002. С. 147.

ской обл. – носителям народной культуры; искренняя благодарность М. А. Айвазян и Е. Ю. Литвин (ОР ИМЛИ), Ю. Б. Юшкину и Н. М. Солобай (ИМЛИ), фотографу А. И. Старикову, Е. В. Рыбаковой (студентка Литературного института им. М. Горького, Москва), Н. И. Будко (Ставрополь), а также коллегам из ИМЛИ РАН, рецензентам и членам общества «Радуница».

Глава 1. Свадьба у Есенина

Народный свадебный обряд как литературный первоисточник

К свадьбе как к источнику художественной образности и структурному стержню или звену собственного произведения, показателю современной праздничной культуры крестьянства и «помещичьего гнезда», выразителю исторического колорита конкретной эпохи или, наоборот, вневременного народного духа, национального характера, его «глубинной памяти» обращались многие русские писатели. Такое внимание к свадебному фольклору объясняется стоящей за ним многовековой традицией. Интересно проследить разные концепции мировосприятия, стоящие за многочисленными и различными направлениями литературы послепетровского времени, которые обусловили обращение писателей к традиционному свадебному фольклору и обряду, к их архаике и мифологизации, а также к инновациям и противоположностям.

Поскольку народная свадьба – это сложный конгломерат разножанровых текстов на этнографической канве в ее локальном воплощении, а не простейшая филологическая структурная единица, то в письменной культуре она не породила конкретного жанра, функционально подобного литературному анекдоту, литературной сказке, святочному (рождественскому) рассказу. Тем не менее (в порядке постановки вопроса), интересно проанализировать на предмет типологического сходства те произведения, чьи названия выступают обозначениями свадебных ритуалов или персонажей, а также выявить весь спектр литературных жанров, в которых в той или иной степени репрезентируется свадьба.

Писатели в своем творчестве активно используют как непосредственно свадебные источники, так и вторичные («периферийные») жанры – приуроченные к обряду плясовые песни, а также сказки, былички, частушки с тематикой свадьбы. Кроме того, они вовлекают и свадебные аллюзии из сочинений других литераторов. Возникает своеобразная репрезентация свадьбы в литературе посредством прямых и косвенных, порой весьма отдаленных источников.

Функции включений свадебных моментов в художественное произведение могут быть самыми различными:

- 1) *эстетическая* (тексты свадебных песен украшают быт, делают его праздничным);
- 2) *психологическая* и *оценочная* (степень подробности освещения обряда уточняют авторское отношение к персонажу, свадебные плачи подчеркивают душевные переживания героини и др.);
- 3) *историческая* (ознакомление читателя с колоритом прошедшей эпохи);

4) *тематическая, композиционно– и сюжетообразующая* (заглавия и содержание произведения соответствуют свадебному ритуалу и порождают одноименные стихотворения);

5) *структурная* (включение свадебных ритуалов как самостоятельных фрагментов «мозаичного» построения произведения типа романа-коллажа);

6) *жанрообразующая* (создание лирического сочинения по подобию свадебной песни, плача) и др.

В ходе изучения круга авторских произведений со свадебной тематикой уточняется степень свободы обращения писателя с исходным материалом, производится сопоставление с дозволительной вольностью трактовки обряда и жанров самими носителями традиции. Выявляются закономерности и мера вовлечения свадебного фольклора в разные литературные жанры (стихотворение может быть целиком посвящено свадебному ритуалу или оказываться стилизацией обрядовой песни, а в повести и романе только частично используется фольклорный материал и т. д.). Происходят текстуальные видоизменения свадебной линии произведения в разных редакциях и вариантах, смещаются смысловые акценты (напр., Есенин отказался от сцены венчания в стихотв. «Троицыно утро, утренний канон...» в ранней редакции – «Троица», 1914, очевидно, из-за несоответствия народной поре проведения свадеб). Ценный фактологический и критический материал представляют высказывания рецензентов по поводу фольклоризма писателей, а также оценка самими авторами успешности их обращения к свадебной тематике.

Выдвижение свадебной темы в творчестве Есенина высвечивает целый комплекс проблем и предполагает определенный спектр научно-методических подходов к их разрешению. Изучение этой сложной и многогранной проблемы возможно на стыке двух гуманитарных наук – литературоведения и фольклористики, с привлечением вспомогательных дисциплин (источниковедения, библиографии, текстологии, этнопоэтики). Применительно к творчеству Есенина (как, впрочем, и почти любого писателя) важными оказываются две главных проблемы. Первая – уяснение особенностей психологического подхода и избранных решений по поводу собственной свадьбы (в биографо-документальном аспекте); вторая – претворение в художественную практику естественного общечеловеческого интереса к женитьбе, воплощение в образах и сюжетах характерных свадебных наблюдений. Далее уже детально рассматриваются вопросы:

1) фольклорно-собираТЕЛЬская и публикаторская деятельность писателя; характер и роль источников свадьбы в ее естественном изустном бытовании, в концертном варианте и затем в печатном виде – как предварительный материал для творчества;

2) отношение крестьянина к народной свадьбе (в противовес или в дополнение к позиции дворянина, иначе говоря – взгляд со стороны и изнутри фольклорной культуры);

3) влияние места рождения и дальнейшего местожительства поэта (и шире – нахождения в городской или деревенской среде) на его принадлежность к носителям фольклора;

4) обусловленность вхождением в какой-нибудь кружок любителей устного народного творчества или, шире, ревнителей русской культуры, либо, наоборот, интерес собирателя-одиночки;

5) исследование свадебного обряда в теоретическом плане (сопоставление русского и иноэтнического материала, прослеживание хронологической и географической изменчивости обрядности свадьбы);

6) отражение свадебной проблематики в художественных сочинениях на разных уровнях поэтики и жанров; включенность мировоззренческих аспектов свадьбы в документалистику – записи дневникового характера, мемуары и эпистолярный, а также использование элементов народной свадьбы в собственном бракосочетании.

Особенности народной свадьбы в Константинове: свадебный сезон, многочисленность ритуальных действий

Свадьба – один из трех главных «посвятительных» обрядов жизненного цикла, оформляющий новый социовозрастной статус человека и подтверждающий факт создания новой семьи в конкретных национально-этнических и сословно-классовых общественных рамках. При жизни Есенина в конце XIX – первой половине XX вв. свадьба занимала ведущее место не только в семейной обрядовой системе, но и в народном календаре, что выражалось в ее протяженности во времени, в пересекании с новым годом, зимним солнцестоянием и весенним равноденствием и даже в выделенности особенного «свадебного» месяца в году.

Свадебный сезон длился обычно (и в родном Есенину селе Константиново) с Покрова до Красной Горки.³² По сведениям А. Д. Панфилова, известным ему от старожилов Константинова, «некоторые свадьбы игрались по весне, особенно в пасхальную неделю, и летом, но все же большинство приходилось на осень, начиная с Покрова»³³ (1/14 октября по ст./н. ст.). В с. Константиново и его окрестностях записана частушка, упоминающая «местное» свадебное время и шутливо обыгрывающая запрет устраивать бракосочетание во время постов:

Как на речке под мостом
Щука вдарил хвостом,
Ребята Пасхи не дождалась,
Переженились все постом.³⁴

По данным метрической книги с. Константиново, разысканным ст. науч. сотрудником музея О. Л. Аникиной, после Покрова, но в том же месяце – 26 октября 1870 г. – состоялась свадьба дедушки с бабушкой Есенина по отцовской линии. Сохранилась запись в церковной книге: жених – «временно обязанный крестьянин Никита Осипов Есенин, православного вероисповедания, первым браком, 27 лет»; невеста – «временно обязанная крестьянка Агриппина Панкратова, православного вероисповедания, первым браком, 16 лет»; поручители со стороны жениха – церковный староста, зажиточный и уважаемый в селе человек Архип Трифонов и Павел Антонов (супруг Веры Осиповны); со стороны невесты – Митрофан Панкратов (брат невесты) и Яков Тимофеев (свояк Митрофана Панкратовича); таинство совершали священник Павел Миртов, диакон Иван Тихомиров, дьячок Николай Орлин, пономарь Трофим Успенский.³⁵

Время сватовства – зимний Микола (6 декабря ст. ст.) – запечатлено в частушке, записанной Есениным в Константинове:

В эту пору, на Миколу,
Я каталась на льду.
Приходили меня сватать,
Я сказала: не пойду! (VII (1), 336).

³² См.: Панфилов А. Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. М., 1992. Ч. 1. С. 266.

³³ Там же. Ч. 2. С. 220.

³⁴ «У меня в душе звенит тальянка...»: Частушки родины Есенина – села Константинова и его окрестностей: Фольклорное исследование Лидии Архиповой, главного хранителя Государственного музея-заповедника С. А. Есенина. Челябинск, 2002. С. 257.

³⁵ Цит. по: Аникина О. Л. Генеалогия рода Есениных: По материалам Рязанского областного архива // Новое о Есенине: Исследования, открытия, находки. Рязань, Константиново, 2002. С. 237.

С. А. Есенин, родившийся в с. Константиново Рязанской губ. и никогда не терявший связи с «малой родиной», являлся носителем крестьянской фольклорной культуры. Есенин не был теоретиком свадьбы как национального феномена, и неизвестно, записывал ли он свадебные тексты так же, как фиксировал частушечные произведения для анонсированного в 1915 г. сб. «Рязанские прибаски, канавушки и страдания» (не издан). Среди опубликованных в газете «Голос трудового крестьянства» (1918, №№ 127, 135, 139, 144) четырех подборок «прибасок» (то есть частушек) и «страданий» (то есть двухстрочных частушечных форм южно-русского типа) встречаются тексты со свадебной тематикой (VII (1), 317–337, 529). Фольклорно-этнографически-ми зарисовками рязанской свадьбы насыщена повесть «Яр» (1916).³⁶ Свадебные образы, иногда неожиданно переосмысленные и получившие даже ок-сюморонную оболочку, разбросаны по есенинской лирике, а названия обрядовых моментов даже запечатлены в заглавиях некоторых стихотворений – например, «Девичник» (1915).

При жизни Есенина в Константинове свадебный обряд включал следующие ритуалы, распределенные на протяжении многих недель: *сватовство – Богу молиться – рубаху кроить – брагу затирать – елку рядить – девичник с расплетанием невестинной косы – принесение постели к жениху и привоз сундука с приданым невесты – венчание – подмена молодых ряжеными – сыр носить – ряженые ходят ярку искать на второй день – барана искать на третий день*³⁷.

³⁶ См. текст и о нем: *Есенин С. А.* Полн. собр. соч.: В 7 т. (9 кн.). М., 1997. Т. 5. С. 7 – 145, 337–384; *Самоделова Е. А.* Историко-фольклорная поэтика С. А. Есенина / Рязанский этнографический вестник. 1998. Гл. 1, 3.

³⁷ См.: *Панфилов А. Д.* Указ. соч. Ч. 2. С. 224–237, а также наши записи в с. Константиново в 1993, 2000 и 2002 гг.

Участие Есенина в свадебном ряжении

Есенин подходил к свадьбе как к жизнеспособному явлению, активно бытующему в сельской местности, и сам с радостью вовлекался в ритуальное веселье. При малейшей возможности поэт старался вовлечь друзей в участие в свадебном ритуале. Так, В. Т. Кириллов вспоминал приглашение Есенина: «Не знаешь ли, где здесь продают “русскую горькую”? Еду к себе в деревню на свадьбу. <...> Поедем, будет весело, на станции нас встретят с лошадьми и гармошками. Погуляем!»³⁸

Это воспоминание по своей сути (но не по географической и хронологической характеристикам) перекликается с сообщением местной жительницы с. Константиново, переданным со слов ее свекрови: «Свадьбы. Они доверили всё – весь этот, все продукты; даже ключ мне дали – вино там, продукты; говорят: ой, он меня затеребил, дай мне бутылку! Давай мне бутылку! Вот! Я, говорит, ему так и не дала. Говорю: на кой тебе? Наверно, хотел кого-нибудь угостить, что ли. Вот Есенин так – он у моей у свекрови на свадьбе, у неё. Она говорит: все продукты были, мне доверили, и ключи мне отдали; а он мене затеребил: дай мне бутылку! Ха-ха-ха! <...> Да помню: такой красивый, у!»³⁹ Следовательно, современники Есенина прежде всего вспоминают о хлебосольстве и широте натуры поэта.

Известно несколько описаний участия Есенина в свадебном ряжении. Только об участии поэта в качестве гостя и ряженого на свадьбе его двоюродного брата в июне 1925 г. имеется 6 воспоминаний: Е. В. Воробьевой, А. А. Соколовой, Г. А. Бениславской, И. И. Старцева, В. Лихоносова, В. Ф. Наседкина.

Заведующая отделом Государственного музея-заповедника С. А. Есенина в Константинове В. А. Вавилова привела бытовавший в родном селе поэта и в конце XX века обычай: на следующее после венчания утро по селу идут наряженные родные новобрачной «искать заблудившуюся ярочку». Они стучатся в окна дома молодого, требуют вернуть ярку, им выводят сначала одну девушку, потом другую и наконец настоящую молодую; посреди избы бьют горшок с монетами, чтобы новобрачная подметала пол. Исследовательница сообщила, что «Елена Васильевна Воробьева <ей шел 89 год> рассказывала, как в 1925 году Есенин приезжал на свадьбу к брату. А на следующий день она видела его среди наряженных. На нем было синее платье с оборкой, а на голове полушалок. И такой он был красивый в этом одеянии... Елена Васильевна вспоминает: “Зашел он к нам в дом, поздоровался со всеми и спросил: „Ну, как, хорошая я барышня?“ Свекровь ответила ему: „Да, барышня из тебя хорошая вышла“».⁴⁰

Эти сведения дополняются воспоминаниями А. А. Соколовой, жены директора школы в Константинове, к которой заходил ряженный в женскую одежду Есенин летом 1925 г., когда он приезжал на свадьбу своего двоюродного брата Александра Ерошина.⁴¹ И. И. Старцев также описывал ряжение Есенина на этой свадьбе: «Летом 1925 года мы побывали с Сахаровым на родине Есенина, на свадьбе его двоюродного брата. <...> В памяти осталось: крестьянская изба, Есенин, без пиджака, в растерзанной шелковой рубаше, вдребезги пьяный, сидит на полу и поет хриплым голосом заунывные деревенские песни. Голова повязана красным деревенским платком».⁴²

³⁸ Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников / Под ред. Н. И. Шубниковой-Гусевой. М., 1995. С. 172; О Есенине: Стихи и проза писателей-современников поэта / Сост. С. П. Кошечкин. М., 1990. С. 165.

³⁹ Записи автора. Тетр. 8б. № 631 – Дорожкина Валентина Алексеевна, 86 лет, с. Константиново Рыбновского р-на Рязанской обл., 03.10.2000.

⁴⁰ Вавилова В. «Ты – свойский, мужицкий, наш...» // Есенинский вестник. Вып. 2. Изд. Гос. музея-заповедника С. А. Есенина. Константиново, б/г. С. 5.

⁴¹ См.: Жизнь Есенина: Рассказывают современники / Сост. С. П. Кошечкин. М., 1988. С. 527.

⁴² Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. С. 278.

В. Лихоносов писал о Есенине (с Г. А. Бениславской; с ошибочной датой): «Раз на свадьбу приезжал, по-моему, за год до смерти. Двоюродного брата. С женой ли, с кем. Черная, наподобие цыганочки, с косой, развитая женщина. <...> Помню, на свадьбе горшки бил, в шубу рядился. А потом я с охоты шел, он с ней в лугах мне попался. Коня отобрал у мужика, ее наперед посадил, сам к ней спиной и бьет кобылу по задку. Смеху было! Чудак. Они все такие, видать... И Пушкин тоже...»⁴³ Симптоматично сопоставление Есенина с Пушкиным, который не был замечен ряженым: это ритуальное действие на дворянской свадьбе не практиковалось. Но склонность к безотчетному веселью, безудержному балагурству звучит в пушкинских стихах.

Г. А. Бениславская так вспоминала участие Есенина-ряженого на той свадьбе в первых числах июня 1925 г.:⁴⁴ «Вскоре <я> приехала в деревню на свадьбу его двоюродного брата. <...> Как-то раз утром разбудил меня на рассвете, сам надел Катино платье, чулки и куда-то исчез. <...> Вскочил плясать, да через минуту опять давай плакать. Потом пошли с гармошкой по деревне. С. А. впереди всех, пляшет (вдруг окреп), а за ним девки, а позади парни с гармонистом. Красив он в этот момент был, как сказочный Пан. Вся его удаля вдруг проснулась. Несмотря на грязь и холод (а он был в Катиных чулках, сандалии спадали с ног, и мать на ходу то один, то другой сандалий подвязывала), ему никак нельзя было устоять на одном месте, хоть на одной ноге, да пляшет. <...> “Пойдем, пойдем в кашинский сад, я тебе все покажу”, – и в том же костюме, ряженный, понесся в сад».⁴⁵ Более точная дата этой свадьбы приведена в тех же воспоминаниях Г. А. Бениславской чуть ниже: «В деревне, на Троицу 1925 г., куда мы ездили на свадьбу двоюродного брата Е...»⁴⁶ И о том же свадебном событии с конкретным числом его проведения писал В. Ф. Наседкин: «На Троицын день (кажется, 7 июня) Есенин поехал к себе на родину в село Константиново. Поехал он на свадьбу, приглашенный еще в Москве женихом – его двоюродным братом. Вместе с Есениным и за ним следом из Москвы приехало 8 человек гостей...»⁴⁷

В Константинове бытовал свадебный ритуал подмены молодых (при приходе родителей новобрачной на пир), также связанный с обрядовым ряжением: «Кто-нибудь нарядится под молодых: “Пожалуйста, пожалуйста в дом, гости дорогие”. – “Нет, не пойдем, давайте нам настоящих молодых...” Тогда выходят молодые и приглашают сватов».⁴⁸

Возможно, именно свадебным ряженьем объясняются странные, на первый взгляд, сведения жительницы д. Волхона, соседствующей с Константиновым, сообщенные нам по воспоминаниям ее покойного отца, неоднократно делившегося ими с экскурсоводами и всеми интересующимися судьбой Есенина. По словам отца А. М. Серёгина, знавшего Есенина, получается: «Он брюки носил только под сарафаном чёрным – Серёжка, да. Он говорить, оденеть юбку женскую, кофту и белый платок повяжет. И на лошади разъезжался по лугам. Да, специально рядился. Это не знаю, папаню я не спросила вот из-за этого. Как-то он рассказывал: такой чудной был!»⁴⁹

По нашему предположению, А. А. Павлюк со слов отца рассказала о типичном ряженье гостей на 2-й день свадьбы, как было принято в Константинове: известно, что в 1925 г. Есенин приезжал в родное село, чтобы поучаствовать в крестьянской свадьбе. Поэт высоко ценил народный свадебный обряд и с удовольствием деятельно участвовал в нем, когда предоставля-

⁴³ Лихоносов В. «Люблю тебя светло...» Отрывок // Венец певца, венец терновый / Сост., коммент. С. С. Куняева. М., 1998. С. 451–452.

⁴⁴ См. комм. под № 86 к: Бениславская Г. А. Воспоминания о Есенине // Сергей Есенин: Материалы к биографии / Сост. Н. И. Гусева, С. И. Субботин, С. В. Шумихин. М., 1992 (1993).

⁴⁵ Бениславская Г. А. Воспоминания о Есенине // Сергей Есенин: Материалы к биографии. С. 82.

⁴⁶ Там же. С. 91.

⁴⁷ Наседкин В. Ф. Последний год Есенина // Сергей Есенин: Материалы к биографии. С. 218.

⁴⁸ Панфилов А. Д. Указ. соч. Ч. 2. С. 230–231.

⁴⁹ Записи автора. Тетр. 8а. № 506 – Павлюк Анастасия Афанасьевна, 1924 г. р., д. Волхона Рыбновского р-на, 13.09.2000.

лась возможность. Он понимал, что крестьянская традиция игры свадьбы при строительстве социализма и нивелировании классов в советском обществе уходит в прошлое. Поэтому важно успеть зафиксировать хотя бы на бумаге – в виде литературных творений (с учетом художественной специфики писательской деятельности) – уходящий стародавний свадебный обряд.

И отрадно, что вопреки отмиранию традиционного народного свадебного обряда все-таки сохраняются хотя бы отдельные его крупницы. Так, в 2000 г. А. К. Ерёмкина с воодушевлением рассказала о том, как она сама обычно принимает активное участие в свадебном ряженье (бытующем в селе, как и во время Есенина): «На второй день, ну, убирают. Значить, идём искать её. Например: если я гуляю от невесты – и я иду искать ярочку к жениху. Я убираюсь, вот отделяю себе костюм, что мне надоть, потом – что нет посмешнее. Я раз даже сколько? – семь метров материи испортила, да, три такой, три такой – делала этот себе, костюм шила. Вот. А второй раз мы гдей-то гуляли – даже Валька <племянница> вот смеётся – это два хороших этих полотенца большие. Эти полотенцы мохровые два больших: тут с одной стороны, а тут с другой – как юбку сделала и на юбку такие вот эти – железяки на эти, ну, навешивала на подол, на фартук, вот тут везде. Как пляшешь, они звенять здорово!»⁵⁰

О свадебном ряженье, как оно проходило в 1920 – 1930-е годы в Константинове, рассказывала М. Г. Дорожкина: «Наряжались: и врачом наряжались, и упокойником наряжались – так наряжались. Ну, белый халат надевали на себе, врач – уж он белый халат уж конечно должен надеть, как он врач, он в белом халате должен быть. А пастух если он, кнут должен быть у него. Да чего врач? Такой (же) он гуляющий человек. Ну, кто, может, пояснял: кто много болеет, я его полечу, да пято-десято причитывал».⁵¹

Но еще в детские годы Есенин был не просто знаком с обычаем свадебного ряжения, но и сам вместе с ребятами производил элементы перевоплощения до неузнаваемости (что обычно и даже обязательно для Святков, но устраивалось мальчиком в любое время, без обрядовой приуроченности). Односельчанка А. Н. Воробьева вспоминала: «Сергей на выдумки горазд был. Раз взяли картошку. В саду у нас печка была. Картошку сварили, сели коммуной. Я себе усы сажей навела, Сергей Тимоше Данилину бороду намалевал. Тут пошел у нас кавардак, всех перепачкали...»⁵² Друг детства Н. А. Сардановский писал, как они с Есениным и друзьями организовывали ряженье как наказание при проигрыше в игру: «... Часто летними вечерами до самого утра наша компания сражалась в карты, в козла и дурака. <...> Свою игру мы, по мере возможности, сопровождали приемами чисто биотехнического свойства, заставляя проигравших выпить по стакану воды, сбегать в сад за яблоками и т. д. А тех “дураков”, которые достигали солидного стажа (5 раз), подвергали высшей мере наказания, т. е. одевали в тети-капин капот, а физиономию соответствующим образом размалевывали сажей».⁵³

Константиновская свадьба как региональный образец народного крестьянского брачного обряда всегда волновала Есенина. Об этом рассказывала С. С. Виноградская: «Он и в деревню ездил на чью-то свадьбу, всех звал с собой, захлебываясь заранее от восторга и удовольствия послушать старинное пенье, посмотреть пляску».⁵⁴

⁵⁰ Записи автора. Тетр. 8а. № 321 – Ерёмкина Анна Константиновна, 57 лет, с. Константиново, 11.09.2000.

⁵¹ Записи автора. Тетр. 8а. № 418 – Дорожкина Мария Григорьевна, 1911 г. р., с. Константиново, 12.09.2000.

⁵² Панфилов А. Д. Указ. соч. Ч. 2. С. 105.

⁵³ Цит. по: Панфилов А. Д. Указ. соч. Ч. 2. С. 105. – Сардановский Н. Из моих воспоминаний о Сергее Есенине // ИМЛИ. Ф. 32. Оп. 3. Ед. хр. 36. С. 6.

⁵⁴ Виноградская С. С. Как жил Есенин // Как жил Есенин: Мемуарная проза / Сост. А. Л. Казаков. Челябинск, 1991. С. 9.

Свадебная история есенинского кольца с изумрудом

Есенин ценил возможность побывать на крестьянской свадьбе именно в роли полноправного участника, а не стороннего наблюдателя, и заранее готовился к этому праздничному событию. Когда же неожиданные обстоятельства заставляли его врасплох, он тут же находил выход из создавшегося положения, принимая на себя роль доброго хозяина или щедрого гостя. Троюродная сестра поэта Мария Ивановна Конотопова, вышедшая замуж в 1920 г. за Василия Павловича, солдата на постое в с. Кобыленка в Спас-Клепиковской стороне, вспоминала о своей свадьбе в Константинове: «Когда из церкви после венчания выходили – Сергей навстречу. Он только что приехал, заволновался, что подарка молодым нет, не знал о свадьбе. Снял со своей руки перстень, надел на мою руку. Мы этот перстень сохранили до сих пор»⁵⁵ (сейчас перстень передан в музей на родине поэта; о символике перстня см. в главе 2). Золотой перстень с изумрудом (возможно, с хризопразом) был вручен Есенину в дар от императрицы Александры Федоровны в 1916 г. в Царском Селе, где поэт проходил армейскую службу санитаром поезда Высочайшего имени и читал стихотворение в честь царевен.

Согласно западноевропейской традиции, кольцо с изумрудом обычно преподносится невесте ее женихом в день помолвки как символ верности. Имеется примета: если на изумруде появится трещина или этот драгоценный камень вообще расколется, то такое событие предвещает скорое несчастье в браке. Естественно, в среде русского крестьянства не существовало обычая дарить перстень с изумрудом в качестве помолвочного кольца; соответственно, не было и связанного с ним поверья.

Об истории этого свадебного дара сообщил председатель Орловского Есенинского комитета Г. А. Агарков:

Живет в Новопскове и троюродная сестра Есенина Мария Ивановна Конотопова, которая родилась в 1901 году в Константиново. Она сохранила хорошую память и охотно рассказывает, каким она помнит Сергея. Маша рано осиротела и с 9 лет жила у Татьяны Федоровны Есениной (матери поэта). Это, конечно, ее горенку имел в виду сердобольный брат, когда писал стихотворение «Сиротка (Русская сказка)», которое начинается словами «Маша круглая сиротка...» Недавно стало известно, что у нее хранится драгоценный перстень, принадлежавший когда-то царской семье, чему свидетельствует специальное клеймо. История появления перстня такова. Есенин, узнав, что у Маши свадьба, а подарка для такого случая не было, снял с руки перстень и преподнес ей. Перстень был подарен Есенину 22 июня 1916 года императрицей Александрой Федоровной во время выступления перед ней и членами царской фамилии в Царском Селе.⁵⁶

Из архивных материалов, разысканных есениноведом Олегом Бишаревым, следует, что М. И. Конотопова была внучкой Пелагеи Евтихиевны Кверденевой – родной сестры Натальи Евтихиевны Титовой, бабушки Есенина по материнской линии. Маша рано осталась сиротой, часто жила в семье Есениных и у старшей сестры Ольги в с. Кобыленка близ с. Спас-Клепики, в 40 км от Рязани. После свадьбы уехала с мужем в с. Пески Новопсковского р-на Луганской обл. Украины; муж погиб на войне.⁵⁷

⁵⁵ Цит. по: *Обыдёнкин Н. В.* Они помнят Есенина // *Есенинский вестник*. Вып. 4. Константиново Рязанской обл., 1995. С. 25–26.

⁵⁶ *Агарков Г. А.* Друзья Есенина в России // *В мире Есенина: Сб. материалов Есенинских чтений*. Орел, 1995. С. 21.

⁵⁷ См.: *Обыдёнкин Н. В.* По залам музеев С. А. Есенина: К 100-летию со дня рождения великого русского поэта. Константиново: Гос. музей-заповедник С. А. Есенина, 1994. С. 64–65.

Преломление каравай на свадьбе

В «Инонии» (1918) имеется аллюзия на свадебный ритуал разламывания дружкой на его голове каравай с последующим угощением участников свадьбы хлебными ломтями, которые разносили новобрачные и получали вознаграждение за это: «Пополам нашу землю-мать // Разломлю, как златой калач» (II, 64).

В Константинове каравайный ритуал выглядел так: «Подходят к сыру. А когда приходят, когда садятся они (родственники), счас, значить, буханку хлеба и соль в солоничке. И значить, он буханку хлеба делают эту и один носить и шумить: “Кузьма-Демьян, ломайте хлеб пополам!” А его разрежут, он как топнет – и хлеб напололам разваливается – тут и: ура! – И начинают сыр носить»⁵⁸. Или по другим сведениям: «Должен жених хлеб резать, на его. Это которые будут резать тоже хлебушек и разносить, его пополам разрежут. Тогда-то пекли, а счас покупают. Пополам разрежут его, но не совсем. И вот это Кузьма-Демьяна начинают у нас называть. И вот он кругом:

Кузьма-Демьян,
Развали хлеб напололам!
Кузьма-Демьян!

И подпрыгивает, как будто он переломил буханку хлеба. Его резать потом стануть. Ну, прыгал какой-нибудь мужчина. Ну, его кто должен? Дружок – он обычно сидит рядом с молодыми за столом».⁵⁹

⁵⁸ Записи автора. Тетр. 8а № 321 – Еремина А. К., 57 лет, с. Константиново, 11.09.2000.

⁵⁹ Записи автора. Тетр. 8а № 479 – Цыганова Анастасия Ивановна, 1911 г. р., с. Константиново, сентябрь 2000 г.

Традиционность подхода Есенина к сватовству

Свадебное действо рассматривалось Есениным и как серьезнейшее событие в жизни человека, и как игровой момент, предмет для шутки. Например, он разыгрывал телефонистку – «бросал трубку вместе с какой-нибудь фразой, вроде: “Срочно требуется жениться, понимаете?”». ⁶⁰ Лев Клейнборт привел такой розыгрыш в начале литературной карьеры Есенина: «Я не прочь, коль просватаете». ⁶¹

В с. Константиново бытовали частушки о сватовстве (естественно, сватали девушку):

Не покосят в час пшеницу,
Зерно на землю падёт.
Не засватают девицу,
Прелесть даром пропадёт;

Сосватали меня
В дом деревянный.
Свекровь – сатана,
Свекор – окаянный. ⁶²

Но бывали и обратные ситуации, когда знакомые Есенина приписывали ему брачные действия, о которых поэт и не помышлял, однако некоторыми моментами своего поведения давал повод думать о свадьбе. Так, в семейной переписке К. А. Соколова с его женой П. М. Соколовой развивается целый сюжет о том, как Есенин будто бы женился на Ольге Кобцовой (miss Olli – как называл ее поэт – VII (3), 254–255). Сначала К. А. Соколов был обеспокоен безрассудной жизнью Есенина и рассуждал 11 декабря 1924 г. в письме к жене из Тифлиса, где он находился вместе с поэтом: «...его может спасти только женщина – но где она? Это очень трудно, ибо для него нужно собой буквально пожертвовать». ⁶³ В письме 17 декабря К. А. Соколов, ратовавший о женитьбе Есенина и оставшийся в Тифлисе уже без него, недоумевал по поводу слухов о не подходящей для поэта невесте, на которой он якобы женился: «...Сергей, кажется, в Батуме женился на 17-летней “девице с кошкой”, ничего не понимаю...». ⁶⁴ Свое недоумение насчет безрассудной женитьбы Есенина эпистолярный автор повторил в письме 20 декабря: «Ах, Сережка! Какой он бурный – а теперь в муках живет, да еще не подумавши, буквально с похмелья женился на девушке... которая ничего не знает и не понимает». ⁶⁵ И затем 22 декабря того же года К. А. Соколов приводил новый сюжетный поворот “народных слухов” о свадебном путешествии Есенина: «От Сережи я не имею никаких сведений. Есть слухи, что он сел на итальянский пароход и поехал в Геную, хотя я сомневаюсь, всего вернее, он с молодой женою поехал в Сухуми». ⁶⁶ Как видим, в обсуждение свадебных проблем, имевших хоть какое-нибудь отношение к Есенину, вовлекались его друзья и знакомые; они также вели переписку на эту животрепещущую тему.

⁶⁰ Виноградская С. С. Указ. соч. С. 7.

⁶¹ Клейнборт Л. «В стихах его была Русь...» // Кузнецов В. Тайна гибели Есенина: По следам одной версии. М., 1998. С. 259.

⁶² «У меня в душе звенит тальянка...» С. 264, 169.

⁶³ Из писем К. Соколова жене П. Соколовой / Публ. Г. Ивановой // Есенинский вестник. Вып. 4. С. 24.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

И далее уже Есенин, до которого дошла эта невероятная история с вымышленной женитьбой, удивлялся в письме к А. А. Берзинь от декабря 1924 – начала 1925 г. и вынужден был объясняться, чтобы развеять мифическую выдумку: «С чего это распустили слухи, что я женился? Вот курьез! <...> Я сидел просто с приятелями. Когда меня спросили, что это за женщина – я ответил: “Моя жена. Нравится?” – “Да, у тебя губа не дура”. Вот только и было, а на самом деле сидела просто надоедливая девчонка...» (VI, 197. № 195). Содержание есенинского письма показывает, что народный менталитет включал в понятие жизненного успеха человека его брачное состояние и выбор невесты, чье достоинство зримо проявлялось в красоте. На примере с приписанной поэту свадьбой Есенин мог убедиться, что порой бывает легче создать миф (особенно соответствующий этикету, проявленному в свадебной обрядности и соотносимому с законами высшего миропорядка и природной гармонии), чем развенчать его.

Есенин с детства усвоил, что в жизни каждого человека наступает свадебная пора, когда необходимо создать семью. До Первой мировой войны и службы в армии он слышал разговор матери с одной женщиной в Константинове о намерении сосватать его – как вспоминала сестра Е. А. Есенина: «“Сынка-то женить не думаешь?” – “Да нет, рано еще, не думали”. – “Ну где же рано, ровесники его давно поженились, пора и ему”. – “Не знаю, мы волю с него не снимаем, как хочет сам”. – “А вы не давайте зря волю-то, женить пора. Вот Дарье-то желательно Соню к тебе отдать, – прибавила она другим тоном, – и жени! Девушка сама знаешь какая. Что красавица, что умница. Другой такой во всей округе нет”. – “Девка хорошая, что говорить. Я поговорю с ним”, – сказала мать. <...> Сергей уже проснулся. Дверь амбара была открыта, и он, задрав ноги на кровати, пел. “Уж и жених”, – мелькнуло у меня в голове. <...> За столом мать сказала Сергею о посещении Хаички. “Я не буду жениться”, – сказал Сергей. <...> Хаичке мать ответила: “Отец не хочет женить сейчас, еще, говорит, молод. Годок подождать надо”». ⁶⁷

Также Есенин слышал народную свадебную терминологию, бытовавшую в Константинове. Его младшая сестра Александра Есенина привела пример такой свадебной лексики: «Работая <на сенокосе> у всех на виду, нужно показать себя в работе ухватистой, особенно *девкам на выданье*. К их работе пристально присматриваются будущие свекор или свекровь». ⁶⁸

В рязанской свадьбе известно два типа выбора будущего супруга: 1) сватовство, когда в дом к родителям невесты засылаются сваты от жениха; 2) навязывание, когда родители невесты предлагают свою дочь в невесты. Довольно редкий народно-свадебный термин «навязываться» зафиксирован в частушке села Константиново:

Соперница моя
Низко повязалася.
Она к милому мому
Сама *навязалася* ⁶⁹.

Известно, что в первой половине XX века в ряде селений Рязанщины сохранялся обычай *навязывать* невесту (с. Секирино и с. Корнево Скопинского р-на; с. Новая Пустынь Шиловского р-на; Шацкий р-н). ⁷⁰ Сватом выступала сестра, тетка, брат невесты, изредка – мать; она входила и обещала в приданое корову, хлеба пудов двадцать, вина 10–15 четвертей, а также

⁶⁷ Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. С. 18.

⁶⁸ Там же. С. 32 (курсив наш. – Е. С.).

⁶⁹ «У меня в душе звенит тальянка...» С. 138.

⁷⁰ См.: Гилярова Н. Н. Музыкальный фольклор Рязанской области / Рязанский этнографический вестник. 1992. С. 92; ИЭА. Ф. 1379. Т. IV. Л. 14. – Литец Р. С. Свадебный обряд в с. Корнево Скопинского р-на. Машинопись. 1949; Документальный фильм «Свадьба»: В 2 ч. Ч. 1. Секиринская свадьба / Под ред. Н. Н. Гиляровой. – М.: Артель. Рубрика «Мировая деревня». (Расшифровка текста наша. – Е. С.); Серин П. А. Свадебный обряд с. Новая Пустынь Шиловского р-на // Материалы и исследования по рязанскому краеведению / Рязанский областной институт развития образования. Рязань, 2003. Т. 4. С. 154, 155.

одеть-обуть жениха с ног до головы (пальто, костюм, сапоги, столько-то брюк, рубашек, кальсон). Иногда под окном оказывался сват от другой невесты, который слышал о приданом и сулил уже корову с телкой и т. п. (с. Корневое Скопинского р-на).⁷¹ Женщина, расхваливавшая невесту при «навязывании» ее родителям жениха, называлась «*хвастушка*» (с. Новая Пустынь Шиловского р-на).⁷² Сходное наименование носил мужчина: «Накануне свадьбы возят “*хвастуна*” – близкого родственника невесты, наряженного в рваную одежду – на салазках по улице, стараясь свалить в яму: “*хвастун*” – тот, кто наговаривает, лжет на невесту»⁷³ (д. Ана-тольевка Касимовского уезда).

Этнограф Р. С. Липец, согласившись с мнением местных жителей, относит периоды активизации *навязывания* невесты к Первой мировой и Великой Отечественной войнам, а причину бытования обычая именно в шахтерских селах усматривает в экономической независимости девушек.⁷⁴ Однако это мнение небезупречно, поскольку известны иные временные привязки. Так, П. А. Серин записал бытование «навязывания» в 1930-е гг. (с. Новая Пустынь Шиловского р-на; Шацкий р-н).⁷⁵ Намного раньше, в 1898 г., Д. Шишлов в с. Белоомут Зарайского у. зафиксировал сходный обычай, относя его к далекому прошлому и ограничивая его возрастными рамками: «В среде крестьян сохранилось предание о существовавшем когда-то крайне оригинальном способе выдавать замуж засидевшихся невест. По рассказам, родители такой девушки сажали ее в салазки и возили по улицам села, выкликая: “Эй, надолба, надолба! Кому надо надолбу?” – Домохозяин, у которого имелся взрослый сын – жених, приглашал родителей надолбы (невесты) к себе в дом, где без дальних проволочек совершалось рукобיתье, богомолье и прочие формальности, и свадьба следовала иногда на другой день».⁷⁶

Синонимом термину «навязывать невесту» выступает «набиваться» (тоже народный), зафиксированный в частушках с. Константиново:

Пляшите, девки,
Нечего бояться.
Нынче свататься не ходят,
Пойдем *набиваться* ⁷⁷.

Частушка увязывает «женский» тип выбора будущего супруга – «набиваться» – с наличием богатого приданого:

Нынче свататься не ходят,
Набиваться не пойдут,
Наши старые родители
Приданого не дадут.⁷⁸

⁷¹ См.: ИЭА. Ф. 1379. Т. IV. Л. 14. – Липец Р. С. Свадебный обряд в с. Корневом Скопинского р-на. Машинопись. 1949.

⁷² Серин П. А. Указ. соч. С. 154.

⁷³ Мансуров А. А. Описание рукописей этнологического архива общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1928. Вып. 1. № 22. С. 15 (курсив наш. – Е. С.).

⁷⁴ См.: ИЭА. Ф. 1379. Т. IV. Л. 14. – Липец Р. С. Свадебный обряд в с. Корневом Скопинского р-на. Машинопись. 1949.

⁷⁵ См.: Серин П. А. Указ. соч. С. 154–155.

⁷⁶ РЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 1729. Л. 6 – Шишлов Д. С. Белоомут Зарайского у. Рязанской губ. Свадьба. 11 дек. 1898 г. Машинопись.

⁷⁷ «У меня в душе звенит тальянка...» С. 178, 263.

⁷⁸ Там же. С. 263.

Обычай навязывать невесту зафиксирован уже в 1663 г. в «Русском законе» автора «Записки Юрия Крижанича о миссии в Москву 1641 г.», который два раза был в России и провел около 15 лет в качестве ссыльного в Тобольске.⁷⁹

И сей другій законъ рускій есть пособливъ же: еже двичиному (девкиному) отцу нѣсть замѣрно (не зазорно) удавать своеа дочери: и обсылать да повѣщевать (убеждать, склонять) младенцевъ, дабы ю кій взялъ. Сей законъ гдѣ индѣ бы былъ позоренъ, и осуженъ: али такова осуда есть неразборна (неразумна). Разумъ бо кажетъ: еже мужу и женѣ въ брачномъ дѣлу единаковъ имаеть быть законъ. Аще нѣсть позорно младенцу просить дѣвойки: за что имаеть дѣвойкѣ быть позорно опросить младенца? А особито гдѣ не она сама чинить, нить говорить; но неа отецъ или пріятели ⁴⁸.

Есенин, неоднократно женившийся, каждый раз выбирал супругу традиционно: сватался к ней. Есенин официально женился трижды: на Зинаиде Райх (имели двух детей – Татьяну и Константина), Айседоре Дункан и Софье Толстой, но каждый раз неудачно и непродолжительно. Кроме того, существовали гражданский брак с А. Р. Изрядновой (с рождением сына Георгия в 1914 г.), завуалированный брак с Н. Д. Вольпин (есенинское отцовство в отношении их общего сына Александра было признано судом в 1926 г. уже после смерти поэта) и совместное ведение хозяйства с Г. А. Бениславской. О каждой официальной женитьбе сообщается в письмах, немногое имеется в автобиографиях, также сохранился список приглашенных лиц на последнюю свадьбу.

⁷⁹ Русское государство в половине XVII века. Рукопись времен царя Алексея Михайловича. Открыл и издал П. Бессонов: В 2 ч. М., 1860. Ч. 2. С. 97–98; об авторе см.: Записка Юрия Крижанича о миссии в Москву 1641 г. М., 1901. – 42 с.

Родительское благословение и барское сватание

Предшествованием к свадьбе Есенина можно считать напутствие матери, данное сыну при отправлении его в Москву к отцу, чтобы начать «взрослую жизнь», как вспоминала Е. А. Есенина: «Если ты женишься в Москве и без нашего благословения, не показывайся со своей женой в наш дом, я ее ни за что не приму, – наставляла мать. – Задумаешь жениться, с отцом посоветуйся, он тебе зла не пожелает и зря перечить не будет...».⁸⁰ Как видно из дальнейших свадебных событий в биографии Есенина, он не придавал серьезного значения родительскому благословию, хотя, будучи крестьянского происхождения, должен был верить в его силу.

Если при жизни Есенина в крестьянской среде бытовало представление о прямой зависимости счастливой брачной жизни от полученного родительского благословения и положительного совета местного священника (об этом см. ниже), то еще раньше, при крепостном праве в Константинове учредительством свадеб и выбором невесты заведовал помещик. Многие старожилы Константинова уже в 1960-е годы рассказывали московскому журналисту А. Д. Панфилову о свадебных традициях крепостничества, и эти семейные предания передавались из поколения в поколение и достались им по наследству. Следовательно, допустимо предположить, что и Есенин мог с детства интересоваться родовыми преданиями о свадьбе и слышал подобные этнографические сюжеты.

Основных свадебных сюжетов в Константинове известно два: 1) о подборе барином жениха и невесты с главенствующей идеей уравниательства достоинств новобрачных; 2) об отмене права «первой ночи» для барина. Вот примеры первого сюжета. П. П. Дорожкина, 1891 г. р., свидетельствовала: «Родители рассказывали, что раньше, как парня вздумает кто женить, к барину идет невесту просить»; П. А. Минакова, 1880 г. р., продолжала: «А барин, если жених хороший, большой, дает ему невесту похуже... А жених плохой, наоборот, подберет невесту красавицу. Равнял большого с маленькой. Хорошую с плохим. А то двух калек сведет. Вот у нас, у Минаковых, дед Иван был хромой, а бабка Варя кривая. Барин их свел. Говорит им: “Вот ты, Иван, хромой, а ты, Варвара, кривая, вот вы и пара. Начнете ругаться, ты скажешь “Хромой”, а ты скажешь “Кривая”, вот вам и не обидно будет”».⁸¹

В. С. Ефремов, 1893 г. р., подтвердил подобные сведения: «Это точно было так. Дед мой, Василий Радионович, сто десять лет жил. Жил он и при крепостном праве. <...> Он, бывало, положит меня с собой и рассказывает мне. Мне было 12–13 лет. // Они были сироты с братом, барин взял его брата к себе в повара, Алешу. “Когда стал я жениться, – говорит дед, – пошел к барину”. “Барин, говорит, дай мне невесту”. А барин, верно, так невесту давал: если жених хороший, то ему невесту плохую, а если жених плохой, корявый, то ему невесту хорошую давал. “Теперь, – говорит дед Василий Радионович, – дал мне барин девку Аринку, ну, дал Аринку, она наша, константиновская, но какая, говорит, Аринка, не знаю. Значит, венчаться пошли. Аринка моя, говорит, вся закрыта. Мне хочется посмотреть – закрыта. Поп повенчал. Привел в дом, за стол посадили, стали ее раскрывать. Когда раскрыли, дед говорит, смотрю я на свою Аринку, о, моя Аринка хорошая. Мне понравилась. Аринка хорошая.” // Теперь сошлись с братом. Брат Алексей Радионович и говорит: “Тебе барин Аринку дал по мне, по мне. Я поваром у него, а ты брат мой родной, и он тебе такую хорошую девку дал”».⁸²

Пример второго сюжета сообщила П. А. Минакова, 1880 г. р.: «А еще раньше, до Кулакова и Куприянова, когда еще розгами поролы – и плетъ была о пяти хвостах, – барин на первую

⁸⁰ Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. С. 13.

⁸¹ Панфилов А. Д. Указ. соч. Ч. 1. С. 73

⁸² Там же. Ч. 1. С. 73–74.

ночь невесту брал к себе. А один: “Жену отдать барину? Не будет этого!” Восстал. И с той поры перестали жен у мужей отнимать. Один, вишь, восстал, а дело-то как поворотил!»⁸³

Старожилы с. Константиново (сверстники Есенина) свидетельствуют, что при выборе невесты или жениха сельчане советовались со священником – отцом Иоанном Смирновым, который пользовался большим уважением и иногда отклонял родительское решение, хотя бы неокончательное. Н. П. Калинин вспоминал о такой местной традиции (обусловленное особенностями церковно-славянского произношения «оканье» было особенно заметно на фоне рязанского «акающего» говора и придавало еще большую весомость речи священника): «Погоди, – а сам на “о” напирает. – Не на-доть, в другое место отдашь. В это место не надоть. Ну их... Тяжело ей у них будет. Погоди...».⁸⁴

О родительском благословении – «совете», необходимом для венчания, поется в константиновской «прибаске»-частушке, записанной Есениным:

Не стругает мой рубанок,
Не пилит моя пила.
Нас священник не венчает,
Мать совету не дала (VII (1), 323).

Есенин считал свадебный обряд одним из важных сюжетобразующих компонентов художественного творчества. Это хорошо заметно по завершенным поэтическим (лиро-эпическим) и прозаическим сочинениям.

⁸³ Там же. Ч. 1. С. 73.

⁸⁴ Там же. Ч. 2. С. 114.

Гражданский брак с А. Р. Изрядновой

Есенину было свойственно романтическое отношение к браку; его личностное восприятие свадьбы диктовало особые, необычные условия проведения брачной церемонии. Примечательно, что поэт стремился не повторять способов совершения брачного торжества, выбирал различные схемы утверждения бракосочетания и закрепления его в законодательном порядке, насколько можно было разнообразить способы заключения брака. Так, первый раз он сочетался незаконным «гражданским браком» с А. Р. Изрядновой; следовательно, ему было важно осмыслить факт создания семьи в наиболее прямом, буквально-букволистском решении «таинства брака» как «тайны», хотя и вопреки церковному уставу. Вероятно, первый опыт организации семейной жизни Есенин рассматривал исключительно как дело двоих, без привлечения свидетелей, хотя бы их роль и играли дружки или шафера, как это было положено в крестьянской свадьбе начала XX века. И действительно, время зарождения первого есенинского брака до сих пор (и может быть, навсегда) остается неизвестным, никакой более точной даты, чем 1914 год, и обстановки событий нет.

Церковное венчание с З. Н. Райх

Второй раз Есенин действовал по всем брачным канонам, однако таинственность совершения брака продолжала сохраняться. Есенин венчался 30 июля (12 августа н. ст.) 1917 г. с З. Н. Райх вдвину от родных, в Кирико-Иулиттговской церкви у д. Толстикова Вологодского уезда и губ. при свидетеле со стороны невесты Алексея Алексеевича Ганине (1893–1925), во время поездки на Север (Вологда – Архангельск – Соловецкие острова – Белое море – Мурманское побережье), которая вылилась в свадебное путешествие (IV, 398; VII (1), 425; VII (3), 301).

Исследователями называется и другое (соседнее?) место венчания: одноименная (или та же самая) церковь в с. Коншино Вологодской губ.,⁸⁵ поскольку уроженцем этого села был А. А. Ганин. Возможно, к свадебной истории с упоминанием с. Коншино имеет отношение следующий фрагмент «Из воспоминаний старшей сестры А. Ганина Елены Алексеевны»:

Помню, как Есенин и Райх и с братом приезжали к нам.

Она в Вологде работала у Клыпина, был такой краевед с частным издательством. Райх секретарем у него была... Приехали, когда рожь клонила... Как раз они на праздник попали после Петрова дня – на престольный праздник нашей деревни... Помню Райх – в белой блестящей кофте, в черной широкой шуршащей юбке. Веселая... А Есенин хорошо играл на хромке, подарил ее Федору, хромка с зелеными мехами. Долго лежала, потом пропала.

Федор на ней играл и частушки сочинял... <...> (Я из этого заключаю, что Федор знал стихи Есенина или слышал их в Коншино...).⁸⁶

Христианским мученикам Кирику и Иулитте (около 305 г.) редко посвящаются православные церкви. Между тем, этим святым молятся о семейном счастье и выздоровлении больных детей. Молодая Иулитта подверглась жестоким мучениям и во время пыток повторяла, что она христианка и не принесет жертвы бесам. Ее трехлетний сын Кирик плакал и рвался к матери, несмотря на попытки правителя приласкать мальчика. После крика ребенка о том, что он христианин и просится к матери, правитель швырнул мальчика на каменные ступени, и тот умер, покотившись вниз и ударяясь об острые углы, а Иулитту казнили мечом. Их память отмечается 28 июля н. ст.⁸⁷

О том, что эта свадьба стала неожиданностью для самого Есенина, размышляет в письме к учительнице и организатору Есенинского музея в пос. Росляково Мурманской обл. В. Е. Кузнецовой дочь поэта Татьяна: «Дорожная обстановка с ее повседневным, ежечасным общением сближает, проясняет отношения, ставит точки над “i”. Чувства Ганина стали пробиваться наружу, Есенин забеспокоился, а потому и решил ускорить события, хотя считанные дни назад и не помышлял о том, чтобы обзаводиться семьей, – слишком уж времена были неподходящие. Остальное у меня описано – предложение, сделанное в поезде, остановка в Вологде, телеграмма в Орел – “вышли сто, венчаюсь”».⁸⁸

В воспоминаниях Т. С. Есениной «Зинаида Николаевна Райх» (1975 г.) изложена свадебная история: «Со дня знакомства до дня венчания прошло примерно три месяца. Все это время отношения были сдержанными, будущие супруги оставались на “вы”, встречались на людях.

⁸⁵ См.: *Обыденкин Н. В.* По залам музеев С. А. Есенина. С. 19–20.

⁸⁶ Цит. по: *Курияев С. Ю.* Жизнь и смерть поэта // *Ганин А. А.* Стихотворения. Поэмы. Роман. Архангельск, 1991. С. 12.

⁸⁷ См.: *Миронов В.* Православный календарь. 28 июля – 3 августа // Южные горизонты. М., 2003, 24 июля – 30 августа. № 27 (161). С. 10.

⁸⁸ ...Белое море – Соловки, рыбачка, чайка, стихи Ганина. Письмо дочери Сергея Есенина <Т. С. Есениной к В. Е. Кузнецовой> // Наука и бизнес на Мурмане. Мурманск, 2000. № 6: Вокруг Есенина. С. 49.

<...> В июле 1917 года Есенин совершил поездку к Белому морю... его спутниками были двое приятелей... и Зинаида Николаевна. <...> Уже на обратном пути, в поезде, Сергей Александрович сделал матери предложение, сказав громким шепотом: “Я хочу на вас жениться”. Ответ: “Дайте мне подумать” – его немного рассердил. Решено было венчаться немедленно. Все четверо сошли в Вологде. Денег ни у кого уже не было. В ответ на телеграмму “Вышли сто, венчаюсь” – их выслали из Орла, не требуя объяснений, отец Зинаиды Николаевны. Купили обручальные кольца, нарядили невесту. На букет, который жениху надлежало преподнести невесте, денег уже не было. Есенин нарвал букет полевых цветов по пути в церковь – на улицах всюду пробивалась трава, перед церковью была целая лужайка». ⁸⁹ В более позднем примечании к воспоминаниям Т. С. Есенина указала фамилию свидетеля – Ганин, сославшись на хранящийся в РГАЛИ план воспоминаний З. Н. Райх о Есенине. ⁹⁰

Роль Алексея Ганина (как и второго свидетеля) регламентировалась «Сводом законов гражданских» (1914), причем назывался в качестве синонима к официальному термину еще и народный – «поезжане»: «По обыску, свидетели, при совершении брака находящиеся (поезжане), удостоверяют, что между сочетающимися родства, принуждения и никаких других препятствий к браку не имеется, и сие удостоверение, по установленной форме, сами, или, по неграмотности их, те, кому они поверят, подписывают в книге, для сего содержимой» (ст. 28; 5 августа 1775, 25 апреля 1807). ⁹¹

Т. С. Есенина продолжает в письме к В. Е. Кузнецовой: «В 1965 году в “Новом мире” (№ 10) были опубликованы воспоминания В. С. Чернявского “Встречи с Есениным”. В Петрограде он в конце 1917 года был частым гостем у молодых Есениных, и вот его слова: “Сергею доставляло большое удовольствие повторять рассказ о своем сватовстве, связанном с поездкой на пароходе, о том, как он „окрутился“ на фоне северного пейзажа”. Вот вам еще одно указание на то, что поездка по морю не была “свадебным путешествием” (кто ж сватается после свадьбы?...).» ⁹²

Современный рязанский есениновед Н. В. Обыденкин указывает нахождение фотоизображения З. Н. Райх того жизненного отрезка в общественном музее С. А. Есенина, устроенном В. И. Синельниковым (1923–2005) в Липецке: «Большую редкость представляет фотография 1917 года, на которой Зинаида Николаевна запечатлена в свадебном платье в период бракосочетания с С. Есениным». ⁹³

По воспоминаниям Е. Р. Эйгес, Есенин «рассказал историю своей свадьбы: “Мы ехали в поезде в Петербург, по дороге где-то вышли и повенчались на каком-то полустанке. Мне было все равно”, – добавляет Есенин». ⁹⁴

Существует романтическая версия свадьбы Есенина с З. Н. Райх на Соловецких островах. Она известна по воспоминаниям Мины Свирской «Знакомство с Есениным» и не соответствует действительности, является «мифологической»: «Летом 17-го года вбежал в Общество Есенин: “Мина, едемте с нами на Соловки. Мы с Алешей едем”. Это было очень неожиданно и в обстановке, в которой мы жили, похоже на шутку. <...> Как и очень часто, мне нужно было на Галерную, Есенин пошел со мной. Придя к Зинаиде, я ей тут же рассказала, что Сергей с Алешей собрались ехать на Соловки и Сергей пришел звать меня. Она вскочила, захлопала в ладоши – “Ох, как интересно! Я поеду. Сейчас пойду отпрашиваться к Сереженьке!” – так мы называли за глаза Сергея Порфирьевича Постникова, секретаря газеты “Дело Народа”, непо-

⁸⁹ Сергей Есенин в стихах и жизни. Воспоминания современников. С. 445–446.

⁹⁰ Там же. С. 445. Сн. *.

⁹¹ Свод законов Российской Империи. Т. X. Ч. 1. Свод законов гражданских. Пг., 1914. С. 12.

⁹² ...Белое море – Соловки, рыбачка, чайка, стихи Ганина. С. 49.

⁹³ Обыденкин Н. В. По залам музеев С. А. Есенина. С. 32.

⁹⁴ Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. С. 281.

средственного начальника Зинаиды. <...> Некоторое время спустя в Общество пришел Гаврила Андреевич Билима-Пастернак и рассказал, что ездил в Архангельскую область по выборам в Учредительное собрание и на пароходе в Белом море встретил их троих. Сколько времени продолжалась их поездка, не помню. Но помню, что кто-то пришел и сказал, что был на Галерной и что Зинаида Николаевна вернулась. <...> Она дописала и повернула в мою сторону написанную бумагу, указывая на свою подпись: Райх-Есенина. – “Знаешь, нас с Сергеем на Соловках попик обвенчал”, – сказала она. <...> Зинаида сама стала рассказывать. Ей казалось, что если она выйдет замуж, то выйдет за Алексея. Что с Сергеем ее связывают чисто дружеские отношения. Для нее было до некоторой степени неожиданностью, когда на пароходе Сергей сказал, что любит ее и жить без нее не может, что они должны обвенчаться. На Соловках они набрали на часовенку, в которой шла служба, и там их обвенчали. Ни Сергей, ни Алексей мне об этом ничего не рассказывали». ⁹⁵

В с. Константиново мечту о церковном венчании выразили в частушке:

Ой, елецкого, елец,
Когда же будет ей конец.
Когда молоденьку девчоночку
Посадят под венец ⁹⁶.

⁹⁵ Смирская М. Знакомство с Есениным // Наш современник. М., 1990. № 10. С. 266–267.

⁹⁶ «У меня в душе звенит тальянка...» С. 202 (курсив наш. – Е. С.).

«Свадьба убёгом»

Отметим, что венчание Есенина с Райх происходило в незнакомой им местности, во время путешествия, без предварительного родительского благословения и собирания многочисленных свадебных гостей, без регламентированной деятельности «чиновных» участников свадьбы (свахи, дружки, поезжан и др.). Такой свадебный обряд очень напоминает «свадьбу убёгом», всем известную (в том числе и Есенину) по «Повести временных лет». «Умыкание невесты» трактовалось Нестором-летописцем как суррогат свадьбы и ставилось в укор соседним племенам, с его точки зрения, пребывающим в варварстве. По летописным данным, обряд существовал в двух разновидностях – «умыкание у воды» и «умыкание на игрищах между селами по сговору с невестой». Первая разновидность: «А древляне живяху зверинским образом... и брака у них не бываше, но умыкиваху у воды девиця»; вторая – «И радимичи, и вятичи, и север один обычай имяху: живяху в лесе... и браци не бываху в них, но игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бесовская песни, и ту умыкаху жены себе, с нею же кто совещашеся; имяху же по две и по три жены».⁹⁷

Вообще же в памятниках древнерусской литературы и письменности (помимо «Повести временных лет») обряд «умыкания» зафиксирован в «Уставе Ярослава» и «Определениях Владимирского Собора, изложенных в грамоте Кирилла II, § 7» (книга с упоминаниями этого обряда – «Язычество и Древняя Русь» Е. В. Аничкова, 1914 – вышла при жизни Есенина).⁹⁸

Конечно, это простое совпадение и вряд ли об этом догадывался Есенин, но именно на русских территориях к северу от Москвы сильно практиковался обрядовый тип свадьбы-самоходки. Нам посчастливилось записать в 1998 г. сведения о редкой разновидности сватовства (хотя и широко распространенной в более отдаленном прошлом) – «самоходкой возьмут»: «А потом ещё, значит, если уж вот не отдадут-то невесту-то: может, он бедный, ещё что или какой-то. Дак *самоходкой возьмут*: увозил жених. Вот. Девки собираются на вечеринку в воскресенье (в субботу никогда не гуляли и не собирались, вот), а уже договорятся. Девки с парнями договорятся, что давайте там Ольгу украдём, Серёжка приедет Ольгу украсть: не отдадут родители за его. Парни-то да все на лошédях, да в двойку или в тройку запрягут, да в тарантасиках-то или в саночках зимой-то. Да тулупов, наверно, штук шесть-пять. Девки разделися, все гуляют, веселятся, песни поют, кадрили гуляют или как-нибудь играют или “золото хоронят”. (...) А старухи придут все глядеть, старики все придут на беседу. Станут расходиться, старые уж пойдут все по домам, и станет мало стариков, а парни уже договорятся. Подружки, девчонки-то сбегают на уличку охладиться-то. (...) Там её схватят парни, в тулуп завернут – и в санки. И девчонку с ей это, подружку. (...) И погнались в тройке. (...) К парню увезут. Там она ночует – не у парня и не с парнем, а у сестры или у кого-нибудь у чужих, чтобы ночь ночевала. Ночь ночует – всё, значит, родители ищут...увёз, украл. (...)Переночует ночи две или три: она не идёт, и никто не идёт, её никто – не идут, не ищут. А потом уж батька: “Ну, делать нечего, запрягай лошадь, я поеду к ним, я разбираюса сейчас”. (...) Ну, приехал: “Украли дочку?” – “Украли”. – “Подём, подём – уж я тебя буду называть сватом – подём и поговорим чередом. Что же мы им? – будем жить”. Уж если договорятся (а батьку уж что теперь делать, когда ночевала – а где, он не знает, у кого она ночевала), ну уж соглашается. Ну, и свадьбу играют. Тогда уж, значит, под венец ведёт – вот таким путём. А то всё по-божески. (...) Также и девишник был, и песни опевали – всю невесту...» (Н. В. Хохренкова, 1915 г. р., с 17 лет живет в совхозе Красная

⁹⁷ Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г.: В 2 ч. / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 15.

⁹⁸ См.: Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914. С. 252.

Горка Рыбинского р-на Ярославской обл.).⁹⁹ В научной литературе подобный тип сватовства известен под терминами «свадьба убёгом», «свадьба похищением» (ср. выражение информанта: «приедет Ольгу украсть»), и первые данные о нем восходят к «Понье о нем восходят к „Повести временных лет“ Нестора и относятся к догосударственному периоду объединения восточных славян в племенные союзы, предшествуют принятию христианства в X веке.

Местные жители объясняют «свадьбу убёгом» финансовыми затруднениями (но на Рязанщине, на юге России, с экономикой дела обстояли не лучше, однако подобной разновидности свадьбы не практиковалось); можно предположить обусловленность такого типа северно-русской свадьбы влиянием многочисленного финно-угорского субстрата (пока это неизученный вопрос). Так, в общем-то случайно, получилось, что какие-то тончайшие флюиды свадьбы-самоходки были подсознательно восприняты Есениным и он сам оказался вовлечен в поистине таинственный местный обряд. Показательна широкая распространенность в далеком прошлом «умыкания» невесты на огромных территориях, у разных племенных союзов – древлян, радимичей, вятичей, северян. Интересно совпадение проведения венчания Есенина с З. Н. Райх в Вологодской губ., то есть в центре бытования именно этой разновидности народного свадебного обряда.

В дореволюционный период Есенин воспринял мудрость понимания Православной Церковью бракосочетания, которое в «Пространном христианском катехизисе» объяснялось так: «Брак есть таинство, в котором жених и невеста пред священником и Церкви дают свободное обещание о взаимной их супружеской верности, и союз их благословляется в образ союза Христа с Церковью, и испрашивается им благодать чистого единодушия к благословенному рождению и христианскому воспитанию детей».¹⁰⁰ Аналогичное толкование давалось в «Полном церковно-славянском словаре» протоиерея Г. Дьяченко (1898): «Брак (*γάμος*, *connubium*) – слово, по-видимому, не русское, хотя и обрусевшее = брак. В церкви христианской брак есть таинство, в котором, по взаимному согласию жениха и невесты, благословляется супружеский союз во образ духовного союза Христа с Церковью».¹⁰¹

Есенин, беря в жены З. Н. Райх, принял ответственность за создание семьи. В «Своде законов гражданских» (1914) определялась обязанность супруга: «Муж обязан любить свою жену, как собственное свое тело, жить с нею в согласии, уважать, защищать, извинять ее недостатки и облегчать ее немощи. Он обязан доставлять жене пропитание и содержание по состоянию и возможности своей» (ст. 106; 8 апреля 1782)⁷¹. Там же были определены обязанности супруги: «Жена обязана повиноваться мужу своему, как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность, как хозяйка дома» (ст. 107; 18 ноября 1802).¹⁰²

Очевидно, в промежуток между двумя революциями – Февральской и Октябрьской 1917 года – когда расшатывались основы российской государственности, церковный устав и светский закон исполнялись лишь в общих чертах, без соблюдения мелких формальностей и деталей. Иначе непонятно, почему стало возможным срочное бракосочетание в случайной церкви, прихожанами которой не являлись ни жених, ни невеста, без многодневной подготовки к венчанию. Прежде совершения таинства брака полагалось производить «оглашение» (или «окличку») в течение трех воскресений подряд или других праздничных дней после литургии в двух церквях, если просватанные принадлежат разным приходам: кто-либо из членов причта извещал о звании, фамилии и имени жениха и невесты и вопрошал присутствующих, не знают

⁹⁹ Запись опубл.: Самоделова Е. А. Особенности крестьянской свадьбы Рыбинского района Ярославской области (по полевым записям 1998 года) // *Paleoslavica*. Cambridge – Massachusetts, VIII/2000. P. 116.

¹⁰⁰ Цит. по: Никольский К. Пособие к изучению устава богослужения православной церкви. 2-е изд. СПб., 1865. С. 674.

¹⁰¹ Дьяченко Г., протоиерей. Полный церковно-славянский словарь. М., 1993. (Репринт 1898). С. 58.

¹⁰² Там же. С. 30.

ли они законных препятствий к браку; и только не позднее двух месяцев после третьей оклички писался «обыск» в церковную книгу и производилось венчание.¹⁰³

Согласно «Своду законов гражданских» (1914), производились «оглашения» и писался «обыск»: «Желающий вступить в брак должен уведомить священника своего прихода, письменно или словесно, об имени своем, прозвании и чине или состоянии, равно как и об имени, прозвании и состоянии невесты»; «По сему уведомлению производится в церкви оглашение в *три* ближайшие воскресные и другие, встречающиеся между оными, праздничные дни, после литургии, и затем составляется обыск по правилам, от духовного начальства предписанным, и по форме, при сем приложенной. Если невеста принадлежит к другому приходу, то оглашение должно быть произведено и в ее приходской церкви»; «По оглашению, все, имеющие сведения о препятствиях к браку, обязаны дать знать о том священнику, на письме или на словах, немедленно и никак не далее сделанного в церкви последнего из трех оглашений» (ст. 25–27, курсив документа; нижние хронологические границы – с 1697 по 1837 гг.).¹⁰⁴

¹⁰³ См.: Никольский К. Указ. соч. С. 675.

¹⁰⁴ Свод законов Российской Империи. Т. X. Ч. 1. С. 12.

Брак по закону и в художественном произведении

Интересно, что Константин Карев из повести «Яр» (1916) Есенина, покинувший навсегда свою законную супругу Анну и пожелавший с течением времени взять в жены Лимпиаду, не выглядит изменником и отступником от данного перед Богом и людьми брачного обязательства. Между тем, такое поведение было прямо осуждено в «Своде законов гражданских» (1914) и подлежало суровому наказанию: «Виновный же в оставлении супруга или супруги и во вступлении в новый брак при существовании первого, буде не получит согласия оставленного лица возвратиться к первому браку и разрешения на то духовного начальства, осуждается на всегдашнее безбрачие. Сему же подвергается и лицо, оставившее супруга или супругу и более *пяти лет* скрывающееся в неизвестности» (ст. 41, курсив документа; 5 февраля 1850). Если к Кареву применить законные меры, то его не спасла бы имитация собственной гибели в весеннем половодье. Конечно, Карев мог надеяться на желание Анны развестись с ним по причине его безвестного исчезновения – согласно установления «Свода законов гражданских» (1914): «Брак может быть расторгнут только формальным духовным судом, по просьбе одного из супругов:...3) в случае безвестного отсутствия другого супруга» (ст. 45; 27 марта 1841 и др.).¹⁰⁵

Зато если бы Карев примерил к себе законы военного времени (а ведь тогда шла Русско-японская война, не отраженная в повести), он мог бы рассчитывать на новое супружество: «Сие <наказание> однако же не касается нижних чинов военного ведомства, бывших и более *пяти лет* в плену или в безвестной отлучке на войне: им не возбраняется, по возвращении, вступать в новое супружество, если прежний брак их уже расторгнут» (ст. 41, курсив документа).¹⁰⁶ Однако Есенин не учел в своей художественной практике этого военного оправдания; очевидно, он ориентировался на сугубо крестьянские примеры нарушения брачных обязательств, о которых он мог слышать от односельчан.

Может быть, Лимпиада отравилась не только из-за нежелания покидать Яр и совершенного греха прелюбодеяния, нашедшего бы нравственное и затем законное оправдание в любовном сочетании с предлагавшим ей супружество любимым человеком? Может быть, в ее сознании таилось подспудное предположение о незаконности и невозможности брачного соединения с Каревым, уже ставшим супругом другой женщины?

¹⁰⁵ Там же. С. 16.

¹⁰⁶ Там же. См. также ст. 54 и 561 – с учетом реалий Русско-японской войны.

Неузаконенное супружество с Н. Д. Вольпин

Что касается не художественного вымысла, а реальной жизни, то из всего обширного и продолжительного свадебного обряда Есенин в третий раз избрал жениховское ухаживание в течение года и первую брачную ночь с Н. Д. Вольпин, о чем та писала:

Весна двадцать первого. Богословский переулок. Я у Есенина.

Смущенное:

– Девушка!

И сразу, на одном дыхании:

– Как же вы стихи писали?¹⁰⁷

Из есенинского вопроса следует, что поэт выдвигал любовную тематику как особо приуроченную к свадьбе, хронологически послесвадебную, основанную на личном жизненном опыте. Узаконенное Кодексом о браке 1918 г. мужское и женское равноправие Есенин трактовал как «только каждый сам за себя отвечает!». ¹⁰⁸ Тем не менее, Есенин открыто признавал Н. Д. Вольпин своей супругой: «Дайте мне посидеть с моей женой!» ¹⁰⁹ – говорил он в «Стойле Пегаса» кому-то из приятелей.

¹⁰⁷ Вольпин Н. Д. Свидание с другом // Как жил Есенин: Мемуарная проза. С. 275–276.

¹⁰⁸ Там же. С. 276.

¹⁰⁹ Там же. С. 330.

Невенчаная свадьба с Г. А. Бениславской и кокошник

Н. Д. Вольпин датирует четвертую невенчаную свадьбу Есенина и Г. А. Бениславской августом 1921 года – «на переломе осени», перед костюмированным балом имажинистов, когда после свершившегося жизненно-важного события «на Галине было что-то вроде кокошника. Она казалась необыкновенно похорошевшей. Вся светилась счастьем. Даже глаза... точно посветлели, стали совсем изумрудными (признавали голубизны из глаз Есенина...) и были неотрывно прикованы к лицу поэта».¹¹⁰

По народному обычаю, с течением времени спустившемуся из городской среды в крестьянскую, кокошник являлся женским головным убором и впервые надевался на новобрачную. Одно из первых (если не самое первое) упоминаний кики в контексте свадебного обряда содержится в описании свадьбы великого князя Александра Казимировича из Полоцка с дочерью московского великого князя Ивана Васильевича III Еленой 15 февраля 1495 г. в Вильно: «И великой княжне туто княгини Марья да Русалкина жена кос расплели, и голову чесали, и кики на нее положили, да и покровом покрыли, да и хмелем осыпали; а поп Фома молитвы говорил да и крестом ее благословил».¹¹¹

В «Древней Российской вивлиофике» Н. И. Новикова отражен свадебный ритуал средневекового Московского государства с кикой – аналогом кокошника.

А. В. Терещенко уделил рассмотрению свадебно-знаковой роли кокошника главку «Кокошник, кика, коса и повойник» в многотомной монографии «Быт русского народа» (1848). Этнограф писал о кокошнике как реализации брачного полюса антитезы «девичья коса – женский головной убор», служащей зримым выражением аналогии «девушка – замужняя женщина». А. В. Терещенко, в частности, указывал: «Надевание на новобрачную кокошника и кики, или кокуя, плетение и разделение косы и покрывание головы повойником ведется исстари. <...> По совершении бракосочетания свахи отводили новобрачную в трапезу или на паперть, оставив молодого в церкви на венчальном месте. С головы невесты снимали девичий убор и, разделив волосы надвое, заплетали две косы и, обернув последние вокруг головы, надевали кокошник; потом покрывали фатой и подводили к новобрачному».¹¹²

Н. И. Костомаров в «Очерке домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях» (1-е изд. – 1860, 2-е изд. – 1887) описывал кокошник как праздничный наряд, родственник кике: «Третий род головного убора был кокошник, у богатых также обложенный жемчугом».¹¹³ По описанию историка, кокошник выглядел так: «Когда женщины выходили в церковь или в гости, то надевали кикку: то была шапка с возвышенною плоскостью на лбу, называемую кичным челом; чело было разукрашено золотом, жемчугом и драгоценными камнями, а иногда все состояло из серебряного листа, подбитого материею. По бокам делались возвышения, называемые переперы, также разукрашенные; из-под них, ниже ушей спадали жемчужные шнуры, числом около четырех или до шести на каждой стороне, и достигали плеч. Задняя часть кики делалась из плотной материи или соболиного или бобрового меха и называлась подзатыльник. По окраине всей кики пристегалась жемчужная бахрама, называемая поднизью».¹¹⁴

О выражении социального статуса с помощью кокошника писали этнографы Н. И. Лебедева и Г. С. Маслова в статье «Русская крестьянская одежда XIX – начала XX века как материал к этнической истории народа» (1956): «В противоположность кичкам кокошники носили

¹¹⁰ Там же. С. 284.

¹¹¹ Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1892. Т. 35. С. 124.

¹¹² Терещенко А. В. Быт русского народа. Ч. 2, 3. М., 1999. С. 28 (Репринт изд. 1847–1848 гг.).

¹¹³ Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992. С. 176.

¹¹⁴ Там же. С. 175–176.

в городах... в деревнях же они служили лишь праздничным головным убором, а местами – только свадебным. Шили кокошники особые мастерицы в городах, крупных селах и монастырях; их продавали на ярмарках. <...> Кокошник – цельный, твердый, богато украшенный головной убор – первоначально, по-видимому, был связан в основном с городом, но развился он на основе местных кичкообразных головных уборов». ¹¹⁵ Исследователи кратко охарактеризовали тип рязанского кокошника: «Южный р-н (особ. Ряз...), характеризующийся наличием кокошника, названного нами “однودворческим”, т. к. он встречается главным образом у населения, связанного с военно-служилой колонизацией XVI–XVII вв., в частности, у групп, впоследствии именовавшихся “однودворцами”. Этот тип кокошника очень близок к новгородской кике (и тверской “головке”), которая отличается наличием “ушей” – лопастей, спускающихся по бокам, и жемчужной поднизю. <...> На юг этот кокошник был принесен выходцами из других, более северных областей...». ¹¹⁶

В Данковском у. Рязанской губ. в 1920-е годы, по данным Н. И. Лебедевой, бытовал «кокошник золотой с подзатыльником из парчи... появился недавно, лет 30, надевают на молодых после венца в сторожке...». ¹¹⁷ Уже во второй половине XX столетия, 15 сентября 1966 г., тот же рязанский этнограф Н. И. Лебедева, находясь в экспедиции с В. А. Фалеевой в Клепиковском и Касимовском р-нах (в с. Спас-Клепики Есенин учился в школе), сообщала в письме к Г. С. Масловой: «Интересен головной убор – повойник-кокошник, под которым волосы складывались наперед, заплетенные в две косы». ¹¹⁸

¹¹⁵ Лебедева Н. И., Маслова Г. С. Русская крестьянская одежда XIX – начала XX века как материал к этнической истории народа // Советская этнография. 1956. № 4. С. 25.

¹¹⁶ Там же. С. 28.

¹¹⁷ Лебедева Н. И. Материалы по народному костюму Рязанской губернии // Труды Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1929. Вып. XVIII. С. 26.

¹¹⁸ Цит. по: Маслова Г. С. Из истории изучения восточнославянской этнографии (Н. И. Лебедева) / Рязанский этнографический вестник. 1994. С. 96; та же статья в сокращ. с подзаг. «Жизнь и творчество Наталии Ивановны Лебедевой» опубл.: Советская этнография. 1991. № 5. С. 45–57.

Свадебные приметы

О предшествовавшей бракосочетанию любовной истории Есенина и Дункан, омраченной несчастливой приметой в пушкинском духе (к сожалению, предсказание сбылось), рассказал близкий друг А. Б. Мариенгоф:

В Москву приехала Айседора Дункан. Ее пригласил Луначарский. <...> – Я влюбился в нее, Анатолий. <...> По уши. <...> А я люблю пожилых женщин. <...> Вдруг он испуганно взглянул на лист бумаги, который лежал передо мной: – Что? Кляксу посадил? Сейчас посадил? – Ага! – Он мрачно взглянул на меня: – Это дурная примета... Эх, растяпа! – Я скомкал лист и выбросил его за окно. – Все равно это дурная примета. – Вот вздор-то! – Увидишь! – Не болтай чепухи, Сережа. – Пушкин тоже в приметы верил. <...> > Вскоре Есенин перебрался к Дункан, в ее особняк на Пречистенке.¹¹⁹

Известна и другая примета – счастливая, предвещающая скорую свадьбу: объезд вокруг церкви по кругу – как воплощение символики кольца и венчания в храме. Нам известен ряд вариантов подобного сюжета с Есениным. Достоверность источников в данном случае в расчет принимать не будем; если это народное предание – оно не менее интересно и показательно, хотя и в другом аспекте. Возможно, все варианты восходят к единому первоисточнику – воспоминаниям И. И. Шнейдера про 3 октября 1921 г.:

Пролетка... выехала не к Староконюшенному, и не к Мертвому переулку, выходящему на Пречистенку, а очутилась около большой церкви, окруженной булыжной мостовой. <...> «Эй, отец! – тронул я его <извозчика> за плечо. – Ты что, венчаешь нас, что ли? Вокруг церкви, как вокруг аналая, третий раз едешь». // Есенин встрепенулся и, узнав, в чем дело, радостно рассмеялся. // «Повенчал!» – раскачивался он в хохоте, ударяя себя по коленям и поглядывая смеющимися глазами на Айседору. // Она хотела узнать, что произошло, и, когда я объяснил, со счастливой улыбкой протянула: «Mariage...» <фр.: свадьба>¹²⁰

И. Изгаршев в главке с «говорящим» заглавием «Женюсь!» в газетной рубрике «Быль и небыль» пишет:

К тому же они и так почти повенчаны. В первый же вечер их знакомства осенью 21-го года Дункан пригласила Есенина к себе на Пречистенку. Наняли извозчика, и тот, заснув на козлах, несколько раз обвез их вокруг церкви Св. Власия в Гагаринском переулке. Есенин что-то рассказывал Айседоре, та внимательно слушала, и только переводчик заметил, что коляска кружит на одном месте. «Ты что, венчаешь нас, что ли? – растолкал поэт извозчика. – Повенчал, повенчал. Слышишь, Исидора, нам теперь жениться надо», – засмеялся Есенин. // Наверное, это судьба. И завтра, в новогоднюю ночь, он ей об этом скажет.¹²¹

Еще вариант:

¹¹⁹ Мариенгоф А. Б. Мой век, мои друзья и подруги // Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. 1990. С. 141–142.

¹²⁰ Цит. по: Баранов В. С. Сергей Есенин: Биографическая хроника в воспоминаниях, фотографиях, письмах. М., 2003. С. 152 (Известны 3 публикации воспоминаний И. И. Шнейдера).

¹²¹ Изгаршев И. Бабочка и хулиган // Аргументы и факты. 2000. № 52. С. 18.

Есть страсти, которые зовутся роковыми. Их боятся, так как они сжигают человека. Но они запоминаются на века. Сергей Есенин полюбил Айседору Дункан с первого взгляда. Они потянулись друг к другу и больше не расставались. Она не говорила по-русски и была старше его на 17 лет. Он не знал ни одного иностранного языка. О чем они говорили в свой первый вечер и во все другие?... Задремавший извозчик три раза обвез их вокруг церкви, и сияющий Есенин объявил, что они обвенчаны.¹²²

Есенин придавал огромное значение приметам, опираясь на пример пушкинской веры в печальные предзнаменования (при венчании упали крест и Евангелие, погасла свеча), на поверья односельчан с. Константиново о том, что свадьбу легко испортить. Даже в научных книгах Есенин мог вычитать о крестьянской вере в «порчу» – например, у филолога Ф. И. Буслаева в статье «О народной поэзии в древнерусской литературе (Речь, произнесенная в торжественном собрании Московского университета 12 января 1859 г.)»: «В семейном и общественном быту крестьян свадьба есть по преимуществу время всяких чарований, эпических обрядов, разгульного веселья и суеверного страха. И доселе в простом народе ни одна свадьба не обходится без колдовства: “Свадьба без див не бывает”».¹²³

¹²² Крылова З. П. Я чувствую, значит, живу // Работница. 2001. Октябрь. № 10. С. 1.

¹²³ Буслаев Ф. И. О литературе: Исследования. Статьи. М., 1990. С. 68.

Оформление брака с А. Дункан по советским и зарубежным правилам

В пятый (официально во второй) раз Есенин оформил семейные отношения с иностранкой Айседорой Дункан дважды – по советским и зарубежным правилам. Всеволод Рождественский необходимость юридического оформления семейных отношений обосновал обоюдным желанием поэта и танцовщицы выехать из России за границу: «...они привязались друг к другу. Решено было ехать вместе. И для того, чтобы получить визу для Есенина, Дункан официально, в посольстве, объявила его своим мужем. И Есенин зарегистрировал свой брак в загсе Хамовнического райсовета». ¹²⁴ Но они не были повенчаны Церковью, и поэтому, с точки зрения законопослушных американцев, их брак не был действителен. Интересно метафорическое суждение Есенина о его свадьбе с А. Дункан, высказанное как бы с позиции русских церковников, дававших отповедь «поганому» обряду нехристей-язычников в далекие былинные времена: «Скоро нас вежливо попросили обратно <из Америки>, и все, должно быть, потому, что мы с Дунькой не венчаны. Дознались как-то репортеры, что нас *черт вокруг елки водил*». ¹²⁵ Есенин, безусловно, основывался на народной поговорке: «Венчали вокруг ели, а черти пели», ¹²⁶ – которую он мог слышать на Рязанщине (или в другом регионе) либо вычитать в любимом им труде А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т.».

Из повествования А. Б. Мариенгофа видно, какое важное значение придавала американская танцовщица своему браку с Есениным, как ей хотелось сыграть свадьбу в соответствии с русской обрядовой традицией:

Перед отъездом за границу Дункан расписалась с Есениным в загсе.

– Свадьба! Свадьба!.. – веселилась она. – Пишите нам поздравления! Принимаем подарки: тарелки, кастрюли и сковородки. Первый раз в жизни у Изадоры законный муж!
– А Зингер? – спросил я. <...>
– Нет!.. Нет!.. Нет!.. Сережа – первый законный муж Изадоры. Теперь Изадора – русская толстая жена! – отвечала она по-французски, прелестно картавя. ¹²⁷

Фактически ту же мысль о «настоящей свадьбе» и «истинных супругах» повторил Есенин в разговоре с Г. Ф. Устиновым, когда он «смутился, потом с легким озлоблением» и колоссальным преувеличением ответил ему об Айседоре Дункан: «Ничего ты не понимаешь! У нее было больше тысячи мужей, а я – последний!..». ¹²⁸ Г. Ф. Устинов дал свой комментарий: «У Есенина был болезненный, своеобразный взгляд на женщину и на жену. В этом взгляде было нечто крайне мучительное». ¹²⁹ Мнение Есенина о сущности свадьбы и особенностях повторного брачного сочетания во многом основывалось на патриархальном крестьянском и церковном понимании таинства брака. Очевидно, и А. Дункан, приветствовавшая поздравления и подарки, опиралась в своем мнении на традиционное православное бракосочетание.

¹²⁴ О Есенине. С. 297.

¹²⁵ Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. С. 394; О Есенине. С. 308 (курсив наш. – Е. С.).

¹²⁶ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1868. Т. 2. С. 265. См. также: Водарский В. А. Символика великорусских народных песен (Материалы) // Русский филологический вестник. 1914. Т. LXXII. № 3–4. Пед. отдел. С. 45; Аникин В. П. Календарная и свадебная поэзия. М., 1970. С. 97.

¹²⁷ Мариенгоф А. Б. Мой век, мои друзья и подруги. С. 227–228.

¹²⁸ Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. С. 483.

¹²⁹ Там же.

Однако ритуальная сторона освященного церковью брака была отвергнута еще «Первым кодексом законов РСФСР» (1918), а в проекте «Кодекса законов о браке, семье и опеке» (1925) в сопроводительной статье «Брак, семья и опека» Д. Курского (по сути являющейся объяснительной запиской Нарком-юста) прямо говорится: «Отрицая всякую обрядность брака, проект тем не менее устанавливает определенную и необходимую минимальную процедуру: совершение регистрации не случайным техническим сотрудником канцелярии, а ответственным должностным лицом, прочтением самого акта и допускает при этом присутствие свидетелей, приглашенных брачующимися».¹³⁰ Следовательно, в период 1918–1926 гг. (до принятия нового кодекса о браке в 1927 г.) официальная часть бракосочетания была еще более аскетична.

Бракосочетание Есенина с А. Дункан в московском загсе состоялось 2 мая 1922 г. По этому случаю в особняк на Пречистенке, 20, где располагалась студия танцовщицы, пригласили фотографа А. М. Зелонджева, запечатлевшего праздничное событие. На полученной фотографии была сделана надпись: «Isadora – Esenine – Irma. Taken on the Wedding day, may, 1922»¹³¹ (VII (3), 235). Так в «свадебном лексиконе», относящемся к Есенину, появился английский термин *Wedding day* (= свадебный день).

Это событие нашло отражение в газете «Вечерняя Москва» (1926, 4 сентября, № 203): «Есенин со 2 мая <1922> состоял в зарегистрированном браке с Айседорой Дункан» (см.: VII (1), 409).

Советское брачное законодательство не учитывало посты и храмовые праздники – в противовес дореволюционным церковным установлениям (см. ниже). «Кодекс Законов об актах гражданского благосостояния, брачном, семейном и опекунском праве...» (1921), на основании которого сочетались браком Есенин с А. Дункан, установил: «Заключение браков происходит в определенные дни и часы, заранее устанавливаемые и обнародуемые должностным лицом, коему совершение браков вверено» (ст. 57).¹³²

«Кодекс Законов об актах гражданского благосостояния, брачном, семейном и опекунском праве...» (1921) отменил *свидетелей* (в народной Рязанской свадьбе именовавшихся *дружками*, а в «Своде законов гражданских» 1914 г. обозначавшихся «поезжане»): «Браки заключаются в присутствии председателя Отдела Записи актов гражданского состояния или его заместителя и совершающего запись секретаря Отдела или его помощника, а в Нотариальных Отделах – в присутствии нотариуса и секретаря» (ст. 55).¹³³

Именно с бракосочетанием Есенина и Дункан связано представление современников о заграничном турне новобрачных как о свадебном путешествии (хотя послесвадебные поездки поэт совершал и с другими своими женами – З. Н. Райх и С. А. Толстой), но это свадебное путешествие оказалось печальным: «Есенин уехал с Пречистенки надломленным, а вернулся из своего свадебного путешествия по Европе и обеим Америкам безнадежно сломанным. “Турне! Турне!.. Будь оно проклято, это ее турне!” – говорил он...».¹³⁴ Или в другом месте – по свидетельству того же А. Б. Мариенгофа: «Но с 1923 года, то есть после возвращения из свадебного заграничного путешествия, весь смысл его существования был тот же, что и у шотландской принцессы: “Плевать на жизнь!”».¹³⁵ Однако В. А. Мануйлов высказал собственное мнение о

¹³⁰ Кодекс законов о браке, семье и опеке (проект). Приложение: *Курский Д.* Брак, семья и опека. – *Бранденбургский Я.* Вопросы семейного и брачного права (К внесению в законодательные органы проекта Кодекса о браке и семье). Ростов-на-Дону, 1925. С. 9.

¹³¹ Надпись приведена в кн.: *Isadora Duncan's Russian Days and Allan Ross Mac Dougall.* N. Y., 1929 – вклейка между р. 124–125.

¹³² Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве и изданные в развитие его распоряжения. Казань, 1921. С. 10.

¹³³ Там же.

¹³⁴ *Мариенгоф А. Б.* Мой век, мои друзья и подруги. С. 229.

¹³⁵ Там же. С. 245.

том, что Есенин отказался от личного путешествия на Кавказ из-за любви к А. Дункан и уехал из Ростова-на-Дону в начале февраля 1922 года: «Есенин ехал на Кавказ, но почему-то раздумал и чуть ли не в тот же день вечером отправился обратно в Москву. // За несколько месяцев до того Есенин познакомился в Москве с Айседорой Дункан. Вероятно, разлука тяготила его, и он отказался от дальнейшей поездки, чтобы скорее быть снова вместе с этой необыкновенной и роковой для него женщиной».¹³⁶

Фрагмент «Автобиографии» (20 июня 1924 г.) смотрится как перечень женитьб Есенина, перемежающихся чередой холостячества, без вкраплений каких-либо других важных жизненных событий; следовательно, поэт осознавал основополагающее влияние на судьбу свадьбы и последующего семейного положения: «1917 году произошла моя первая женитьба на З. Н. Райх. // 1918 году я с ней расстался, и после этого началась моя скитальческая жизнь, как и у всех россиян в период 1918 – 21. <...> 1921 г. я женился на А. Дункан и уехал в Америку, предварительно исколесив всю Европу, кроме Испании» (VII (1), 16).

¹³⁶ О Есенине. С. 466–467.

Мальчишник

Про шестую (официально третью) женитьбу Есенина на С. А. Толстой известно больше как про свадебный пир, предшествующую подготовку к нему и одновременность проведения со свадьбой сестры. В. И. Качалов сообщал про предполагавшийся «мальчишник» у Есенина: «...того же года, в Москве, в середине лета. Он уже “слетал” в Тегеран и вернулся в Москву. Женится. Зовет меня на мальчишник». ¹³⁷ Ю. Н. Либединский писал об этом же предсвадебном ритуале: «Мы собрались на “мальчишник” у той нашей приятельницы, которая и познакомила меня с Есениным». ¹³⁸ Психологическое состояние Есенина, по мнению присутствовавших при ритуальном прощании с друзьями и холостячеством, соответствовало моменту и было сродни поведению невесты при исполнении обрядового плача:

Он махнул рукой и вдруг ушел. <...> «Что же, все как полагается на мальчишнике, – сказал кто-то. – Расставаться с юностью нелегко». <...> Сергей сидел на краю кровати. Обхватив спинку с шишечками, он действительно плакал. <...> «Так должно быть! – повторил он. – Да чего уж там говорить, – он вытер слезы, заулыбался, – пойдем к народу!». ¹³⁹

Мальчишник как параллельный девичнику свадебный ритуал фольклористы записывают редко. Тем не менее в научном архиве сохранилась запись мальчишника в Зарайском, Михайловском и Рязанском уездах Рязанской губ., сделанная г-ном Востоковым в конце XIX века для Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Мальчишник справлялся на территории невесты в канун свадьбы, а название свое он получил по составу приезжих гостей – жениха с товарищами:

Накануне свадьбы в доме невесты идут разного рода приготовления: родители позывают своих родных, а невеста устраивает в другой избе свой вечер, на который приглашает всех девушек-подруг. Посередине избы ставят стол, который покрывается столешником, а на столе ставится убранный утром елка, около стола ставятся скамейки, – одну половину коих занимают девушки, а в середине их невеста; другая же не занятая половина скамеек предназначается парням, приезжающим с женихом. У невесты есть своя закуска и водка, но на стол не ставится, потому что жених обязан привести свою закуску, а также лакомства для угощения девушек. <...> Часа в 3–4 пополудни приезжают гости с женихом и с парнями. Число людей, приезжающих на девичник, простирается от 10 до 25 человек... По приезде их сажают за стол и угощают со стороны невесты – справляется девичник; а потом садятся все родные невесты, и их угощают со стороны жениха, – справляется *мальчишник*. <...> В другой избе у жениха и невесты идет своя беседа. Там девушки и парни уже успели ознакомиться и устроили разного рода игры, – пение и пляску под звуки гармонии. <...> По окончании девичника и *мальчишника* начинается благословение образом жениха и невесты. ¹⁴⁰

¹³⁷ Сергей Есенин в стихах и жизни. Воспоминания современников. С. 439.

¹³⁸ О Есенине. С. 195; С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Вступит. ст., сост. и коммент. А. А. Козловского. М., 1986. Т. 2. С. 153.

¹³⁹ О Есенине. С. 195–196; С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 153.

¹⁴⁰ ИЭА. Фонд ОЛЕАЭ. Ед. хр. 124. Л. 7–7 об., 9 об. – Свадьбы, детские игры, гадания, обряды и суеверия. Записаны И. Востоковым в Рязанской губ. (курсив наш – Е. С.).

Отголоски древнего свадебного чина конюшего

В начале 1925 г. Есенин не предполагал жениться еще раз. В письме к Н. К. Вержбицкому из Батума 26 января 1925 г. Есенин сообщал: «Завел новый роман, а женщину с кошкой не вижу второй месяц. Послал ее к черту. Да и вообще с женитьбой я просто дурака валял. Я в эти оглобли не коренник. Лучше так, сбоку, пристяжным. И простору больше, и хомут не трет, и кнут реже достает» (VI, 199. № 198).

Конечно, Есенин сравнивал положение супруга и холостяка с разной ролью запряженных лошадей, намекая на этимологию “двое в одной упряжке”. Современница поэта М. В. Волошина (Сабашникова) в книге воспоминаний о своей молодости «Зеленая Змея» (1968) описала подобную упряжку: «Средняя лошадь запряжки – “коренник” – бежит рысью, на пестро размалеванной дуге над его головой – колокольчик. Боковые лошади – “пристяжки” – галопируя, натягивают постромки, сгибая шею наружу, что придает запряжке сходство с летящей птицей».¹⁴¹ Современник и земляк Есенина по Рязанщине сообщал о «коренной» – главной лошади в парной упряжке, причем применительно к свадебному транспорту (хотя это необязательно): «Если две лошади впряжены, то справа – коренная с дугой и колокольцем под дугой, слева – пристяжная без дуги, только с погремками (бубенцами) на ожерёлке (ожерёлок – “ошейник”».¹⁴² Согласно этимологии, «супруг(и)» – это «супружеская пара, муж и жена», «упряжка», происходит от *pre_{ngon} (ср. «прягу»)¹⁴³ Однако в рязанской свадьбе XIX–XX веков жених с невестой ехали на гужевом транспорте, то есть на запряженной лошадьми повозке – санях или телеге, а дружка скакал верхом на коне, сопровождая их; остальные участники «свадебного поезда» также передвигались в повозках или верхом (мужчины). Так что гипотетически возможна такая ассоциация, когда Есенин мог себя примеривать на роль дружки, но не был согласен стать женихом. (Заметим, что образ дружки верхом на коне сформировался на сравнительно позднем историческом этапе развития свадебного обряда: в XVI–XVII веках наделенного большими полномочиями дружки-всадника еще не было, его роль выглядела куда более скромно.¹⁴⁴) Кроме того, есенинская фраза «Я в эти оглобли не коренник» ассоциативно соотносится с народной рязанской свадебной терминологией в женской ее части. На разных этапах обряда свадьбы звучали именованья: девушка – просватанная, *коренная* – пропитая – невеста – новобрачная – молодая, молодка.¹⁴⁵

В истории русской свадьбы существовал особый чин (а в некоторые эпохи даже разные чины – конюший, ясельничий) для сбережения в целостности коня жениха и для конной охраны молодых в их первую брачную ночь. В «Розряде свадьбы» великого князя Василия Ивановича (1526 г.) повелевается: «А у коня быти и ездити около подклета князю Федору Васильевичу Телепневу...».¹⁴⁶ При свадьбе царя и великого князя Ивана Васильевича (1547 г.) «а у коня был и ездил около подклета боярин и конюшей, князь Михайло Васильевич Глинской».¹⁴⁷ Насчет свадьбы великого князя Ивана Васильевича (1548 г.) сказано: «А у коня у княжева велел быть и

¹⁴¹ Волошина (Сабашникова) М. В. Зеленая Змея: История одной жизни / Пер. с нем. М. Н. Жемчужниковой. М., 1993. С. 37.

¹⁴² Записи автора. Тетр. 1 № 159 – Трушечкин Михаил Федосеевич, 1901–1992, родом из с. Б. Озёрки Сараевского района, г. Москва, 08.12.1982.

¹⁴³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1987. Т. 3. С. 393, 805.

¹⁴⁴ См.: Самоделова Е. А. Дружка и его помощник // Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре. М., 2001. С. 28–47.

¹⁴⁵ См.: Самоделова Е. А. Система женских персонажей в Рязанской свадьбе // Женщина и свобода: Пути выбора в мире традиций и перемен: Мат-лы междунар. конференции 1993. М., 1994. С. 353.

¹⁴⁶ Новиков Н. И. Древняя Российская вивлиофика. Мышкин, 1896. Т. 4. Ч. VII. С. 10.

¹⁴⁷ Там же. С. 19.

круг сенника ездить конюшему княжому Ивану Ивановичу Умному Колычову, да ясельничему и детям боярским царя и великого князя».¹⁴⁸ Во время свадьбы царя и великого князя Ивана Васильевича (1558 г.) указано: «А у княжова коня быти конюшему княжому, князь Борису Хованскому».¹⁴⁹

На свадьбе царя и великого князя Ивана Васильевича (1581 г.) уже произошло разделение обязанностей по уходу за царским конем на два чина и последовало возложение ответственности на два лица за сохранность коня и оберегание всадником молодых: «Конюшей у государя был князь Иван Михайлович Глинской. // На жеребце государеве у подклета ездил Афанасей Александрович Нагой».¹⁵⁰ При свадьбе царя и великого князя Михаила Федоровича (1626 г.) «а аргамака государева в то время привели с конюшни и сани государынины привезли к лестнице; и сел на аргамака боярин, князь Борис Михайлович Лыков; а до лестницы с конюшни аргамака вели. И как государь пришел к аргамаку и ясельничий Богдан Матвеев, сын Глебов подвел аргамака, и седши государь на аргамаке, ехал к пречистой Богородице площадью...»; «а в то время на аргамака сел конюший боярин, князь Борис Михайлович Лыков, и поехал к сеннику, и ездил около сенника в то время, как государь был в сеннике, с голым мечом...».¹⁵¹ Как видим, предуказанные роли по сбережению коня и конной охране молодых фиксировались при помощи специально разработанных «писцовых клише».

¹⁴⁸ Там же. С. 22.

¹⁴⁹ Там же. С. 50.

¹⁵⁰ Там же. С. 61.

¹⁵¹ Там же. С. 81, 85.

Свадебный пир с С. А. Толстой

После решения устроить свадьбу с С. А. Толстой настроение Есенина в корне изменилось, и он пишет из Москвы тому же адресату 6 марта 1925 г.: «Вчера приехала моя мать, я в семье, счастлив до дьявола. Одно плохо, никуда не пускают. <...> Нужно держать марку остепенившегося» (VI, 205. № 207). Есенин понимал, что жизнь женатого человека – совершенно иная по сравнению с холостячеством и строил планы на будущее в письме к сестре Екатерине 16 июня 1925 г.: «Случилось оч^{чень} многое, что переменяло и больше всего переменяет мою жизнь. Я женюсь на Толстой и уезжаю с ней в Крым» (VI, 216. № 223).

И. В. Грузинов вспоминал о заботах Есенина летом 1925 г.: «Он мечтает отпраздновать свою свадьбу: намечает – кого пригласить из друзей, где устроить свадебный пир».¹⁵² И. И. Старцев также был приглашен на бракосочетание Есенина (но не смог прийти): «Как бы спохватившись, он <Есенин> торопливо стал прощаться и, улыбаясь, сказал: “Женюсь, гусар, приходи на свадьбу”».¹⁵³ Сохранился список гостей, которых в июне 1925 г. хотел видеть на своей свадьбе С. А. Есенин с С. А. Толстой; этот перечень попытался преобразовать в стихотворение А. М. Сахаров:

Приглашение на обручение – им радость, а нам мучение.

А. С. Воронский, Сахаров, Петр Пильский, Казанский, Казин, Богомильский, // с ним Аксельрод и Вс^еволод^д Иванов, // Шкловский из «Лефа», 5 болванов, // 2 Савкина, один Берлин, // Грузинов, Марк, 5–6 скотин, // Ан^{на} Абрамовна, Като, // т^{оварищ} Либединский без пальто, // Сам Ключарев, Яблонский, Орешин, Клычков // и даже Бабель без очков¹⁵⁴ (VII (2), 184)

И. В. Евдокимов вспоминал о приглашении Есенина к себе на свадьбу:

Евдокимыч, я женюсь. Живу я у Сони. Это моя жена. Скоро будет свадьба. Всех своих ребят позову, да несколько графьев. Народу будет человек семьдесят. А Катя – сестра – выходит замуж за поэта Наседкина.¹⁵⁵

По воспоминаниям С. Б. Борисова, перед поездкой поэта на Кавказ, «невеселым был “свадебный пир” у Сергея Есенина! И вина было вдосталь, и компания собралась сравнительно дружная, все знакомые друг другу. А потому, что у многих было какое-то настороженное состояние, любили все Сергея... и поэтому у всех: “Залегла забота в сердце мглистом”. // Сергея оберегали – не давали ему напиваться... Вместо вина наливали в стакан воду. Сергей чокался, пил, отчаянно морщился и закусывал – была у него такая черта наивного, бескорыстного притворства... Но веселым в тот вечер Сергей не был».¹⁵⁶

Вместо слушания положенных величальных и других обрядовых свадебных песен на своей свадьбе Есенин сам пел собственного сочинения «Песню» («Есть одна хорошая песня у соловушки...»). У гостей сохранилось неоднозначное впечатление от есенинского исполнения. И. В. Евдокимов вспоминал: «Есенин с необычайной силой пел это трагическое стихотворение, – между прочим, на своей свадьбе с С. А. Толстой в июле 1925 г.».¹⁵⁷ Ю. Н. Либединский

¹⁵² Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. С. 260.

¹⁵³ Там же. С. 279.

¹⁵⁴ С. А. Есенин: Материалы к биографии. С. 392–393. Деление на стихи наше. – Е. С.

¹⁵⁵ О Есенине. С. 138.

¹⁵⁶ С. А. Есенин: Материалы к биографии. С. 147; *Есенин* С. А. Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 1999. Т. 6. С. 716.

¹⁵⁷ *Есенин* С. А. Собрание стихотворений. Т. 4. Стихи и проза. М.; Л., 1927. С. 364; *Есенин* С. А. Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 1999. Т. 6. С. 700–701.

отмечал пение этой же песни на «мальчишнике»: «Сергей допел, все кинулись к нему, всем хотелось его целовать, благодарить за эту прекрасную песню, в которой необычайно переплелись и затаенная, глубокая тоска, и прощание со своей молодостью, и его заветы, обращенные к новой молодости, к бессмертной и вечно молодой любви...». ¹⁵⁸

Сестра Александра Есенина сообщила: «В середине июня 1925 года Сергей женился на Софье Андреевне Толстой-Сухотиной – внучке Льва Николаевича Толстого – и переехал к ней на квартиру в Померанцевом переулке». ¹⁵⁹ Однако в июле 1925 года Есенин праздновал свадьбу, которая предшествовала официальной регистрации бракосочетания. С. А. Есенина-Толстая писала матери О. К. Толстой во время свадебного путешествия из Мардакян – Баку 13 августа 1925 г.: «Мы до сих пор не женаты, потому что все время живем в Мардакянах, а там пытались и не вышло. Но на днях все равно придется это оформить. Ты не пугайся – все равно мы муж и жена и у нас очень все серьезно». ¹⁶⁰ О. К. Толстая в письме 12 августа 1925 г. из Москвы торопила жениха с невестой ускорить свадьбу (из-за угрозы жилищного уплотнения и опасения потерять комнату): «И вот потому *необходимо*, чтоб вы *скорей* расписались и чтоб выписки о браке прислали сюда для заявления в домовый комитет... <...> Это было ваше дело. А вы или спали, или болтались, или кутили. Теперь вот что я прошу и надеюсь, что вы не откажете: мне необходимо иметь ряд свидетельских показаний о том, что С. А. жил у нас уже с 20-х чисел июня, может быть, и раньше, но приехавшая 27-го июня Леля застала его уже живущим у нас». ¹⁶¹ Очевидно, предпринятые на Кавказе попытки провести официальную свадебную регистрацию оказались безуспешными, и женитьба состоялась по возвращении в Москву в сентябре 1925 г.

Жена поэта С. А. Есенина-Толстая и сестра А. А. Есенина определяли последнее брачное торжество Есенина как «регистрацию брака», придавая событию значение гражданского акта, а не родового праздника, как это было прежде. С. А. Есенина-Толстая записала: «В эту игру <буриме> играли Шура, Катя, Наседкин, Сергей и я. В день нашей свадьбы, т. е. регистрации» (VII (2), 99). А. А. Есенина продолжала: «Вечера мы проводили одни. Даже 18 сентября, в день регистрации брака Сони и Сергея, у нас не было никого посторонних. Были все те же – Илья и Василий Федорович <Наседкин>. В этот вечер за ужином немного выпили вина, а затем играли в какие-то незатейливые игры. Одной из этих игр была “буриме”». ¹⁶² По свидетельству В. А. Мануйлова, «Софья Андреевна писала бакинским друзьям о том, что 18 сентября в Москве был зарегистрирован их брак». ¹⁶³

В. С. Чернявский вспоминал о встрече с поэтом в июне 1925 г. в Москве: «Первое, о чем он рассказал мне, была новая женитьба. Посвящая меня в эту новость, он оживился, помолодел и объявил, что мне обязательно нужно видеть его жену. “Ну, недели через две приедем, покажу ее тебе”. Имя жены он произнес с гордостью. Сергей Есенин и Софья Толстая – это сочетание, видимо, нравилось и льстило ему». ¹⁶⁴ Имя жены могло навевать воспоминания о втором престольном празднике в честь святой Софии, которой был посвящен придел церкви иконы Казанской Божьей Матери в родном селе Константиново.

¹⁵⁸ С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 153; О Есенине. С. 195; *Есенин С. А.* Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 1995. Т. 1. С. 623.

¹⁵⁹ Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. С. 44.

¹⁶⁰ Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы / Под ред. Н. И. Шубниковой-Гусевой. М., 1995. С. 356. № 104.

¹⁶¹ Там же. С. 357–358. № 105 (курсив автора).

¹⁶² С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 118.

¹⁶³ О Есенине. С. 480.

¹⁶⁴ Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. С. 135.

Софья Толстая и день святой Софии

День святой Софии считался в с. Константиново, по выражению местных жителей, «козырным престольным праздником».¹⁶⁵ В конце II тысячелетия жительница соседней деревни Волхона, относящейся к тому же церковному приходу, поделилась своим пониманием сути этого праздника в духе народного православия:

Вот престольный праздник у нас в Константинове Софиин день – Вера, Надежда, Любовь. Но видишь как, их, детей-то, обезглавили. Обезглавили их там, и она, мать-то, на могилки сходила, и она тут померла. <...> Да, у нас два престола: Казанская и Софиин день.¹⁶⁶

Уроженка с. Константиново вспоминала о традиции празднования престола святой Софии в начале XX столетия:

Мне лет – я ещё была, наверное, годов мне семь – были карусели, где вот сейчас школа, тут карусели были. Отец у меня ставил карусель в три дня. Это было на Софиин день, 30-го сентября. Вот когда у нас были карусели. Это наш престол, наш деревенский престол. <...> У всех свои праздники, у всех свои карусели. Специально такие есть: и кони, и кареты – все были приделаны, какие на винтах, какие на гвоздях – прости, Господи! Они друг перед дружке передавались, а потом в район отправлялись. Дело-то это давно было, мне было семь лет...»¹⁶⁷

Ее сведения дополняет другая местная жительница: «А потом тридцатого <сентября> был у нас праздник – Софиин день, ой, это наш престол. Счас уж его не празднуют. Как праздновали? В церкву ходили, всё стряпали, пекли – и наварять-напекуть. Были карусели у нас на этот день. Четыре дня праздновали, ну а раньше вот. Ну а карусельница была в Кузьминском – у них карусели свои. <...> Такая крыша, круглый такой и там такие перекладины наверху – ребята туда залезут и по этим вот по этим пихали их, пихали. А тут кареты, конЕ и каретки. Вот садились. Пять копеек, значить. И тогда у карусельницы был такой звонок – ребята там крутят-крутють, она такой звонок даёт, и они садятся на эти перекладины – значить, конец. Хорошо, я тоже каталась, хорошо! <...> Каждый вот на эту, так вот ни на один праздник не было каруселей, а вот на этот праздник карусели у нас были.»¹⁶⁸

¹⁶⁵ Записи автора. Тетр. 8а. № 514 – Павлюк А. А., 1924 г. р., д. Волхона Рыбновского р-на, 13.09.2000.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Записи автора. Тетр. 8 № 257 – Рыбкина Надежда Дмитриевна, 1915 г. р., с. Константиново, 11.09.2000.

¹⁶⁸ Записи автора. Тетр. 8а. № 626 – Дорожкина В. А., 86 лет, с. Константиново, 03.10.2000.

Женитьба на «фамилии»

Многие из надежд Есенина на счастливую семейную жизнь с С. А. Толстой не оправдались. Так же, как и в случае с А. Дункан, свадьбе Есенина с внучкой великого русского писателя предшествовали счастливые (с кольцом – см. главу 2) и несчастливые приметы. О трагическом предвестье со слов Есенина рассказал В. И. Эрлих:

Июнь 25 года. <...> Сейчас мы стоим на балконе квартиры Толстых (на Остоженке) и курим. Перед нами закат, непривычно багровый и страшный. На лице Есенина полубезумная и почти торжествующая улыбка. Он говорит, не вынимая изо рта папиросы: «Видал ужас?... Это – мой закат... Ну пошли! Соня ждет».¹⁶⁹

Неудачи с женитьбой поэт связывал с конкретным городом и с обстановкой в нем. Есенин надеялся, что переезд в другое место улучшит его жизнь и сообщал об этом в письме к Н. К. Вержбицкому до 25 мая 1925 г.: «Всё, на что я надеялся, о чем мечтал, идет прахом. Видно, в Москве мне не остепениться. Семейная жизнь не клеится, хочу бежать. Куда? На Кавказ!» (VI, 219. № 231). Семейные проблемы Есенина отчасти сопоставимы с особым типом уклада крестьянской семьи, известной под названием «примачество»: когда жених переходил жить в дом родителей невесты. Обыкновенно же невеста поселялась у свекра и свекрови (так было заложено в патриархальной общине и отражено в композиции свадьбы – в пути свадебного поезда из церкви). В случае, когда жених оказывался примаком, именно он (а не невеста) должен был подлаживаться под индивидуальный стиль взаимоотношений в новой семье.

Есенину претил культ Льва Толстого, царивший в семье внучки – жены поэта:

С новой семьей вряд ли что получится, слишком все здесь заполнено «великим старцем», его так много везде, и на столах, и в столах, и на стенах, кажется, даже на потолках, что для живых людей места не остается. И это душит меня (VI, 219. № 231).

Так обернулось своей противоположной стороной стремление Есенина породниться с великой фамилией, войти в состав семьи человека с мировой славой! Бытует устойчивое мнение, что две неординарных и талантливых личности не уживаются вместе, как два медведя в одной берлоге; и Есенин, действительно, бежал из квартиры в р-не Остоженки в Померанцевом переулке, дом 3, в которой даже посмертно царил дух великого Толстого. Тем не менее глубочайшее почтение, с которым относились в этой семье ко всякой одаренной личности, впоследствии сыграло огромную положительную роль: были сохранены все имевшиеся рукописи Толстого и Есенина.

Как свадебное путешествие, хотя и не совсем типичное, можно расценивать супружескую поездку Есенина с С. А. Толстой на Кавказ. В написанном женой и отправленном из Ростова-на-Дону письме 26 июля 1925 г. поэт делает стихотворную приписку В. И. Эрлиху:

Милый Вова,
Здорово. У меня не плохая «жись»,
Но если ты не женился,
То не женись (VI, 220. № 234).

¹⁶⁹ Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. С. 419.

Образ свадебной елочки

18 августа 1925 г. Есенин пишет П. И. Чагину из Мардакян строки, идущие вразрез с его прежней концепцией насчет *большой древесной семьи*: «Сам знаешь: жена, дети, и человек не дерево» (VI, 222. № 236). Несколькоми годами раньше, вскоре после женитьбы А. Б. Мариенгофа на А. Б. Никритиной 31 декабря 1922 года (оформление в ЗАГСе – 13 июня 1923 г.),¹⁷⁰ Есенин радовался видоизменению интерьера привычной комнаты – прежнего холостяцкого жилья двух друзей, и поэт улавливал в древесной зелени свадебную символику:¹⁷¹

На столе, застеленном свежей накрахмаленной скатертью, стоит глиняный кувшин с ветками молодой сосны. Есенин мнет в пальцах зеленые иглы. – Это хорошо, когда в комнате пахнет деревцом.¹⁷²

Хвойное деревце – елочка (сосна) – является неременным атрибутом свадьбы Рязанщины и большей части средней полосы России: подружки невесты срубали в лесу елку, украшали лентами и приносили на девичник, устанавливали на столе, а жених должен был окупить деревце; после венчания елку везли в дом к молодому и свекровь вешала свои дары новобрачной (обычно платок или шаль) на елку, шла с ней демонстративно по селу; елку приколачивали на угол дома, чтобы оповещать всех об играющейся здесь свадьбе и т. д. Однако свадебная елочка все-таки распространена не повсеместно даже в Рязанской губ. и уезде – на «малой родине» Есенина. По наблюдениям И. Проходцова в статье «Предбрачные обычаи и убытки у крестьян Рязанской губ.» (1895):

В Рязанском уезде (села: Пушино, Льгово, Голенчино, Дядьково) и Скопинском (Бараково) на день девичника бывает обычай оплакивать так называемую «девичью красоту», которую изображает маленькая, в аршин высоты, елочка, убранная разными «тряпочками» (лоскутками), лентами, конфетами и пряниками. Г. Весин <Современный великоросс в его свадебных обычаях и домашней жизни // Русская мысль. 1891. № 9. С. 81, сн. 32>, указывая на этот обычай, ошибается, относя его к обычаю крестьян всей Рязанской губернии. Такого обычая нет во многих уездах, например, в Сапожковском. Он почти существует исключительно в селах Рязанского уезда и то по правую сторону Оки.¹⁷³

В с. Константиново бытовал ритуал с елкой, из описания которого видна его символическая многозначность, и в числе прочих смыслов особенно заметна магическая направленность на чадородие:

За три дня до свадьбы собираются девушки к невесте рядить елку. Наряжают лентами и цветами елочку или сосенку. На самую макушку привязывается кукла. Елка закутывается материей – аршин десять-двенадцать – подарком на платье для будущей свекрови. <...> На следующий день невеста с девушками и с молодыми женщинами идут с елкой к жениху. Когда идут по

¹⁷⁰ См.: Мариенгоф А. Б. Мой век, мои друзья и подружки. С. 104, 175.

¹⁷¹ См. о свадебной символике елки: Самоделова Е. А. Рязанская свадьба / Рязанский этнографический вестник. 1993. С. 74–77 (гл. 4 «Образ дерева без верхушки в свадебной песне сироте и мотив заламывания растения» – с. 67–81).

¹⁷² Мариенгоф А. Б. Мой век, мои друзья и подружки. С. 142–143.

¹⁷³ Проходцов И. Предбрачные обычаи и убытки у крестьян Рязанской губ. // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Рязань, 1895. Вып. 1. Т. X. С. 39.

улице, деревенские интересуются: «А чем раскрыто?» – т. е. каким материалом обернута елка. <...> Елка ставится на стол.¹⁷⁴

Образы елки без верхушки (как параллели с невестой-сиротой) и сосенки, которая *выше всех деревьев в бору* (как невеста краше подруг), составляют главное содержание двух сюжетов свадебных песен Рязанщины, но ими не исчерпываются.

Образ свадебного деревца соплагается с деревом-прародителем и деревом-семьей. Есенину были с детства знакомы из библейской истории и различных религиозных учений, памятников литературы и народной поэзии такие образы, как библейское «дерево жизни» (Быт. 2: 9); ср. также образ елочки с сучками-отросточками и листьем-палисьем, но без вершинки-маковочки из свадебной песни сироты и др. На основе различных философских и религиозных теорий Есенин вспомнил и создал такие художественные образы, как «скандинавская Иггдразиль – поклонение ясеню» (V, 189), Маврикийский дуб (II, 45; V, 189), небесный кедр (II, 43), небесное дерево (I, 132), белое дерево (II, 77), облачное дерево (II, 36) и др.

Библейские образы плодоносящего деревца, плодовой вечнозеленой рощи сопрягаются с брачным венцом, уходящим в своих истоках к древней мысли про «знак чадородия, масличному саду уподобляемого в псалме 127 (сынове твои, яко насаждения масличная), который псалом во время венчания поется».¹⁷⁵ В православной практике (и вообще в Восточной Церкви) не определен конкретный вид брачного венца. В общих чертах он должен изображать «венцы масличные или лавровые, или и от разных листов и цветков с прилучением и драгих камней, искусно сочиненные; только надлежит на челе оных венцов быть малым образам – Христова лица на жениховом, и Богородична на невестином; ибо сие в церквах российских везде хранится» (письмо Феофана Прокоповича около 1730 г. перед предполагаемым браком императора Петра II); святые образы могут быть иные – Деисус на мужском венце и Иоаким и Анна или Знамение Божией Матери на женском.¹⁷⁶

Народно-свадебная символика подрубания дерева (особенно березки), заламывания растения, нагибания травинушки, заимствованная из свадебных и необрядовых традиционных песен и ритуала украшения березки подружками невесты на девичнике (распространенного к северу от Рязани и Москвы – в Ярославской губ. и др.), просматривается в частушке, пропетой Есениным в качестве иллюстрации образа в народной поэзии:

Дайте, дайте мне пилу —
Да я березоньку спилю!
У березы тонкий лист,
А мой милый гармонист.¹⁷⁷

Частушечная символика воспринята Н. Д. Вольпин применительно к ней лично: «Я обнимаю на прощанье моего “гармониста” и бегу выступать. <...> Не по плечу я дерево рублю?».¹⁷⁸ По наблюдению историка Н. И. Костомарова, сделанному еще в 1843 г., «“Береза” – в свадебных песнях – означает чистоту невесты, а срубленная береза – символ брачного соединения...»¹⁷⁹

Еще одна частушка с подобной свадебной символикой увядания растений записана Есениным в Константинове и опубликована поэтом в 1918 г.:

¹⁷⁴ Панфилов А. Д. Указ. соч. Ч. 2. С. 226.

¹⁷⁵ Никольский К. Указ. соч. С. 681 – мысль Якова Гоара.

¹⁷⁶ Цит. по: Никольский К. Указ. соч. С. 681 – с отсылками к научным трудам.

¹⁷⁷ Цит. по: Вольпин Н. Д. Указ. соч. С. 279.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Костомаров Н. И. Об историческом значении русской народной поэзии. Харьков, 1843. С. 56.

Неужели сад завянет,
В саду листья опадут?
Неужели не за Ваню
Меня замуж отдадут? (VII (1), 322).

Мировоззрение в замужестве

Последней свадьбе Есенина предшествовали обстоятельства «любовного треугольника», в которые поэт уже попадал перед первым официальным бракосочетанием: тогда это были А. А. Ганин – З. Н. Райх – С. А. Есенин, теперь Б. А. Пильняк – С. А. Толстая – С. А. Есенин. О тревожной ситуации «третий лишний» размышляла М. М. Шкапская в письме к С. А. Толстой 27 апреля 1924 г.:

Или это вина моей неизжитой романтики, но я как-то очень хорошо поняла и оценила стихийность чувства Вашего и Пильняка, – и то, что тут как-то третьим вплелся Есенин – было обидно и больно. Есенина как человека – нужно все-таки бежать, потому что это уже нечто окончательно и бесповоротно погибшее, – не в моральном смысле, а вообще в человеческом, – это как Адалис – потому что уже продана душа черту, уже за талант продан человек, – это как страшный нарост, нарыв, который всё сглодал и всё загубил. Только Адалис при всем при этом еще и умная, очень умная, а ведь Сергей Есенин – талантище необъятный, песенная стихия...¹⁸⁰

С. А. Толстая 20 апреля 1924 г. писала своей подруге и поэтессе М. М. Шкапской о зарождении своей любви к Есенину, ответившему взаимностью:

...последний вечер. Завтра он уезжает в Персию. Моя дорогая, ведь я же нормальная женщина – не могу же я не проститься с человеком, кот<орый> уезжает в Персию?! <...> Сажу на диване, и на коленях у меня пьяная, золотая, милая голова. Руки целует и такие слова – нежные и трогательные. А потом вскочит и начинает плясать. Вы знаете, когда он становился и скидывал голову – можете ли Вы себе представить, что Сергей был почти прекрасен. Милая, милая, если бы Вы знали, как я глаза свои тушила! А потом опять ко мне бросался. И так всю ночь. Но ни разу ни одного нехорошего жеста, ни одного поцелуя.¹⁸¹

Еще раньше, почти месяц назад, 27 марта 1924 г. М. М. Шкапская в ответном письме (предыдущее письмо С. А. Толстой неизвестно) рассуждала об особенностях есенинской любви:

...не радоваться чужой любви не могу – она такая буйная, грозная – знаете, дорогая, так вот только и могут любить Есенины – и подобные им – непочатые, от земли (что их трепало жизнью, ничего, а у них зато кровь не разбавленная). <...> Сонюшка, женщина неизмеримо мудрее мужчины. Недаром Метерлинк сказал, что она ближе к истокам бытия – отсюда и эта полужверина, полубожеская мудрость...Недра какие-то заявляют о себе и требуют в такую эпоху, как наша – живой черноземной любви – прикоснуться как-то к живому, к крепкому.¹⁸²

В мировоззрении С. А. Толстой-Есениной как замужней женщины проявляется народная психология, согласно которой муж (жених) «достаётся», «попадает» невесте, является ее «суженым-ряженым», посылаётся Богом или судьбой. Соответственно жизнь в замужестве

¹⁸⁰ Субботин С. И. Софья Толстая-Есенина: Я хочу туда, где будет хорошо ему // Еженедельная газета для пенсионеров. 1999, 4 октября – 10 октября. № 26. С. 13.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Там же. С. 12–13.

рассматривается как божественный дар или, напротив, тяжелый крест, выпавший на долю женщины (сравните также идею «свадьбы-похорон» как вообще явление «обрядового перехода» – rites of passage,¹⁸³ смены статуса). С. А. Толстая 20 апреля 1924 г. в письме к М. М. Шкапской описывала зарождающееся чувство как стихийно-трагическое, пагубное, сродни эсхатологическому:

Хочу ехать – С. в таком бешенстве, такие слова говорит, что сердце рвется. У меня несколько седых волос появилось – ей-Богу, с той ночи. Уехала, как в чад... Не забуду, как мы с лестницы сходили – под руку, молча, во мраке, как с похорон. Что впереди? Знаю, что что-то страшное...¹⁸⁴

Метафора С. А. Толстой «сердце рвется» базируется на таком же глубинном мировоззренческом основании, как и фольклорно-этнографические истоки рязанских (и не только!) свадебных песен и плачей с мотивом:

Мне примолвить-то его не хочется:
Моё сердце не воротится,
Уста кровью запекаются,
А вся внутренняя терзается

(«Как при вечере-вечеру...»)¹⁸⁵
Зарыднуло сердечушко да Татьянино
(«Серед двора серед чистаго...»)¹⁸⁶

И уже после замужества в неотправленном письме супругам Волошиным 23 ноября 1925 г. С. А. Толстая-Есенина рассуждала:

Иногда думаю, что моя жизнь нечто вроде весьма увесистого креста, который я добровольно, сознательно с самого начала взвалила себе на плечи, а иногда думаю, что я самая счастливая женщина, и думаю – за что?¹⁸⁷

И все-таки поэт теперь ощущает себя куда более полноценным человеком – мужем, семьянином, хозяином. Именно такой патриархально-крестьянский идеал внедрял в сознание сына его отец А. Н. Есенин, которому поэт пишет 20 августа 1925 г. из Мардакян: «Первое то, что я женат» (VI, 223. № 237). Поэту вторила жена – 23 ноября 1925 г. С. А. Толстая-Есенина сообщала в неотправленном письме М. А. Волошину и его супруге Марии Степановне: «Дорогие мои, понимаете, я очень влюбилась, а потом замуж вышла и так меня это завертело, что я от всего мира оторвалась и только в одну точку смотрю... <...> А так все очень, очень хорошо, потому что между нами очень большая любовь и близость и он чудесный».¹⁸⁸

Через всю жизнь пронесла С. А. Толстая-Есенина «Молитву внучке Соничке», созданную Л. Н. Толстым 15 июля 1909 г. для 9-летней девочки: «Богом велено всем людям одно дело: то, чтобы они любили друг друга. <...> Кто научится этому, тот будет любить всех людей, какие бы они ни были, и узнает самую большую радость на свете – радость любви».¹⁸⁹

¹⁸³ Gennep A. van. The rites of passage. London, 1961. (Пер. с фр.).

¹⁸⁴ Субботин С. И. Указ. соч. С. 13.

¹⁸⁵ Отдел рукописей РГБ. Ф. 125. Картон 41. [Папка 6 черновая]. № IV. Л. 557 (143). – Песни Рязанской губ. Рязского у. 1858 года от А. П. Попова.

¹⁸⁶ РГПУ. Эксп. 1972. Тетр. 4. № 49. Михайловский р-н, с. Новое Кирино.

¹⁸⁷ Субботин С. И. Указ. соч. С. 13.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1958. Т. 90. С. 85.

Грозные народные предзнаменования

Последней женитьбе Есенина предшествовало два предзнаменования: во-первых, вроде бы поначалу приятный выбор попугаем кольца среди множества предсказательных предметов (см. выше); во-вторых, безусловно грозное предречение свадьбы и смерти в одном маленьком обрядовом тексте. Показательно, что если в первом случае событие никак не зависело от воли гадающего (кроме самой свободы выбора – гадать или нет), то во втором оно было напрямую связано с несоблюдением праздничного этикета представителями Есенинского рода и расценивалось как возмездие за это.

Вот как с горечью повествует об этом Н. В. Есенина (Наседкина):

Мама рассказывала страшную историю. В 1925 году бабушка – Татьяна Фёдоровна Есенина – не исполнила установленный обычай. Было принято на Новый год молодёжи ходить по селу и кликать «Авсень». Подходили к каждой избе на Старый Новый год и поздравляли хозяев. За это полагалось одаривать ребят. (Тут Наталия Васильевна сделала жест, которым обычно просят о награждении и подаении, – протянула правую руку с раскрытой ладонью вперед и немного в сторону.) А у бабушки было плохое настроение: то ли с мужем поругалась, то ли ещё что – и она ничем не угостила ребят. Они ей за это спели:

Под Новый год —
Сосновый гроб,
Дубовая крышка,
Невеста-голышка!

И это предсказание сбылось. Летом Есенин женился на Софье Андреевне Толстой – вот «невеста-голышка», а под Новый год (под новый Новый год) он скончался.¹⁹⁰

И все-таки родственникам Есенина незачем душевно терзаться и каяться в несовершенном грехе: в Константинове было вполне обычным делом пропевание этой песенки с угрозой (когда не угощали и никак не награждали исполнителей Авсень) – и ничего трагического не случилось. Вот как об этом рассказывает М. И. Титова (1924–2005):

А счас уже деньгами стали давать. Счас вот в Константинове пели некоторые <если не отблагодарят> – нет:

Под Новый год —
Сосновый гроб,
Еловая крышка, —

ну, если я там:

Машка, или Танька-колтышка.¹⁹¹

¹⁹⁰ Записи автора. Тетр. 8. № 167. Зап. со слов Натальи Васильевны Есениной (Наседкиной, 1933–2006) в Москве 17.10.2000.

¹⁹¹ Записи автора. Тетр. 8а. № 492 – Титова Мария Ивановна, 1924 г. р., с. Константиново, 13.09.2000.

Справедливости ради надо отметить, что со свадьбой как с «переходным ритуалом» (*rite de passage*), событием, переворачивающим и переиначивающим жизнь человека, в народном мировоззрении связываются порой самые грозные предсказания и пророчества. Одно из них отражено в стихотворении «Чудная бандура» (1836) П. Д. Ознобишина, ставшим популярнейшей народной песней «По Дону гуляет...» со множеством вариантов и дополнений, о которых сам автор и не подозревал. В Константинове, например, до сих пор бытует вариант со строками о сбывшемся предсказании цыганки:

Погибнешь ты, дева,
В день свадьбы своей.
Поедешь венчаться – (3)
Обрушится мост.¹⁹²

¹⁹² Записи автора. Тетр. 8а. № 307 – Ерёмина А. К., 57 лет, с. Константиново, 11.09.2000.

Сватовство к знаменитости

Друзья Есенина с его слов повторяли полушутливую-полусерьезную проблему выбора невесты с «громким» именем – с известной наследственной фамилией, с близким родством с прославленной личностью государственного и даже мирового масштаба. Отсюда его женитьба на танцовщице А. Дункан, выбор между дочерью Ф. И. Шаляпина и внучкой Л. Н. Толстого. Даже не помышляя о женитьбе, Есенин как-то по-особому трепетно относился к наследникам великих фамилий. Н. Д. Вольпин подметила: «... к Сергею пробилась женщина с просьбой об автографе – невысокая, с виду лет сорока, черненькая, невзрачная... Назвалась по фамилии: Брокгауз. “А... словарь?” – начал Есенин. – “Да-да! – прерывает любительница поэзии (или автографов), – это мой дядя!” <...> Вольф Эрлих спрашивает Есенина, с чего ему вздумалось прихватить “эту дуреху”. // Ответ несколько неожиданный: “Знаешь, все-таки... племянница словаря!”».¹⁹³

Н. Н. Захаров-Мэнский рассуждал в том же ключе: «Потом – его сближение с Дункан. Что было между ними общего? Я не раз задавал себе этот вопрос и всегда отвечал – “имя”. И он и она – “знаменитости”. Не мог Есенин быть мужем простой смертной, подавай знаменитость, подавай шумиху в газетах, поездку в Берлин на аэроплане, в Америку...».¹⁹⁴ Аналогично думал И. Г. Эренбург по поводу женитьбы Есенина на прославленной «босоножке»: «Его полюбила знаменитая танцовщица Айседора Дункан, на танцы которой я с восхищением смотрел в гимназические годы. Она была на семнадцать лет старше его, но он обрадовался ее любви, как мировому признанию. Он хотел поглядеть мир и одним из первых пронесся по всей Европе, увидел Америку».¹⁹⁵

Вот как рассуждал на тему выбора Есениным невесты с громким именем А. Б. Мариенгоф:

В это время его женой была Софья Андреевна Толстая, внучка Льва Николаевича, до немыслимости похожая на своего деда. Только лысины да седой борода и не хватало.

Впервые я с ней встретился в вестибюле гостиницы «Москва». Взглянул и решил:

– Да ведь это Софья Андреевна! Жена Сережи.

Узнал ее по портретам Льва Николаевича.

А когда-то Есенин хотел жениться на дочери Шаляпина, рыженькой, веснушчатой дурнушке.

Потом – на Айседоре Дункан.

И все для биографии.

Есенин – Шаляпина!

Есенин – Дункан!

Есенин – Толстая!¹⁹⁶

Г. И. Серебрякова со слов А. К. Воронского пересказала размышления Есенина о выборе невесты «за глаза», заочно – с громким именем:

¹⁹³ Вольпин Н. Д. Указ. соч. С. 345–346.

¹⁹⁴ Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. С. 181.

¹⁹⁵ О Есенине. С. 590.

¹⁹⁶ Мариенгоф А. Б. Мой век, мои друзья и подруги. С. 247.

«А что если я женюсь на дочери Шаляпина? Как это будет звучать – Шаляпина, Есенин?» // Еще не видев свою будущую жену, Софью Андреевну, он повторял: «Толстая, внучка Льва Николаевича, и Есенин. Это отлично!». ¹⁹⁷

По мнению Ю. Н. Либединского, сам поэт и его друзья, знакомые придавали огромное значение предстоящей женитьбе именно на С. А. Толстой:

Едва ли не с начала моего знакомства с Есениным шли разговоры о том, что он женится на Софье Андреевне Толстой, внучке писателя Льва Толстого. Сергей и сам заговаривал об этом, но по своей манере придавал этому разговору шуточный характер, вслух прикидывая: каково это будет, если он женится на внучке Льва Толстого! Но что-то очень серьезное чувствовалось за этими как будто бы шуточными речами. <...> «Ведь ты подумай: его самого внука! Ведь это так и должно быть, что Есенину жениться на внучке Льва Толстого, это так и быть должно!» // В голосе его слышалась гордость и какой-то по-крестьянски разумный расчет ¹⁹⁸

Уже после кончины поэта М. А. Осоргин (настоящая фамилия Ильин) завершил некролог «“Отговорила роща золотая...” Памяти Сергея Есенина» упоминанием о его женитьбе на представительнице прославленной фамилии: «Менее года тому назад Сергей Есенин женился. Его вдова – внучка Льва Толстого». ¹⁹⁹

Заметим: в соответствии с общепринятым суждением о том, что понятие красоты (внешней и внутренней) у каждого человека свое, портретные характеристики С. А. Толстой у знавших ее людей разные. М. М. Шкапская характеризовала С. А. Толстую в письмах к ней от 5 и 31 января 1924 г.: «...милая женщина. Почему-то я Вас всегда очень отчетливо ощущаю именно как женщину... А быть женщиной *par excellence* – это почти гениально» и «Сколько раз я замечала, как несколькими, я бы сказала, “расширенными” словами Вы показываете вещи иными, нежели их привык видеть до сих пор. Между прочим, это дар, который обычно бывает у больших талантов, и возможно, что это достался Вам в наследство биологически отъединенный от целого элементик из творчества Льва Николаевича. Но это драгоценнейший из всех даров, каким жизнь умеет и может наделить смертного». ²⁰⁰

Ю. Н. Либединский воспринимал С. А. Толстую как подходящую жизненную подругу Есенина: «В облике этой девушки, в округлости ее лица и проницательно-умном взгляде небольших, очень толстовских глаз, в медлительных манерах сказывалась кровь Льва Николаевича. В ее немногословных речах чувствовался ум, образованность, а когда она взглядывала на Сергея, нежная забота светилась в ее серых глазах. Она, видно, чувствовала себя внучкой Софьи Андреевны Толстой. Нетрудно догадаться, что в ее столь явной любви к Сергею присутствовало благородное намерение стать помощницей, другом и опорой писателя». ²⁰¹ Аналогично характеризовал последнюю супругу поэта Всеволод Рождественский: «Незадолго перед этим он женился, и его жена, ныне покойная С. А. Толстая, внучка Л. Н. Толстого, женщина редкого ума и широкого русского сердца, внесла в его тревожную, вечно кочевую жизнь начало света и успокоения». ²⁰²

Однако существовала и противоположная точка зрения по поводу внешности С. А. Толстой. Так, В. П. Катаев в повести «Алмазный мой венец» (1975–1977) несправедливо завывал

¹⁹⁷ О Есенине. С. 542.

¹⁹⁸ Там же. С. 194–196; С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 153.

¹⁹⁹ О Есенине. С. 508.

²⁰⁰ *Субботин С. И.* Указ. соч. С. 12.

²⁰¹ О Есенине. С. 195; С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 2.

²⁰² О Есенине. С. 318.

возраст не названной им С. А. Толстой (она была на 5 лет моложе Есенина) и восторгался более чаепитием, нежели женской красотой: «Там немолодая дама – новая жена королевича, внучка самого великого русского писателя, вся в деда грубоватым мужицким лицом, только без известной всему миру седой бороды, – налила нам прекрасно заваренный свежий красный чай в стаканы с подстаканниками и подала в розетках липовый мед, золотисто-янтарный, как этот солнечный грустноватый день».²⁰³ Иннокентий Оксёнов рассуждал: «С. А. Толстая похожа на своего деда, здоровая женщина и мало привлекательная».²⁰⁴

²⁰³ Там же. С. 438.

²⁰⁴ Оксенов И. «Никто другой нам так не улыбнется» (Из дневника) // Кузнецов В. Тайна гибели Есенина. С. 231.

Величание супругов

Поиск Есениным невесты с определенной фамилией укладывается в рамки традиционного народного представления о том, что каждому человеку судьбой уготована суженая и еще задолго до свадьбы можно узнать имя будущей избранницы. Обычно судьбу испытывали крестьянские девушки с помощью святочного гадания об имени жениха. О таком обычае до сих пор рассказывают в с. Константиново: «В окно постучишь: тетя Насть! Тетя Кать! Как нашего жениха звать? Там ответят, идём к другому дому».²⁰⁵ Уже на самой свадьбе, после церковного венчания, проводилось ритуальное действо: спрашивали, за кого вышла замуж невеста и на ком женился жених, и новобрачные должны были назвать друг друга по имени-отчеству (до этого они так не величали друг друга). А. Д. Панфилов привел этот обычай в шуточной обрисовке, когда его серьезное магическое значение было уже утрачено: «Степан Васильевич, а как твою жену звать? – тешатся гости. – Анна Ивановна».²⁰⁶ Очевидно, прежде таким способом утверждался новый, семейный статус и закреплялось «взрослое» имя; кроме того, снимался некий запрет на поименование жениха и невесты (ср. этимологию – «невеста» = «неведомая, неизвестная» с табуированием имени²⁰⁷) до совершения брачного таинства.

Аналогично народом понимается назначение жанра величальных песен с их ведущим жанровым признаком: «называют (имя) – величают (отчество)». Кроме того, традиционная русская свадьба установила особое ритуальное действо – величание новобрачными друг друга. Об особенностях соблюдения этого действия в Елатомском у. Тамбовской губ. (ныне часть Касимовского р-на Рязанской обл.) в конце XIX века сообщал местный сельский житель А. П. Звонков: «Молодых усаживают в передний угол, заставляют постоянно целоваться, спрашивают об имени друг друга; муж назовет ее обыкновенно по имени и отчеству, но никогда не дожидется этой чести от молодой супруги; либо скажет “никак”, либо назовет ругательно: каким-нибудь Степкой или Яшкой».²⁰⁸ Сличение этого сообщения с другими рязанскими записями показывает, что подобная психологическая реакция невесты является редкостью.

Шутливое порождение идеи первого ритуального называния новобрачного супруга по имени нашло отражение в пародийном обозначении Есениным А. Дункан «Дунькой» (с фонетической переделкой иностранной фамилии по созвучию с русским именем в его уменьшительно-пренебрежительной форме): «...оттуда в пятом часу утра на Пречистенку к “Дуньке” (так он в шутку называл Дункан)...»²⁰⁹ Это свадебно-ритуальное название увековечилось и в шутливом наименовании шарфа Айседоры Дункан, с которым она танцевала как с партнером танец «Апаш»,²¹⁰ подарила его Есенину;²¹¹ он известен по рисунку С. М. Городецкого и его воспоминаниям: «Припоминаю еще одно посещение Айседорой Есенина при мне, когда он был болен. Она приехала в платке, встревоженная, со сверточком еды и апельсином,

²⁰⁵ Записи автора. Тетр. 8а. № 454 – Воробьева Мария Дмитриевна (1925–2005), а также П. М. Силкина, с. Константиново, 12.09.2000.

²⁰⁶ Панфилов А. Д. Указ. соч. Ч. 2. С. 232.

²⁰⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. 1987. Т. 3. С. 54.

²⁰⁸ Звонков А. П. Современные брак и свадьба среди крестьян Тамбовской губ. Елатомского уезда // Труды этнографического отдела Императорского ОЛЕАЭ. Кн. 9. Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (Обычное право, обряды, верования и пр.). Вып. 1. М., 1889. С. 48.

²⁰⁹ Городецкий С. М. О Сергее Есенине // Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. С. 89; О Есенине. С. 126.

²¹⁰ См.: Мариенгоф А. Б. Воспоминания о Есенине // Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. С. 225.

²¹¹ Эрлих В. И. Право на песнь // Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. С. 408.

обмотала Есенина красным своим платком. Я его так зарисовал, он называл этот рисунок – “В Дунькином платке”»²¹² (8 января 1920 г.).

И в то же время Есенин, очевидно, придавал большое значение настоящему (исконному, данному родителями, а не переделанному) имени жены в своей супружеской жизни. По наблюдению Н. Н. Никитина, «все близкие Дункан, и Есенин тоже, всегда называли ее Изадорой... Это было ее настоящее имя».²¹³ Соответственно, Есенин, считая себя женатым человеком и настоящим поэтом, а не учеником-подмастерьем, стремился именоваться полным «взрослым именем». Об этом сообщил А. Б. Гатов уже применительно к 1920 г.: «“Сережа Есенин” – так говорили многие из тех, для кого он никогда не был “Сережей”. Сам Есенин очень неодобрительно относился к подобным панибратским о нем упоминаниям. // Для меня, несмотря на наши дружеские отношения, он был Сергеем Александровичем».²¹⁴

Интересно, что Есенин, как поэт будучи душевно более тонко организованной натурой, придавал большое значение имени и, возможно, верил в его таинственную магию. Именно в этом смысле его волновала «судьбоносная» фамилия будущей невесты.

Однако под конец жизни Есенин отказался от идеи быть связанным браком с женою-знаменитостью или с представительницей прославленной фамилии. Он мечтал вернуться к своему давнему идеалу целомудренной крестьянской девушки-невесты и, как в юности, высказывал желание вновь взять в жены обыкновенную спутницу жизни. Есенин говорил В. Ф. Наседкину о том, что «в Ленинграде он, возможно, женится, только на простой и чистой девушке».²¹⁵

²¹² Городецкий С. М. Указ. соч. С. 89.

²¹³ О Есенине. С. 228.

²¹⁴ Там же. С. 409.

²¹⁵ Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. С. 498.

Свадебное время

Поразительно, что Есенин на трех своих официальных женах – З. Н. Райх, А. Дункан и С. А. Толстой – женился летом. Если сопоставлять с сезонностью игры свадеб в родном Есенину селе Константиново, то это нетипичное для проведения свадеб время. Как рассказывает М. Г. Дорожкина: «Обычно на Красную Горку бывает свадьба – бо́льшая часть, а так после Паски. Постом – Пост Великий бывает – Паска – свадьбы никогда не бывают: большой грех в эти праздники, постом играть. Большая свадьба бывает после Паски на Красную Горку. Да счас-то! Раньше, конечно, этого не было! Такие дни, чтоб играть свадьбу, раньше были».²¹⁶ Есенин, как уроженец этого села, безусловно, был осведомлен о хронологии игры свадьбы, но почему-то не придерживался народного обычая (вероятно, ставя выше него любовь). В повести «Яр» (1916) Есенин придерживался традиционного времени проведения свадеб: «На Преображение сосватали, а на Покров сыграли свадьбу. // Свадьба вышла в дождливую погоду; по селу, как кулага, сопела грязь и голубели лужи» (V, 15).

Официального запрета на устройство свадьбы летом не существовало, за небольшим календарным исключением, связанным с постами: согласно Кормчей книге, на которую ориентированы все священнослужители, бракосочетание не совершается «от недели Всех Святых до 29-го июня; от 1-го до 15-го августа»²¹⁷ (по ст. ст.). В «Рязанских епархиальных ведомостях» за 1888 год на вопрос «В какие дни нельзя совершать браков?» пояснялось со ссылкой на тот же источник: «В Книге “Кормчей” запрещается венчать браки лишь: от 14 ноя. до 6 янв.; от нед. Мясопустной до нед. Фоминой; от нед. Всех Святых до 29 июня и от 1 до 15 авг. (гл. 50, стран. 140)».²¹⁸ Но в той же газете за 1895 г. появилось новое ограничение – «Поучение против обычая сельских прихожан играть свадьбы в первый день храмового праздника» С. Полянского.²¹⁹

Выскажем и другое предположение (помимо приоритета любви над установленным свадебным сезоном в понимании Есенина), почему поэт женился летом. Он мог подсознательно ориентироваться на крестьянскую традицию приурочивать свадьбу к престольному празднику: ведь согласно церковным установлениям, разрешалось устраивать венчание на второй день храмового праздника. В с. Константиново летним (и основным, в честь которого названа церковь) престольным праздником являлось празднование Казанской иконы Божьей Матери. Жительница соседней д. Волхона отмечала: «А Казанская бывает летняя, Казанская Божья Мать вот у меня икона. Четвёртого ноября – это называется осенняя Казанская в Кузьминске, у них приход осенний, а у нас летний. Да, у нас два престола: Казанская и Софииин день».²²⁰

Символика по части предсказания по погоде на Покров будущего (как календарного сезона, так и послесвадебной жизни новобрачных) была известна жителям с. Константиново. Н. Д. Рыбкина, родившаяся в один год с написанием Есениным повести «Яр» – в 1915 году, рассказывает: «Потом Покров бывает вот четырнадцатого: какой будет Покров? Если тёплый – то зима тёплая; холодный Покров четырнадцатого – значит, холодной зима будет, вот».²²¹

²¹⁶ Записи автора. Тетр. 8а. № 418 – Дорожкина М. Г., 1911 г. р., с. Константиново, 12.09.2000.

²¹⁷ Цит. по: Никольский К. Указ. соч. С. 685. Сн. 2.

²¹⁸ Церковно-практические вопросы и ответы // Рязанские епархиальные ведомости. Прибавления. 1888. № 7. С. 210.

²¹⁹ См.: Полянский С. Поучение против обычая сельских прихожан играть свадьбы в первый день храмового праздника // Рязанские епархиальные ведомости. 1895. № 19. С. 773–774.

²²⁰ Записи автора. Тетр. 8а. № 514 – Павлюк А. А., 1924 г. р., д. Волхона Рыбновского р-на, 13.09.2000.

²²¹ Записи автора. Тетр. 8. № 258 – Рыбкина Н. Д., 1915 г. р., с. Константиново, 11.09.2000.

Брачное законодательство 1918 года

Есенин жил в переломную эпоху, когда менялись привычные взгляды на брак и переделывалось само брачное право. Примечательно, что именно институт брака был узаконен Советским правительством прежде всего. «1-й кодекс законов РСФСР» был принят Центральным исполнительным комитетом Советов 16 сентября 1918 г. и назывался «Об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве».

Уже во «Введении» к документу отмечалось, что это «1-й с начала не только октябрьской, но и февральской революции законодательный акт, в более или менее законченном виде регулирующий целую область гражданско-правовой жизни»²²² и что его появление предваряли декреты «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния», «О расторжении брака» и «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», носившие подготовительный и схематичный характер. Революционные правоведы полагали, что институт брака необходим лишь в переходное время и отомрет при социализме, сохранится лишь организационная его сторона (в виде переписи населения) – и то до наступления эпохи всеобщего изобилия. Утверждаемое новое брачное право использовало достижения мирового законодательства, упраздняло христианское таинство брака и церковный свадебный канон и вводило совершенно новые нормативы.

Для России новаторскими в идеологическом, юридическом и организационном отношении являлись следующие нормы: 1) устранение юридического преимущества мужа (необязательность перемены фамилии и гражданства жены по мужу, отмена обязанности следовать по месту жительства мужа и др.); 2) возможность свободного развода по инициативе одной из сторон; 3) создание иерархической структуры – отделов записей актов гражданского состояния при Совдепах всех видов административно-территориального подчинения; 4) отграничение брачного права от семейного, действующего по факту происхождения. Последние два приведенных пункта не имели мировых аналогов.

О том, как в народе трактовался советский Кодекс о браке, да еще воспринятый со слуха, из уст агитаторов, сообщала Н. Д. Вольпин: «Мне вспомнилась недавняя беседа, проведенная в военном госпитале с санитарками и прочим женским персоналом агитаторшей из женотдела: беседа о свободной любви, как ее понимает партия. <...> Запретов нет – но будь честен и прям! Любовь не терпит уз! Насильно мил не будешь. Разлюбила, полюбила другого – честно объяви мужу: “Ухожу от тебя, наша связь была ошибкой”. Услышала то же от мужа – не удерживай его, пусть с болью в душе, но отпусти! Можете менять мужей хоть каждый год, хоть каждые три месяца – но все делайте открыто, по-честному! Не живите сразу с двумя».²²³ Работницы не постигали сущность нового брачного кодекса, особенно в подобном агитаторском изложении, и потому недоумевали: «А скажи, что вчера эта баба из женотдела толковала, чтобы не жить с двумя сразу? Это как же с двумя-то? Ложиться втроем в постель? Женщине с двумя мужиками?»²²⁴ Н. Д. Вольпин добавляет о докладчице, что «о детях у поборницы “свободной любви” вопрос не возникал».²²⁵

Аналогично же воспринимали самые новаторские положения Кодекса о браке 1918 г. иностранцы – об этом вспоминает Н. Д. Вольпин: «За рубежом в те годы шла пропаганда, будто в Стране Советов осуществляется “социализация женщин”, вошла-де в норму “общность

²²² 1-й кодекс законов РСФСР. Об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. М., 1918. С. 10. Автор «Введения» – З. Теттенборн.

²²³ Вольпин Н. Д. Указ. соч. С. 255.

²²⁴ Там же.

²²⁵ Там же.

жен”»,²²⁶ а иностранные рабочие по приезду в Россию удивлялись недоступности русских женщин при «свободной любви» и объясняли это «прирожденной холодностью северянок».²²⁷

Очевидно, осознавая непонятность для населения многих статей Кодекса о браке, при проекте нового закона в 1925 г. составители подчеркивали необходимость «открыть дискуссию», «провести кампанию по проведению докладов на рабочих собраниях о сущности нового Кодекса» и указывали, что «особенно нужно обратить внимание на основные положения Кодекса женщине-работнице».²²⁸

²²⁶ Там же.

²²⁷ См.: Там же. С. 255–256.

²²⁸ Кодекс законов о браке, семье и опеке (проект). Приложение: *Курский Д.* Брак, семья и опека. – *Бранденбургский Я.* Вопросы семейного и брачного права (К внесению в законодательные органы проекта Кодекса о браке и семье). Ростов-на-Дону, 1925. С. 3.

Брачная фамилия

В 1918 году предполагалось, что закон о браке, как и вообще вся революционная законодательная система, не должны быть «вечными», и потому «через очень короткое время можно будет вычеркнуть целый ряд записей, напр. о регистрации браков, отсутствующих, перемены фамилий, если вместо фамилий будут введены более рациональные, более разумные различия отдельных людей».²²⁹ Понятно, почему роль фамилии в брачном законе преуменьшалась: в крестьянской среде были более распространены и привычны прозвища, фамилии у них стали укореняться с XVI в., а Россия в 1-й четв. XX в. оставалась по преимуществу патриархальной страной. О соотношении прозвищ и фамилий у крестьян рассуждала рязанский этнограф Н. И. Лебедева. На научном совещании этнологов Центрально-Промышленной области (куда входила и Рязанская) в 1927 году в прениях по докладу М. Я. Феноменова «Значение для областной этнологии мелко-районного изучения деревни» Н. И. Лебедева задавалась вопросом: «Возможно ли установление связей современного населения с населением XVI века путем сопоставления фамилий? Ведь фамилии в крестьянском быту – явление совершенно неустойчивое. Они могут меняться даже на памяти одного поколения».²³⁰ Пример отца поэта, который писал фамилию сначала как *Ясенин*, а потом как *Есенин*, подтверждает мысль Н. И. Лебедевой.

В отличие от составителей закона, надеявшихся на замену фамилий и прозвищ более удобными дефинициями людей, Есенина чрезвычайно волновала проблема сочетания фамилий мужа и жены, причем именно в случаях прославленных на весь мир фамилий. Отсюда проистекала его забота о благозвучном и сущностном соединении фамилий: он выбирал – Есенин и Дункан или Есенин и Есенина; Есенин и Шаляпина или Есенин и Толстая. Вот почему сначала ему льстит слава причастности к известной фамилии: пусть все говорят о Есенине и Дункан. Чуть позже он хочет подчинить себе мировую славу в лице своей жены: пусть она носит двойную фамилию – Есенина-Дункан! В «Вечерней Москве» уже после гибели Есенина сообщалось: «Есенин со 2 мая <1922 г.> состоял в зарегистрированном браке с Айседорой Дункан» (1926, 4 сентября, № 203).

Регистрация брака Есенина с А. Дункан происходила уже по нормам второго Кодекса законов 1921 г., однако он наследовал у предыдущего юридического документа 1918 г. правовое узаконение «брачной фамилии»: «Лица, состоящие в браке, носят общую фамилию (брачная фамилия). При бракосочетании им предоставляется определенность, будут ли они именоваться фамилией мужа (жениха), или жены (невесты), или соединенною их фамилией» (ст. 100).²³¹

Есенин с глубоким удовлетворением, даже с радостью отмечает тот факт, что при повторной регистрации брака по западно-европейским законам в Германии его жена из Есенин-Дункан превратилась просто в Есенину. Он сообщает в письме к И. И. Шнейдеру 21 июня 1922 г.: «Изадора вышла за меня замуж второй раз и теперь уже не Дункан-Есенина, а просто Есенина» (VI, 138. № 120). Согласно «Кодексу Законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве и изданных в развитие его распоряжений» (1921) в «Примечании 1» к статье 53 указывалось: «Заключение браков за границей возлагается на

²²⁹ Гойхбарг А. Г. Первый кодекс законов РСФСР // 1-й кодекс законов РСФСР. С. 5.

²³⁰ Культура и быт населения Центрально-Промышленной области (Этнологические исследования и материалы). 2-е совещание этнологов ЦПО. 7 – 10 декабря 1927. Государственный музей ЦПО. М., 1929. С. 217. – Прения; см. об этом: Самоделова Е. А. Жизнь и научная деятельность Н. И. Лебедевой (Предисловие) // Лебедева Н. И. Этнологические материалы / Рязанский этнографический вестник. 1997. С. 12.

²³¹ Первый кодекс законов РСФСР. Об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. М., 1918. С. 38.

представителей России за границей, которые о заключенных браках обязаны сообщать Центральному Отделу Записей Актов Гражданского Состояния, с представлением копий брачных свидетельств».²³²

Тема «брачной фамилии» (в данном случае – по мужской линии) также всплыла в конце 1923 – начале 1924 гг. в письме к бывшей жене З. Н. Райх: «Дело в том, что мне были переданы Ваши слова о том, что я компрометирую своей фамилией Ваших детей и что Вы намерены переменить ее. // Фамилия моя принадлежит не мне одному. Есть люди, которых Ваши заявления немного беспокоят и шокируют, поэтому я прошу Вас снять фамилию с Тани, если это ей так удобней, никогда вообще не касаться моего имени в Ваших соображениях и суждениях. // Пишу я Вам это, потому что увидел: правда, у нас есть какое-то застрявшее звено, которое заставляет нас иногда сталкиваться. Это и есть фамилия» (VI, 162. № 148).

²³² Кодекс Законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве и изданные в развитие его распоряжений. Казань, 1921. С. 10.

Отношение к «красной свадьбе»

Есенин за свою взрослую жизнь (в юридическом аспекте начиная с совершеннолетия) сознательно, а иногда и подсознательно испытывал на себе действие двух, коренным образом отличавшихся друг от друга законов о браке: церковный 1914 г. и гражданский 1918 г. (в 1921 г. переиздавался без изменений; в 1925 г. был вынесен на всенародное обсуждение и в 1927 г. утвержден новый закон). Советская власть в лице юристов при жизни Есенина негласно упразднила высокое назначение бракосочетания – рождение детей, и декларативно разъясняла это новшество во вступительной статье «Первый кодекс законов РСФСР» А. Г. Гойхбарга: «Оно <брачное право> не ставит целью брака рождение детей».²³³ Между тем рождение детей в браке было еще узаконено в Библии (во фразе «Плодитесь и размножьтесь») и неуклонно соблюдалось всеми русскими царями, как это фиксировалось почти во всех летописных статьях о свадьбе: «...чтоб ему, государю, сочетатися законному браку, в наследие роду его царского»²³⁴ (1626).

Есенин получил патриархальное воспитание в христианском духе и не воспринял неоправданных новшеств Советского государства: это видно и по стихотворному пожеланию «Клавдии Александровне Любимовой» (1924) со строками «А через два годы, – // Детей, как ягоды» (IV, 259), и по его собственным поступкам – рождению детей.

При огромном интересе к обрядовой стороне важных жизненных событий Есенин не откликнулся и на введение советских обрядов, которые будто бы должны были вытеснить традиционные, а на деле сами оказались неудачными однодневками. Так, Есенин не устраивал «красной свадьбы» (и не потому, что не состоял в коммунистической партии или молодежном союзе и проводить «комсомольскую свадьбу» не имел морального права; известно участие поэта еще до революции в социал-демократическом рабочем движении во время его работы в Сытинской типографии²³⁵). Вот описание комсомольской свадьбы 1926–1929 гг. в Рязанской губ.: «загремели бубенцы, зазвенели гармошки. “Да здравствует новый быт”, – таков лозунг на повозке новобрачных. Впереди мчались два “буденновца” (красные дружки). Вошли в клуб, секретарь комсомольской ячейки открыл митинг» (с. Пустотино Рязанского у. и губ., 1929) или «Когда молодые приехали с регистрации, то их встретила вся деревня. На этом многолюдном собрании партийцами был сделан доклад о старом и новом браке. После доклада и приветствий молодым преподнесли подарки от кооперации и коллектива водников» (с. Куземкино Касимовского у., 1926).²³⁶

Введенный советской властью и утвердившийся лишь на короткое время идеологически видоизмененный свадебный обряд под названием «красная свадьба» в своих этимологических истоках базировался на понятии праздника как «красного дня» (что потом нашло отражение в графически-цветовом изображении «красных дней календаря»). Исторически возникшие в разные этапы, в XX веке оказались родственными и равно употребительными исконные понятия *Красная Горка*, *красный день* и советское обозначение *красная свадьба*. Есенин говорил Л. М. Клейнбурту: «А верно: прошли мои красные дни».²³⁷

²³³ Гойхбарг А. Г. Первый кодекс законов РСФСР // 1-й кодекс законов РСФСР. Об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. М., 1918. С. 8.

²³⁴ Новиков Н. И. Древняя Российская вивлиофика. Мышкин, 1896. Т. 4. Ч. VII. С. 71.

²³⁵ См. об этом: Прокушев Ю. Л. Юность Есенина. М., 1963; Деев-Хомяков-ский Г. Д. Правда о Есенине // Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. С. 61–62.

²³⁶ Зритель. Красная свадьба // Путь молодежи. Рязань, 7 мая 1929. № 34; Как проходят красные свадьбы // Красный восход. Касимов, 8 марта 1926. № 18; см. также: Воинова. Две свадьбы (Старый и новый быт) // Коллектив. Скопин, 7 апреля 1926. № 27. С. 4.

²³⁷ Клейнборт Л. «В стихах его была Русь...» // Кузнецов В. Тайна гибели Есенина. С. 270.

Многие современники Есенина скептически относились к «скрещиванию» традиционного свадебного обряда с советской новой обрядностью, что было вызвано неустройством «коммунистического быта». Так, Л. Сосновский выступал с критикой: «Мне рассказывали сцену, как со свадьбы приезжают новобрачные и все жильцы этой квартиры, вплоть до мальчика 6 лет, ждут и хотят быть свидетелями совершения брачного таинства».²³⁸ В. М. Фриче подчеркнул, что в речи Л. Сосновского о праздничном событии в пролетарском городе «Орехово-Зуеве или Иваново-Вознесенске» «говорилось о *красной свадьбе*, когда жених и невеста вернулись домой в комнату, где все жившие в этой комнате старики и молодые стали с любопытством ждать, что же будет дальше».²³⁹

Рассуждая о неудачных попытках внедрения новой свадебной обрядности в 1920-е годы, для сравнения заметим, что Есенин смело вводил в свое творчество описания новейших после-революционных праздников (либо исконных для России, но переименованных на советский лад, либо заимствованных из-за рубежа): так, в «Небесном барабанщике» 1918 г. содержится пасхальная тематика – «Сердце – свечка за обедней // Пасхе массы и коммун» (II, 71). О том, как широко отмечались такие новоявленные праздники, имеется ценное свидетельство К. П. Воронцова о конкретной дате – 18 марта 1925: «Приехал я однажды к нему <Есенину> в Москву, как помню, в *день Парижской коммуны* в 1925 году. Так он почти всю Москву обегал, доставая мне гармонику, чтобы я ему сыграл».²⁴⁰

²³⁸ Сосновский Л. Прения // Упадочное настроение среди молодежи. Есенинщина. М., 1927. С. 74.

²³⁹ Фриче В. М. Прения // Там же. С. 101.

²⁴⁰ Архипова Л. А. Есенин сочиняет и поёт частушки // «У меня в душе звенит тальянка...». С. 38–39 (курсив наш. – Е. С.).

«Брачная наследственность»

И все-таки, несмотря на усвоенные с детства высокие жизненные ценности и ориентированное на создание семьи мировоззрение, Есенина преследовали неудачи с женитьбой. Можно констатировать, что в каком-то высшем духовном смысле С. А. Есенин всякий раз, вступая на брачную стезю, наследовал трагичную заданность свадьбы родителей. Племянница поэта Н. В. Есенина (Наседкина) рассказывает о том, как ссора отцов будущих жениха и невесты – Никиты Есенина и Федора Андреевича Титова – на базаре в соседнем селе Кузьминское предшествовала свадьбе: «Встретившись там, выпили и поругались. О чем говорили, я не знаю, но после этой встречи мой прадед сказал, что дочь свою Таню – красавицу, певунью и плясунью, он в эту семью не отдаст.

Свадьба расстроилась.

В это время из Москвы домой приехал (как раньше говорили, да и теперь говорят многие константиновские) жениться. Таня Титова ему давно нравилась, и он послал сватов.

Бабушка выходить за него замуж не хотела. Просила отца отказать сватам. Но отец был строг, решил выдать дочь замуж и дал согласие. После этого разговора бабушку из дому не выпускали, а перед самой свадьбой посадили в подпол и оттуда повели венчаться». ²⁴¹ Н. В. Есенина (Наседкина) считает, что родители поэта не развелись лишь по причине непродуманного законодательства: «Однако тогда был такой закон, что после развода один из супругов не имел права вступать в брак. А оба они желали вступить в брак вторично. Поэтому развода и не было». ²⁴²

Сложности брачной жизни Есениных-старших заключались в неточном соблюдении закона о браке в Российской Империи, согласно которому «супруги обязаны жить вместе. Посему... при переселении, при поступлении на службу, или при иной перемене постоянного жительства мужа, жена должна следовать за ним» (ст. 103; 29 января 1649). ²⁴³ Известно, что супруги надолго разлучались: А. Н. Есенин служил приказчиком у купца Крылова в мясной лавке в Москве, а Т. Ф. Есенина работала в прислугах в Рязани.

Вот второй (изустный) вариант той же свадебной версии, записанной нами со слов Н. В. Есениной (Наседкиной), рассказавшей эту историю на заседании группы по подготовке академического ПСС С. А. Есенина в ИМЛИ РАН 17 октября 2000 г.: «Слышала и от бабушки, и от мамы: у Татьяны Фёдоровны был один только жених из Федякина, ей было 16 лет, и ему столько же. Никаких трёх женихов у бабушки не было. Она была сосватана в Федякино в 17 лет за парня, которого любила. Всё уже договорено: во вторник отцы их пошли в Кузьминское на базар за продуктами для свадьбы. Там напились, поругались, подрались – на этом свадьба закончилась. А тут приехал из Москвы Александр Никитич Есенин жениться и заявил матери: шли сватов». ²⁴⁴ Сведения насчет трех женихов Т. Ф. Титовой (в замужестве Есениной), с которыми не согласна Н. В. Есенина (Наседкина), привел на том же заседании руководитель группы Ю. Л. Прокушев. Он также лично знал Татьяну Федоровну и ее дочерей Екатерину (мать Наталии Васильевны) и Александру, на протяжении нескольких десятилетий постоянно общался с ними. По мнению Ю. Л. Прокушева и филологов группы, большое количество женихов говорит о достоинстве невесты, прославляет ее замечательные личные качества и свидетельствует о чести ее родителей и рода вообще.

²⁴¹ Есенина (Наседкина) Н. В. Немного о родственниках // Журналист. 1998. № 11/12. С. 54.

²⁴² Там же.

²⁴³ Свод законов Российской Империи. Т. X. Ч. 1. С. 29.

²⁴⁴ Записи автора. Тетр. 8. № 169.

О. Л. Аникина, старший научный сотрудник Государственного музея-заповедника С. А. Есенина, провела большую разыскательскую работу по метрическим книгам церкви села Константиново и предлагает свою трактовку сватовства: «В крестьянской среде всегда тщательно подходили к подбору жениха и невесты. Этой традиции следовала и Аграфена Панкратьевна, лучшую девушку села хотела она выбрать в жены своему сыну, но и чувства его она учитывала. Семьи Титовых и Есениных были уже связаны родственными узами: после того как ее племянница Анна Митрофановна Артюшина вышла замуж за Матвея Федоровича Титова, эти связи укрепились. Логично предположить, что Александр и Татьяна встречались на семейных праздниках в доме Матвея Андреевича, знали друг о друге не понаслышке».²⁴⁵ 8 июля 1891 г. в с. Константиново состоялась свадьба, и в церковной книге появилась запись: жених – «села Константинова, крестьянина Никиты Осипова Есенина, ныне умершего, сын Александр. Православного вероисповедания, первым браком, 18 лет»; невеста – «того же села, крестьянина Федора Андреевича Титова дочь Татьяна Федорова. Православного вероисповедания. Первым браком, 16 лет»; поручители – «фейверкер Григорий Осипов Есенин и крестьянин Митрофан Панкратов Артюшин, <оба дяди жениха>, Петр Стефанов Мочалин <брат жены Митрофана Артюшина> и Яков Осипов Есенин <дядя жениха>»; таинство совершили священник Иоанн Смирнов, диакон Трофим Успенский, псаломщик Николай Орлин.²⁴⁶ Заметим, что из рода Титовых в качестве свидетелей перед Богом и людьми никто приглашен не был.

²⁴⁵ Аникина О. Л. Указ. соч. С. 239.

²⁴⁶ Цит. по: Там же.

Намерение жениться на А. А. Сардановской

Ценность свадьбы в индивидуальном мировидении словесного художника, в его поэтической Вселенной, определяется включением даже незамысловатых лексико-синтаксических конструкций в художественную ткань его произведений разных жанров (неважно, в черновые наброски или в законченные сочинения). Так, в лироэпическую струю стихотворения «Мой путь», ставшего в какой-то мере провозвестником поэмы «Анна Снегина» и имевшего предварительное одноименное с ней заглавие, вклинилась в авторизованной машинописи (РГАЛИ) достаточно простая мысль, дорогая потенциальному читателю по-домашнему милой и доверительной интонацией: «На которой я хотел жениться...» (II, 246). Эта строка содержит в себе величайшую положительную оценку героини, которую нет необходимости усиливать, доказывать или мотивировать!

Аналогичная оценочная характеристика, приближающая объект поэтического воспева-ния к идеалу, содержится в неосуществленном намерении лирического героя стихотворения «Мой путь» (1925):

Что я на этой
Лучшей из девчонок,
Достигнув возраста, женюсь (II, 161).

Здесь отражено народное мнение, согласно которому жениться рекомендуется на определенном жизненном этапе – когда человек достигает поры «на возрасте».

Существует научная гипотеза, что виновницей этих строк и вообще пленительного образа “девушки в белом” явилась Анна Сардановская. Е. А. Есенина отразила в своих воспоминаниях такой факт: «Ох, кума, – говорила Марфуша, – у нашей Анюты с Сережей роман. Уж она такая проказница, ведь скрывать ничего не любит. “Пойду, говорит, замуж за Сережку”, и все это у нее так хорошо выходит, потеха!».²⁴⁷ В письме к другу юности Г. А. Панфилову из Москвы до 18 августа 1912 г. Есенин упоминал имя любимой девушки: «Перед моим отъездом недели за две – за три у нас был праздник престольный, к священнику съехалось много гостей на вечер. Был приглашен и я. Там я встретился с Сардановской Анной (которой я посвятил стих<отворение> “Зачем зовешь т. р. м.”)» (VI, 13).

Есенин и Сардановская придумали своеобразный обручальный ритуал (на основе совмещения черточек народного ритуала разрешения спора, условий детской игры и церковного обручения). По сообщению константиновских старожилов, «...однажды летним вечером Анна и Сергей, раскрасневшиеся, держа друг друга за руки, прибежали в дом священника и попросили бывшую монашку разнять их, говоря: “Мы любим друг друга и в будущем даем слово жениться. Разними нас. Пусть, кто первым изменит и женится или выйдет замуж, того второй будет бить хворостом”. Первой нарушила “договор” Анна. Приехав в Москву и узнав об этом, Есенин написал письмо, попросив все ту же монашку передать его Анне, которая после замужества жила в соседнем селе. Та, отдавая письмо, спросила: “Что Сережа пишет?” Анна с грустью в голосе сказала: “Он, матушка, просит тебя взять пук хвороста и бить меня, сколько у тебя сил хватит”».²⁴⁸

²⁴⁷ В родном селе (Из воспоминаний сестер поэта) // На родине Есенина / Сост. Е. А. и А. А. Есенины, Ю. Л. Прокушев. М., 1969. С. 25; С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 38; Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. С. 15; см. также: Чистяков Н. Королева у плетня. Орехово-Зуево, 1996. С. 11.

²⁴⁸ Атюшин И. Г. Рязанский мужик – поэт-лирик Сергей Есенин // ИМЛИ. Ф. 32. Ед. хр. 4. – Цит. по: Чистяков Н. Указ. соч. С. 10–11.

По данным Н. Чистякова, Есенин, «когда в следующем, 1918 году, он узнает о замужестве Анны, то с горечью восклицает: “Теперь любовь моя не та”».²⁴⁹ По воспоминаниям сестер Есенина (особенно старшей Екатерины), через несколько лет после начала любовного романа та хромая Марфуша сообщала матери: «Потеха, кума! Увиделись они, Сережа говорит ей: “Ты что же замуж вышла? А говорила, что не пойдешь, пока я не женюсь”. Умора, целый вечер они трунили друг над другом».²⁵⁰ Ю. Л. Прокушев полагал, что не А. Сардановская (умершая родами в 1921 г.), а именно Есенин первым нарушил свое подростковое обещание жениться: до выхода замуж девушки он успел вступить в незарегистрированный брак с А. Р. Изрядновой в 1914 г. и обвенчаться с З. Н. Райх в 1917 г.²⁵¹

²⁴⁹ Чистяков Н. Указ. соч. С. 13.

²⁵⁰ В родном селе. С. 25.

²⁵¹ См.: Прокушев Ю. Л. Есенин – это Россия. М., 2000. С. 36–61 – гл. 2 «Да, мне нравилась девушка в белом...» (Первая любовь поэта); см. также: Прокушев Ю. Л. Первая любовь Сергея Есенина // Слово. 1998. № 6.

Ирония над браком

Но такое отношение к женитьбе как к важнейшему и отчасти даже сакральному акту в человеческой жизни было осознано Есениным не сразу. В ранних его письмах сквозит страх перед возможной и уготованной всем переменой в личной жизни. Юный Есенин еще не был готов к сочетанию бытовых обязанностей с высоким поэтическим назначением, поэтому он писал М. П. Бальзамовой 9 февраля 1913 г.: «Жениться, забыть все свои порывы, изменить убеждениям и окунуться в пошлые радости семейной жизни» (VI, 30).

Очевидно, Есенин раньше понял необходимость создания семьи применительно к девушке, нежели к мужчине, поэтому он высказывал свадебные пожелания Е. И. Лившиц в письме 8 июня 1920 г.: «Желаю Вам всего-всего хорошего. Вырасти большой, выйти замуж и всего-всего, чего Вы хотите» (VI, 111). (Вспомним также детское пожелание Есенина его матери отдать ее замуж, когда мальчик воспитывался в семье деда и еще не осознавал семейное положение Т. Ф. Есениной, – см. выше воспоминания С. С. Виноградской.)

Еще раз к теме Жениного замужества Есенин возвратился 20 октября 1924 г. в письме к ее сестре М. И. Лившиц: «Как Женя? Вышла ли она замуж? Ведь ей давно пора. Передайте ей, что она завянет, как трава, если не выйдет. При ее сурьезности это необходимо» (VI, 181 № 181).

Выражение «завянет, как трава» заимствовано Есениным из народных песен: в Константинове было известно не менее двух песен с этой фразой. Одна из них – «Снежки белые, пушистые...», в исполнении П. П. Дорожкиной, 1891 г. р., содержит сентенцию, противоположную той, что была адресована Есениным Евгении Лившиц:

Красна девица сидит,
Сама плачет, говорит:
«Кто на свете неженатый,
Тот счастливый человек,
Кто любовью незанятый,
Тот без горя век живет.
Я у батюшки росла,
Как роза белая цвела,
А к тебе, милый мой, попала —
Я завяла, как трава».²⁵²

И во второй песне – «Кругом, кругом осиротела...», в исполнении А. Н. и Е. А. Воробьевых, вспомнивших, что эту песню любил петь дед поэта Ф. А. Титов, звучит то же горькое наизидание о вреде любви:

Во сне мне милый заявился,
На сердце искру заронил.
Сказал: «Гуляй, моя милая,
И не влюбляйся ни в кого,
В твоих летах любить опасно,
И ты завянешь, как трава.
И ты завянешь и засохнешь,

²⁵² Панфилов А. Д. Указ. соч. Ч. 1. С. 175.

Расцвести не сможешь никогда».²⁵³

Следовательно, Есенин, прекрасно знавший символику народных песен, нарочно составил письмо так, чтобы подтекст оказался прямо противоположным открытому содержанию послания. Надеялся ли поэт, что Женя догадается о «закодированном» смысле пожелания, имея в руках два «шифровальных ключа» – диалектную огласовку слова «сурьезность» и песенную цитату «завянет, как трава»?

Как в Константинове родители и вообще старшие в семье подбирали для своих взрослых детей супругов по определенным критериям (домовитость, хозяйственность, рукодельность и т. д.), так и в шутовском пожелании Е. Н. Кизирян в 1925 г. Есенин очертил условия счастливого замужества как результат правильного выбора партнера по браку (становясь на позицию невесты и отталкиваясь от своего неудачного опыта как мужа)

А тебе желаю мужа,
Только не поэта,
С чувством, но без дара,
Просто комиссара (IV, 494).

Н. Д. Вольпин в своих воспоминаниях привела типично крестьянское (или вообще рациональное) суждение Есенина о выборе достойного жениха, высказанное по ее адресу: «Вот и недавно он мне сказал: “Замуж надо выходить за богатого”».²⁵⁴

Сам Есенин, стремясь в последние годы к свадьбе со знаменитостями, все-таки отвергает возможность жениться на представительнице своей профессии. Как сообщала Н. Д. Вольпин: «И, словно прикинув что-то в уме, добавляет: “...Поэт женат на поэтессе. Смешно!” <...> Я поражена неожиданным этим открытием: неужели Есенин применивается к мысли о женитьбе на мне? Чушь! Для брака я слишком неуживчива».²⁵⁵ Очевидно, Есенин полагал, что любовь поэта должна быть особенно возвышенной, куртуазной и впитавшей в себя все этикетные достоинства многовековой культуры человечества, какой ждут от него почитатели его таланта. И он приписывал такую трепетность чувств Н. Д. Вольпин (с аллюзией на легендарную биографию Петрарки и его возлюбленной Лауры): «Вам нужно, чтобы я вас через всю жизнь пронес – как Лауру!»²⁵⁶ В народном музее С. А. Есенина в Ташкенте (Узбекистан) хранится экземпляр книги Н. Д. Вольпин «Хвойный сад» с посвящением Есенину (1922).²⁵⁷

Об особенностях любви к поэту как таковому (не конкретно к своему мужу) С. А. Толстая-Есенина размышляла в том же письме к супругам Волошиным 23 ноября 1925 г. – в унисон со стихотворным пожеланием Есенина: «Маруся, дайте Вашу руку, пожмите мою и согласимся в одном – поэты как мужья – никудышные, а любить их можно до ужаса, а нянчиться с ними чудесно, и сами они чудесные».²⁵⁸

²⁵³ Там же. Ч. 1. С. 278.

²⁵⁴ Вольпин Н. Д. Указ. соч. С. 308.

²⁵⁵ Там же. С. 280.

²⁵⁶ Там же.

²⁵⁷ См.: Обидёнкин Н. В. По залам музеев С. А. Есенина. С. 44.

²⁵⁸ Субботин С. И. Указ. соч. С. 13.

Свадьба как «вечная тема»

Тема свадьбы в разных ее проявлениях в творчестве и жизни Есенина необъятна. Она пронизывает весь «житетекст» поэта как единый стержень, с одной стороны, и образует многомерную систему брачных символов и мотивов, с другой стороны; распределяется на множество тончайших обрядовых нюансов и намеков, штрихов и полутонов богатейшего свадебного празднества. Свадебная тематика формирует мифологическую канву личности, во многом определяет новые личины поэта и его персонажей – верных alter ego автора. Поэтическая семантика свадьбы вовлекает фигуры самого Есенина и его лирического героя сначала в общий ряд сельских и городских женихов, а позднее с высоты «посвященного» (с помощью совершенного свадебного обряда) женатого мужчины заставляет внять житейской мудрости свадебщиков, из века в век неуклонно соблюдающих строгую последовательность свадьбы. В первую очередь – традиционной свадьбы с ее изысканными торжественными песнопениями и горестными причитаниями, с поучительными приговорками дружки и забавами поезжан, а также новоявленного ритуала бракосочетания с его формальными юридическими установлениями.

Глава 2. Символика кольца и свадебная тематика у Есенина и в фольклоре Рязанщины

Кольцо в свете собственной женитьбы

Кроме косвенных источников наших сведений об особенностях проведения свадьбы Есенина, коими являются письменные приглашения, наброски в деловых бумагах и воспоминания современников, узколичностная тематика собственной женитьбы у поэта естественно отражена в его художественном творчестве. Так, в стихотворении «Видно, так заведено навеки...» (1925) запечатлен реальный случай, произошедший с поэтом незадолго до последней его свадьбы. А. А. Есенина вспоминала: «Кольцо, о котором говорится в этом стихотворении, действительно Сергею на счастье вынул попугай незадолго до женитьбы на Софье Андреевне. Шутя, Сергей подарил это кольцо ей. Это было простое, медное кольцо очень большого размера».²⁵⁹ С. А. Толстая-Есенина сделала приписку к своей дневниковой записи под 21 июня 1925 г.: «Попугай с кольцом» (VII (3), 263).²⁶⁰

Эту же историю с кольцом, расцененным Есениным как обручальное, сообщает С. С. Виноградская:

Грустно было, а мне навстречу так же грустно шарманка запела. А шарманку цыганка вертит. И попугай на шарманке. Подошел я, погадал, а попугай мне кольцо вытащил. Я и подумал: раз кольцо вытащил, значит, жениться надо. И пошел я, отдал кольцо и женился.

Есенин замолчал и потом с какой-то таинственностью в голосе добавил:
– А кольцо-то ведь почернело! Понимаете, почернело!.²⁶¹

Это была одна из свадебных примет в жизни Есенина, имеющая протяженность во времени и различие в эмоциональном наполнении (от радостного до трагического) на всем отрезке своего мистического воздействия на поэта. Как и Пушкин, Есенин верил в свадебные приметы.

С. С. Виноградская уточняет, что реальная обрядовая ситуация (причем двойной ритуальной природы – свадебной и гадательной на свадьбу) была принята поэтом за основу для творчества и воплощена в поэзии: «...а история с кольцом, попугаем через неделю была вос-

²⁵⁹ С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Вступит. ст., сост. и коммент. А. А. Козловского. М., 1986. Т. 1. С. 118.

²⁶⁰ Из настольного календаря С. А. Толстой-Есениной // Наше наследие. 1995. № 34. С. 61–62.

²⁶¹ Виноградская С. С. Как жил Есенин // Как жил Есенин: Мемуарная проза / Сост. А. Л. Казаков. Челябинск, 1991. С. 14.

произведена Есениным в виде следующего стихотворения: «Видно, так заведено навеки...»²⁶² С. А. Толстая-Есенина в «Комментарии» к произведению «Видно, так заведено навеки...» также отмечала: «В стихотворении отразился действительный случай, бывший с Есениным, – попугай у цыганки-гадалки вынул ему обручальное кольцо».²⁶³

С. С. Виноградская возводит пример с кольцом в характерный для творческого метода Есенина, рассматривает его как типический прием сочинительства: «У него действительно были... и кольцо, что вытащил попугай, и много других вещей, упоминаемых им в стихах. Вещи эти не то, что лежали у него так, для декорации (у него вообще ничего декоративного не было), они служили ему в жизни».²⁶⁴

Очевидно, в сознании поэта было подспудно заложено представление об обручальном кольце как символическом выразителе счастливого брака, а не просто как неперемennого венчального атрибута. Может быть, отсюда берутся истоки его 22-го стиха из чернового автографа «Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...» (ИРЛИ), причем вся поэтическая строка составляет выражение «Перстень счастья» (IV, 321) – важнейший символ. Будучи введенным в основной текст, этот образ получил дальнейшее развитие в составе строки: «Перстень счастья ищущий во мгле» (IV, 242). Попутно заметим, что желание Есенина получить от попугая что-то пророческое о его судьбе могло быть навеяно воспоминаниями периода его учебы в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе и аналогией с тогдашней ситуацией. Как вспоминал М. Н. Молчанов, учившийся двумя классами младше Есенина: «Помню, в Клепиках ярмарки тогда были. Ставили на площади карусели: на них деревянные лоси, сани... Условия для отдыха были прекрасные: “счастье” за 5 копеек можно было получать (бумажки попугай доставал)».²⁶⁵

²⁶² Там же.

²⁶³ Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников / Под ред. Н. И. Шубниковой-Гусевой. М., 1995. С. 442. Комментарий хранится в ГЛМ в Москве.

²⁶⁴ Виноградская С. С. Указ. соч. С. 13.

²⁶⁵ Цит. по: Чистяков Н. Королева у плетня. Орехово-Зуево, 1996. С. 83.

Святочные гадания по кольцу

В родном Есенину селе Константиново девушки гадали о женихах при помощи кольца: «Гадали. Вот под Новый год. Счас уж это всё. Тогда гадали, брали стакан, туда золы насыпать и это, кольцо туда. И вот смотрели»²⁶⁶ (должен был показаться будущий избранник). Или вот повторное, более точное сообщение той же исполнительницы В. А. Дорожкиной, об этом же способе гадания с конкретизацией того, что кольцо должно быть венчальным:

Вот возьмут зóлу – бумажку постелить, на бумажку зóлу, а на эту на зóлу стакан с водой. И туда опускают кольцо венчальное только. И в этой в кольце там чегой-то бывает.²⁶⁷

Гадание расценивалось как использование предсказания о будущей судьбе и потому дело богопротивное (с христианской точки зрения), опасное – как любая попытка проникнуть в потусторонний мир. Поэтому гадающих девушек (особенно неосторожно гадающих и не соблюдающих условия вхождения в иной мир) могло постигнуть возмездие – вот как об этом рассказывает жительница Константинова:

Вот гадали девки молодые на этом: в стаканé. Но говорят, очень страшно – в стаканé. Вроде он выходить, жених, успевай только <закончить гадание>, а то вот это место <по щеке> ударит как – останется на всю жизнь синее. Я не гадала, дочка.²⁶⁸

Заметим, что вынудое попугаем кольцо также не принесло по-настоящему большого счастья Есенину, хотя он подарил его своей невесте С. А. Толстой и та носила его в качестве обручального.

²⁶⁶ Записи автора. Тетр. 8. № 223 – Дорожкина Валентина Алексеевна, 1913 г. р., с. Константиново Рыбновского р-на Рязанской обл., 11.09.2000.

²⁶⁷ Записи автора. Тетр. 8. № 231 – Дорожкина В. А., 1913 г. р., с. Константиново, 11.09.2000. См. также: Тетр. 8а. № 449 – Воробьева Мария Дмитриевна (1925–2005), с подсазки сестры Раисы Дмитриевны, с. Константиново, 12.09.2000.

²⁶⁸ Записи автора. Тетр. 8. № 251 – Рыбкина Надежда Дмитриевна, 1915 г. р., с. Константиново, 11.09.2000.

Обручение в православии

В христианском таинстве брака перстень являлся главным атрибутом ритуала обручения, как венец был символом венчания (при первоначальном раздельном проведении церковного свадебного обряда). Такая церковная практика засвидетельствована в описании двух Посольств к великому князю Ивану Васильевичу III от великого князя Александра Казимировича из Полоцка с челобитьем о женитьбе на дочери московского князя Елене с 1492 по 1494 гг. В Москве 6 февраля 1494 г. состоялось обручение (заочное для литовского князя):

И князь велик, сед с великою княгиней, и княжна тут же, да и бояре, и послали по них, да и обручанье тут было, молитву священники молвили, кресты с чепми и перстни меняли; и в великого князя Александра место обручал пан Станислав Янович, староста жемоньтский. <...> Да обручав, к себе поехали.²⁶⁹

Обручение перстнями отражено в летописных фиксациях великокняжеских свадеб: в 1548 г. при бракосочетании Юрия Васильевича митрополит «взял у них перстни золоты, да положил на Евангелие, да говорил молитву и обручал их перстнями»; в 1554 г. на свадьбе казанского царя и Марьи Андреевны Кутузовой-Клестиной «И владыко крутицкой Савва взял царя Симиона за руку и поставил его на место против царских дверей: да взял княгиню за руку и поставил с царем поряду, да поймав у них перстни, да положил на Евангелие, да говорил молитву, да обручал и венчал их...»; в 1573 г. при женитьбе иноземного короля Арцымагнуса на Марье Андреевне Володимировой – «а обручать и переменять перстни на место, у короля попу римскому, а княжну попу дмитровскому...»²⁷⁰

К тому времени, когда венчались родители Есенина и затем он сам, давно уже была введена и юридически узаконена практика соединения чинов обручения и венчания в единый церковный обряд. Священникам и всем интересующимся разъяснялось: «Первая часть брачного священнодействия называется обручением, потому что в это время полагаются обручи – кольца на руки бракосочетающихся; вторая часть священнодействия брака именуется венчанием, потому что на бракосочетающихся полагаются венцы».²⁷¹ В «Своде законов гражданских» 1914 г., вобравшем в себя все предшествующие нормативы, утверждалось: «Законный брак между частными лицами совершается в церкви, в личном присутствии сочетающихся, во дни и время, для сего положенные, при *двух* или *трех* свидетелях, совокупно с обручением, и во всем сообразно правилам и обрядам Православной Церкви» (ст. 31, курсив документа; 25 января 1721 г.).²⁷²

Разница в символической атрибутике была обусловлена смысловым наполнением обрядов: «В обручении утверждается пред Богом глаголанное у брачующихся слово, и в залог сего им даются перстни; в венчании благословляется союз брачующихся и испрашивается благодать Божия на них».²⁷³

Символ кольца (и перстня, как его обручальной разновидности), безусловно, восходит к свадебной атрибутике, занимает одно из ведущих мест в церковном обряде обручения. Священник заносил золотой и серебряный перстни жениха и невесты в алтарь, затем клал их рядом

²⁶⁹ Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1892. Т. 35. С. 124.

²⁷⁰ Новиков Н. И. Древняя Российская вивлиофика. Мышкин, 1896. Т. 4. Ч. VII. С. 24, 40, 58.

²⁷¹ Цит. по: Никольский К. Пособие к изучению устава богослужения православной церкви. 2-е изд. СПб., 1865. С. 675. Сн. 1.

²⁷² Свод законов Российской Империи. Т. X. Ч. 1. Свод законов гражданских. Пг., 1914. С. 13.

²⁷³ Цит. по: Никольский К. Указ. соч. С. 675.

«в знак того, что союз обручаемых скрепляется десницею Всевышнего»,²⁷⁴ потом, «взяв сперва золотой перстень, произносит трижды: “Обручается раб Божий такой-то рабе Божией такой-то” и т. д., и при каждом произнесении творит крест на главе его, и полагает перстень на пальце правой руки, обыкновенно на четвертом пальце»²⁷⁵ (аналогично с перстнем невесты).

Символика перстня издревле понималась как ‘печать, утверждение’: «печатлеется и утверждается полная взаимная доверенность лиц обручающихся». ²⁷⁶ Разница в металле и цвете перстня происходила «для означения преимущества мужа пред женою и долга повиновения жены мужу»;²⁷⁷ «золотой перстень, даваемый мужу, превосходам металла изображает его первенство в брачном союзе». ²⁷⁸ Но после трехкратной перемены перстень жениха оставался у невесты в залог ее согласия с мужем во всех его делах;²⁷⁹ «жених, в знак любви своей и готовности преимуществом сил своих вспомоществовать немощи слабейшего члена, отдает свой золотой перстень невесте, а сия, в знак своей преданности мужу и готовности принимать помощь от него, свой серебряный перстень взаимно отдает жениху». ²⁸⁰ Переменялись же перстни восприемниками во свидетельство полученного согласия родителей на брак их детей. ²⁸¹

²⁷⁴ Там же. С. 677.

²⁷⁵ Там же. С. 678.

²⁷⁶ Там же. С. 678. Сн. 1.

²⁷⁷ Там же. С. 678. Сн. 3.

²⁷⁸ Краткое учение о богослужении православной церкви, составленное протоиереем, магистром Александром Рудаковым. М., 1991. (Перепечатка с изд.: СПб., 1900.) С. 108.

²⁷⁹ См.: *Никольский К.* Указ. соч. С. 678.

²⁸⁰ Краткое учение о богослужении православной церкви. С. 108.

²⁸¹ См.: *Никольский К.* Указ. соч. С. 678.

Мифологическая символика кольца

Ученые-мифологи 2-й половины XIX века, проводя параллель от земного, человеческого брака к супружеству небесному, божественному, объясняли символику кольца (в плане его металлического блеска) возведением к солярно-лунарному мифу. Н. Ф. Сумцов, последователь мифологического учения любимого поэтом А. Н. Афанасьева, в своем труде «О свадебных обрядах, преимущественно русских» (1881) писал: «Свадебное кольцо – символ солнца, брачного соединения солнца с месяцем или землей и, наконец, символ человеческого брака».²⁸²

Широко известна символика серебра и женского начала как лунного, а золота и мужского – как солнечного, отчасти объясняющая различие в металле и цвете обручальных колец. Эту лунарно-солярную мифологическую концепцию отразил Есенин в «Ключах Марии» (1918), но без разложения ее на мужское и женское слагаемые: «Туловище человека не напрасно разделяется на два световых круга, где верхняя часть от пупа подлежит солнечному влиянию, а нижняя – лунному. Здесь в мудрый узел завязан ответ значению тяготения человека к пространству, здесь скрываются знаки нашего послания, прочитав грамоту которых, мы разгадаем, что в нас пока колесо нашего мозга движет луна, что мы мыслим в ее пространстве и что в пространство солнца мы начинаем только просовываться» (V, 209). Есенин представил лунарно-солярный миф как трансформацию язычества в христианство:

...только фактом восхода на крест Христос окончательно просунулся в пространство от луны до солнца, только через Голгофу он мог оставить следы на ладонях Елеона (луны), уходя вознесением ко отцу (то есть солнечному пространству) (V, 209, 210).

Поэт произвольно толковал символику Елеона как луны, хотя название этой горы в народной этимологии связывается со священным маслом, елеем и в бытующей на Рязанщине свадебной песне «Уж вы девушки-подружки мои...» Елеонская гора имеет синоним – Масличная, Маслинская: «Да укатайте, э, гору масилинскую»²⁸³ (хотя по другим вариантам, речь идет о просто скользкой горе, политой маслом или ключевой водой; возможно, подобной горке для ритуального и развлекательного катания на Масленицу). О Масличной, или Елеонской, горе сообщается в «Полном церковно-славянском словаре» протоиерея Г. Дьяченко²⁸⁴ как об удаленной от Иерусалима к востоку на 5 стадий или 1000 шагов горе, на которой Господь предрек кончину мира, Иерусалима и храма и откуда вознесся на небо.

Е. Чернова в воспоминаниях, носящих мифический характер, привела есенинскую трактовку «белого кольца» как «лунного браслета»: «Не найдя клочка бумаги, чтобы записать стихотворение на память, он сжал кисть моей руки – так, что вокруг запястья проступило белое кольцо: “Вот лунный браслет, который вы никогда не сможете снять со своей руки”».²⁸⁵

²⁸² Сумцов Н. Ф. О свадебных обрядах, преимущественно русских. М., 1996. С. 67–68.

²⁸³ Цит. по: Самоделова Е. А. Рязанская свадьба: Исследование обрядового фольклора / Рязанский этнографический вестник. 1993. С. 216, 231. Сн. 23.

²⁸⁴ Дьяченко Г., протоиерей. Полный церковно славянский словарь. М., 1993 (Репринт 1900). С. 172, 1043.

²⁸⁵ Цит. по: Карохин Л. Сергей Есенин в Царском Селе. СПб., 2000. С. 92.

Литературная символика кольца

Народно-обрядовая символика обручального кольца в жизни Есенина сознательно преломилась о литературную его образность. Т. С. Есенина, дочь поэта и З. Н. Райх, вспоминала: «Первые ссоры были навеяны поэзией. Однажды они выбросили в темное окно обручальные кольца (Блок – “Я бросил в ночь заветное кольцо”) и тут же помчались их искать».²⁸⁶ Так даже семейные неурядицы получали поэтическую окрашенность, развивались по Блоковскому сценарию (у того он был жизненным), с аллюзией на заведомо литературные ситуации, но с самостоятельной концовкой.

Из письма О. К. Толстой, матери последней жены поэта Софьи, адресованном Р. А. Кузнецовой 11 января 1926 г., известно намерение Есенина соблюсти давний обычай: «он все хотел заказать обручальные кольца и подарить ей часы, да так и не собрался...».²⁸⁷ В. И. Эрлих уточнял: «Июнь 25 года. <...> Днем мы ходили покупать обручальные кольца, но почему-то купили полотно на сорочки. <...> (Софья Андреевна Толстая – его невеста.)».²⁸⁸

²⁸⁶ С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 266. То же: Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. С. 446.

²⁸⁷ Цит. по: *Сторожакова Л.* Мой роман с друзьями Есенина. Симферополь, 1998. С. 70.

²⁸⁸ Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. С. 419.

Народные необрядовые песни и частушки о кольце

Само кольцо играет важную этикетную роль в народном свадебном обряде; символика кольца очень распространена в свадебных песнях, а также в необрядовых любовных и семейных песнях с брачными мотивами. Например, в Константинове бытовала необрядовая песня литературного происхождения неизвестного автора прямо под таким названием – «Колечко» со стихами:

Потеряла я колечко,
Потеряла я любовь,
А по этому колечку
Буду плакать день и ночь.²⁸⁹

О песне «Колечко» на сегодняшний день известно, что ранний текст варианта помещен на лубке 1893 г.; сюжет послужил источником для одноименного стихотворения М. И. Ожегова (1860–1931), опубликованного в «Песеннике “Колечко”» (М., 1896, с. 20).²⁹⁰ Имеется также не подкрепленное отсылкой к первоисточнику мнение фольклориста Ю. М. Соколова:

«Чудный месяц» и «Колечко» были написаны Ожеговым в 1884 г. Музыка для слов была составлена пользовавшимся большой известностью в московской купеческой и мещанской среде композитором Сурминым, сыном хозяина одного из трактиров на Трубной площади.²⁹¹

В Константинове бытуют и такие необрядовые песни, в которых, наоборот, обручальный перстень становится безмолвным свидетелем гибели человека, которому он подарен не по узаконенному церковному обряду венчания, а минуя его и вместо него. Однако именно ложная заместительная функция обручения в лесу привела героиню к трагедии в песне литературного происхождения неизвестного автора «За грибами в лес девицы...», в которой имеются строфы об обручальном перстне:

Парень с клятвой роковой
С руки перстень снял,
Пояс шелковый и перстень —
Все он ей отдал.
<...>
Золотой перстень с камнями
На руке блеснул,
Пояс, другом подаренный,
Шею перетянул.²⁹²

В других районах Рязанской обл. продолжают бытовать разнообразные необрядовые песни с символикой обручального перстня. Самые широко распространенные сюжеты таких песен могли быть известны Есенину. Например, песня «Кого нету, того очень жаль-жаль»

²⁸⁹ Панфилов А. Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. М., 1992. Ч. 1. С. 243.

²⁹⁰ См.: Бюллетени Государственного литературного музея. № 4. Лубок. Ч. 1. Русская песня / Сост. и коммент. С. А. Клепикова. М., 1939. С. 118; см. также: Фольклорные сокровища Московской земли: В 5 т. М., 1998. Т. 2. Традиционные необрядовые песни / Коммент. Е. А. Самоделовой. С. 407.

²⁹¹ Русский фольклор. М., 1932. Вып. IV. С. 56.

²⁹² Панфилов А. Д. Указ. соч. Ч. 1. С. 245.

с магическим мотивом вызывания образа любимого: «На прощанье мне милый // Оставил мне подарок – // Перстень новый золотой. <...> День на рученьке // Я кольцо носила, // На ночь в голову клала. <...> Чтобы видела дружка во сне»,²⁹³ однако покинувший девушку дружок не приснился ей (ср. вариант «Кого нету, того жалко...»²⁹⁴).

Уроженцы с. Константиново утверждают, что при жизни Есенина церковный обычай обмена обручальными перстнями варьировался в плане символики цвета и металла колец: «Бедные покупали медные кольца. Те, кто побогаче, – серебряные. Золотых колец деревенские не знали».²⁹⁵ Широко известна на Рязанщине народная песня позднего литературного происхождения «Зачем ты, безумная, губишь...» с описанием личностного трагического восприятия невестой обручального обряда при церковном бракосочетании с нелюбимым человеком:

Я видел, как бледный румянец
Покрывл молодое лицо,
Когда же священник на палец
Надел золотое кольцо.²⁹⁶

В «страдании» с. Константиново, записанном Есениным, речь идет о колечке с гравировкой имени возлюбленного, которое осознается как обручальное, хотя речи о свадьбе нет. Именно наличие гравировки (на обручальном кольце обычно гравировалась дата свадьбы) приравнивает колечко к обручальному:

Ах, колечко
Мое сине.
На колечке
Твое имя (VII (1), 328 – 1918).

Подобные «страдания» записали сестры поэта – Екатерина и Александра Есенины – и опубликовали в сборнике «Частушки родины Есенина – села Константинова» (1927). Причем первое из нашей выборки почти дословно совпадает с зафиксированным Есениным:

Ой, колечко мое сине,
На колечке его имя.

Ой, колечко, мое злато,
Мне миленька жальчей брата.

За рекою, за речкою
Поменялись колечками.²⁹⁷

²⁹³ Записи автора. Тетр. 6. № 149 – Година Анна Федоровна, 1913 г. р., с. Чулково-Лихарево Скопинского р-на, 08.07.1989.

²⁹⁴ Записи автора. Тетр. 6. № 155 – Корнеев Михаил Васильевич, 1921 г. р., с. Секирино Скопинского р-на, 05.07.1989.

²⁹⁵ Панфилов А. Д. Указ. соч. Ч. 2. С. 230.

²⁹⁶ Записи автора. Тетр. 6. № 141 – Бедгер Валентина Ивановна, 1923 г. р., с. Чулково-Лихарево Скопинского р-на Рязанской обл., 08.07.1989.

²⁹⁷ Частушки родины Есенина – села Константинова / Собрали Е. и А. Есенины; Предисл. Н. Смирнова. М., 1927 // «У меня в душе звенит тальянка...»: Частушки родины Есенина – села Константинова и его окрестностей: Фольклорное исследование Лидии Архиповой, главного хранителя Государственного музея-заповедника С. А. Есенина. Челябинск, 2002. С. 92, 91, 93 (курсив наш. – Е. С.).

Сестры Есенина тогда же зафиксировали и обнародовали целый ряд частушечных произведений о кольце (в том числе об обручальном). Среди них:

Ой, колечко мое,
Золотая проба,
Если хочешь ты любить,
То люби до гроба.

Милый пишет письмецо:
– Ты носи мое кольцо.
А я ему напишу:
– Распаялось, не ношу.²⁹⁸

В фондах Государственного музея-заповедника С. А. Есенина бережно хранятся частушки, собранные А. А. Есениной в 1970-е гг. в с. Константиново; среди них есть текст об обручальном кольце:

Ты не думай, я не дура,
Я не выйду на крыльцо,
Не подам я праву руку,
На которой есть кольцо.²⁹⁹

Главный хранитель музея Л. А. Архипова (1953–2003) в конце XX – начале XXI вв. также записала ряд подобных частушек, причем с одинаковым зачином:

На столе лежит кольцо,
Меня не сватает никто.
Выйду в поле, закричу:
«Караул! Замуж хочу!»

На столе лежит кольцо
С золотою пробою.
Хотя замуж не берут,
Все равно попробую.³⁰⁰

Многообразие текстов разных частушечных разновидностей («страданий» и собственно частушек) о кольце, бытующих на протяжении столетия в Константинове, свидетельствует о неизменной актуальности этого свадебного атрибута и его большой емкости символичности.

²⁹⁸ Там же. С. 101, 120.

²⁹⁹ Частушки, собранные А. А. Есениной // «У меня в душе звенит тальянка...» С. 83, ср. также с. 123.

³⁰⁰ «У меня в душе звенит тальянка...» С. 217, 221 (курсив наш. – Е. С.).

Развитие свадебной символичности кольца

Слово «кольцо» употреблялось Есениным и в переносном смысле, однако порожденном символикой обручального кольца. В одном из самых ранних стихотворений «Выткаться на озере алый свет зари» (1910) уже имелось необычное словосочетание «кольцо дорог», которое восходило к свадебной атрибутике (подкрепленной угадываемым образом невесты, традиционно находящейся на перепутье и покрытой «шелком фаты»): «Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог» (I, 28).

Далее в 1914 г. (1914–1922 гг.) появляется совсем уж отдаленный от свадебной тематики и напрямую не связанной с символикой обручения новобрачных кольцами художественный образ «Глядя за кольца лычных прясел» в стихотворении «Пойду в скуфье смиренным иноком...» (I, 40). И все-таки в «кольцах лычных прясел» угадывается брачная обрученность супругов друг другу во всей совокупности семейств, объединенных в общий род, поселившихся в пределах единого селения. И герой, выросший и возмужавший в привычных рамках добропорядочной крестьянской супружеской семьи, выбирает для себя иной путь – путь преодоления семейственности и родственности, путь отказа от брачных уз.

Та же идея объединения посредством кольца уже в поэтическую семью, состоящую из представителей разных поколений – живых и отошедших, воплощена в строках «За мной незримым роем // Идет кольцо других» (I, 110 – «О Русь, взмахни крылами...», 1917).

В стихотворении «Белая свитка и алый кушак...» (1915) сюжетная линия несостоявшейся свадьбы представлена высказыванием лирической героини об отсутствии трех народных символов из свадебных песен и обряда – сердечной привязанности к жениху, обручального кольца и дарения гребня невесте:

«Что же, красив ты, да сердцу не люб.
Кольца кудрей твоих ветрами жжет,
Гребень мой вострый другой бережет» (IV, 112).

Образ «кольца кудрей» восходит к словам свадебной песни, распространенной на Рязанщине и имеющей, например, такие строки:

На ком, на ком кудри русые,
Кудри русые по плечам лежат,
По плечам лежат, словно жар горят.
Никто-никто к кудрям не приступится.
Приступалася молода жена,
Молода жена свет-Марьюшка.
Подняла кудри на белы руки,
На белы руки, на златы перстня... и т. д.³⁰¹

Есенинский образ «кольца кудрей» по другим рязанским вариантам свадебной песни представлен как «кудри русые в три ряда лежат». Особенно показателен вариант песни «Под горку шла, тяжело несла» из д. Ветчаны Клепиковского р-на (известно, что Есенин учился в школе в с. Спас-Клепики) со словами:

³⁰¹ Записи автора. Тетр. I. № 41 – Трушечкина М. И., 1907–1982, родом из с. Б. Озерки Сараевского р-на Рязанской обл., г. Москва, октябрь 1981 г.

У Иванушкѣ на головушке
Вьются кудрюшки <...>
Совились-совились, совивались.
Они в три плетня заплетались,
По плечам лежат,
Словно жар горят.³⁰²

Затем свадебные истоки угадываются и в выражении «роковое кольцо» из поэмы «Анна Снегина» (ср. приведенные выше строки «Парень с клятвой роковой // С руки перстень снял»):

Теперь я отчетливо помню
Тех дней роковое кольцо (III, 176).

Образ кольца или перстня оказывается сюжетообразующим в ряде народных сказок, причем вторичная во многих случаях семантика этого атрибута, тем не менее, восходит к свадебному обручению кольцами. Обладание кольцом как волшебным предметом помогает его владельцу выходить победителем из сложных ситуаций и, в том числе, успешно разрешать брачные задачи. Таковы сюжеты «Волшебное кольцо» (СУС³⁰³ 560: герой выручает из беды собаку, кошку и змею; с помощью подаренного змеей кольца или снятого с руки спящей красавицы выполняет сложные задачи царя и женится на царевне; та похищает кольцо и сама исчезает, заточив мужа в темницу; собака и кошка возвращают кольцо); «Чертов перстень» (СУС – 560*: юноша-бедняк помогает черту и получает в награду кольцо, с помощью которого исполняет трудные задачи и женится на дочери царя или дьячка). Кольцо как свадебный знак привлекает внимание лиц противоположного пола к его обладателю, а утраченное кольцо лишает сказочного персонажа его былой защищенности – см. сюжет «Русалки» (СУС – 316**: снимают у спящего юноши с руки кольцо и уносят героя на дно реки к старому черту, от которого он бежит). Поразительно, но перстень заступается за своего истинного владельца даже после его насильственной смерти – см. сюжет «Отрубленный у умершей палец с перстнем» (СУС – 366А*: женщина отрубает палец и варит его, чтобы снять перстень; покойница трижды является к ней ночью, а похитительница спасается или погибает).

³⁰² Записи автора. Тетр. 1. № 352 – Милехова Анна Егоровна, 65 лет, родом из д. Ветчаны Клепиковского р-на Рязанской обл., зап. М. Д. Максимовой и нами в с. Спас-Клепики в августе 1987 г.

³⁰³ Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979 (в тексте статьи – СУС).

«Обручальная овца»

В «Кобыльях кораблях» (в сб. «Харчевня зорь», 1920) Есенин использовал свадебный мотив: «Славься тот, кто наденет перстень // Обручальный овце на хвост» (II, 226). По воспоминаниям Н. Д. Вольпин,³⁰⁴ один из вариантов этих строк не был столь явно свадебным: «Злой октябрь осыпает перстни // С коричневых рук берез» (II, 79).

Н. Д. Вольпин сообщила историю авторской правки первоначального варианта этих строк:

Смотрим вместе правку в третьей главке. Здесь ведь тоже, говорю я, сдвиг: для глаза «обручальный», а на слух вроде бы «обручальная овца». Но дело скорее в другом: уже поженили поэта с овцой, к чему теперь поминать обручение? Новым вариантом устранен не только сдвиг – устранена тавтология.³⁰⁵

А. Б. Мариенгоф в «Романе без вранья» (1927) также объяснял, что правка здесь вызвана не смысловым, а чисто формальным соображением: потребовалось устранить именно эту «обручальную овцу»:

Первоначально было: «Славься тот, кто оденет перстень // Обручальный овце на хвост». // Так еще печатали в «Харчевне зорь». // Есенин очень боялся «зыбкости» в построении фразы. Слово «обручальный» размер загнал не в ту строку. Оно «плавало», темня смысл и требуя переделки.³⁰⁶

Еще одно упоминание овцы в свадебном контексте также встречается в «Кобыльях кораблях», где самому себе Есенин советовал: «Если хочешь, поэт, жениться, // Так женись на овце в хлеву» (II, 79). Возник определенный художественный мотив, увязывающий овцу и свадьбу в единый архетип, уходящий глубинными истоками в этнофольклорную ритуальность (вспомним «поиски ярки» на 2-й день свадьбы в с. Константиново – см. ниже).

И. И. Старцев обрисовал последствия появления есенинских строк про «обручальную овцу»:

В эту зиму ему на именины был подарен плакатный рисунок (художника не помню) – нарисован сельский пейзаж. На рисунке была изображена церковная колокольня со вьющимися над ней стрижами, проселочная дорога и трактир с надписью «Стойло». По дороге из церкви в «Стойло» шел Есенин, украшенный цилиндром, под руку с овцой. «Картинка» много радовала Есенина. Показывая ее, он говорил: «Смотри вот, дурной, с овцой нарисовали!»³⁰⁷

П. В. Орешин в стихотворении «Пегасу на Тверской» (1922) иронизировал над есенинскими строками о надевании обручального перстня на овцу и о женитьбе на ней: «Ну, скажите, кого вы любите, // Если женой вам овца?»³⁰⁸ Аналогичная картина изображена С. Д. Спасским:

³⁰⁴ См.: Как жил Есенин: Мемуарная проза / Сост. А. Л. Казаков. Челябинск, 1991. С. 243.

³⁰⁵ Вольпин Н. Д. Свидание с другом // Как жил Есенин: Мемуарная проза. С. 244.

³⁰⁶ Мариенгоф А. Б. Роман без вранья // Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990. С. 329.

³⁰⁷ Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. С. 270.

³⁰⁸ Цит. по: Баранов В. С. Сергей Есенин: Биографическая хроника в воспоминаниях, фотографиях, письмах. М., 2003. С. 131.

На стене над кроватью цветной рисунок: Есенин во фраке и цилиндре с огромным цветком в петлице стоит под руку с козой, одетой в белое венчалное платье, – на ее голове подвенечная вуаль, в лапах пышный свадебный букет. Шутка, навеянная строчками одного из есенинских стихотворений...³⁰⁹

Индивидуально есенинское сочетание образов обручального перстня и овцы сопоставимо со свадебным ритуалом 2-го дня, как он проводился в Константинове, причем под ярочкой метафорически понималась новобрачная: «Свадьба – на второй день идти гулять к невесте, ну, искать: ярку потеряли или там барана потеряли. Но ведь придуть в дом, найдуть и всё».³¹⁰

³⁰⁹ О Есенине: Стихи и проза писателей-современников поэта / Сост. С. П. Кошечкин. М., 1990. С. 232.

³¹⁰ Записи автора. Тетр. 8. № 275 – Рыбкина Н. Д., 1915 г. р., с. Константиново, 11.09.2000.

Курьезы с обручальной символикой кольца

О символике кольца, как его понимает народ, сообщает Настенька (прислужница отца есенинского друга) в письме к А. Б. Мариенгофу в связи с его женитьбой на А. Б. Никритиной: «Родной Анатолий Борисович, – писала она, – любовь – это кольцо, а у кольца нет конца... Чего и Вам желаю с Вашей любезной супругой Анной Борисовной».³¹¹

По свидетельству А. Б. Мариенгофа, с Есениным однажды произошел забавный случай, весь комизм которого обусловлен тем непомерно серьезным и однозначным отношением поэта к кольцу и его обручальной символике:

Есенин уехал с Почем-Солью в Бухару. <...> Лева <инженер в красной фуражке с козырьком> потихоньку от Почем-Соли сообщает, что в Бухаре золотые десятирублевки дороже в три раза.

Есенин дает ему денег:

– Купи мне.

На другой день вместо десятирублевок Лева приносит кучу обручальных колец. Начинаем хохотать.

Кольца все несуразные, огромные – хоть салфетку продавай. Лева резонно успокаивает:

– Не жениться же ты, Сегежа, собигаешься, а пгодавать...³¹²

Возможно, особое кольцо, отражающее западноевропейскую и американскую свадебную традицию жениха дарить невесте перстень с бриллиантом, запечатлено в эпизоде зарождения любви Есенина и Айседоры Дункан в конце 1921 г., воспроизведенном Г. В. Ивановым: «Бриллиантом кольца она тут же на оконном стекле выцарапала: “Esenin is a huligan, Esenin is an angel!”».³¹³

³¹¹ Мариенгоф А. Б. Мой век, мои друзья и подруги // Мой век, мои друзья и подруги. С. 104.

³¹² Мариенгоф А. Б. Роман без вранья. С. 376–377.

³¹³ Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. С. 147.

Свадебные мотивы в «несвадебных» фольклорных жанрах

Свадебная тематика «прямым текстом» представлена в многочисленных пословицах и поговорках, до сих пор бытующих в с. Константиново и записанных в 2001 г. главным хранителем Государственного музея-заповедника С. А. Есенина Л. А. Архиповой от местных жителей: «Бедному Ванюшке жениться – ночь коротка»; «Замуж выйти не напасть, как бы замужем не пропасть»; «Красота до венца, а разум до конца».³¹⁴

Необходимо отметить, что стихия народной праздничной жизни в Константинове (как и во многих селениях Рязанской губ. и вообще России) была пронизана свадебными мотивами. Под Новый год девушки ходили по дворам с исполнением поздравительной обрядовой песни «Таусень»: «“Таусень” ходили, у кого ребята. Ребятам играли: “Надо Ваньку женить – или Петьку поженить, // Вальку замуж отдавать”. Девушки ходили по женихам, а женихи эти умудрялись – у кого-то хорошо, добром обходилось, а озорники-то забирались вот на потолок. Вот входишь – как у неё, в сенцы входишь <угу – кивает соседка>, а они с потолка: один из ведра воду льёт, а другой из другого ведра зóлу сыпать – девок обсыпали. Приходили домой чумазы».³¹⁵

Шутливая атмосфера была присуща как отдельным ритуалам свадьбы, так и звучанию свадебных пожеланий в фольклорных произведениях несвадебных жанров. Словом «женихи» во множественном числе обозначали вообще всех парней села, вступивших в брачный возраст, как и лексема «невесты» употреблялась в аналогичном значении – совершеннолетние девушки, которых можно было начинать сватать: «А вечером ходили невесты, по женихам ходили, “Таусень” трясли».³¹⁶ Такое же обобщенное обозначение совершеннолетнего парня заложено в лексеме «женишок» с ироническим уменьшительно-ласкательным оттенком, помещенной в константиновской частушке-«прибаске»:

И в другой я ночи
Заблудилась на печи,
Ухватила за мешок
Думала, что женишок³¹⁷

Именно в таком расширительном толковании слова «женихи», как ‘взрослеющие парни, намеренные жениться’, понимал этот термин Есенин уже в раннем детстве. Как свидетельствует С. С. Виноградская, «мать свою он в детстве принимал за чужую женщину, и, когда она приходила к деду, где жил Есенин, и плакалась на неудачи в семье, он утешал ее: “Ты чего плачешь? Тебя женихи не берут? Не плачь, мы тебе найдем жениха, выдадим тебя замуж”».³¹⁸ Из этого свидетельства отчетливо видно, что в соответствии с крестьянским патриархальным миропониманием смысл человеческой жизни заключался в необходимости выйти замуж и удачно жениться.

В константиновском «Таусене» типичный свадебный мотив оформлен так:

Надо дровушки рубить,

³¹⁴ Цит. по: *Архипова Л. А.* «...Ведь это же сплошная поэзия!» Русские пословицы и поговорки в языке С. А. Есенина // Новое о Есенине: Исследования, открытия, находки. Рязань; Константиново, 2002. С. 103.

³¹⁵ Записи автора. Тетр. 8. № 195 – Есенин Мария Яковлевна (1920-е – 2004), с. Константиново, 10.09.2000.

³¹⁶ Записи автора. Тетр. 8. № 230 – Дорожкин В. А., 1913 г. р., с. Константиново, 11.09.2000. «Таусень» неоднократно записывался в Константиново; приведен в кн.: *Панфилов А. Д.* Указ. соч. Ч. 1. С. 141–144.

³¹⁷ *Панфилов А. Д.* Указ. соч. Ч. 2. С. 102.

³¹⁸ *Виноградская С. С.* Указ. соч. С. 10; см. также цит. по: *Панфилов А. Д.* Указ. соч. Ч. 1. С. 195.

Надо банюшку топить!
Таусень – все хором – за рекой!
Надо банюшку топить,
Надо Вáнюшку женить! —

Парня как звать. Потом -

Надо Лену замуж отдавать!³¹⁹

Или с куда бóльшими подробностями – не только с поисками будущей невесты для свадьбы, но и с разворачиванием послесвадебных событий:

Надо банюшку топить – <...>
Нину замуж отдавать!
Таусень за рекой!
Как Иван-господин
По нóвым сеням ходил!
Таусень за рекой!
Он ходил, он искал,
Сапोजонки топтал!
Таусень за рекой!
Сапोजонки топтал —
Свою жёнку искал!
Таусень за рекой! Е
го жёнка увидала —
Тонким голосом вскричала.
Таусень за рекой!
Воротись, милый мой,
Пойдём в сад зеленой!
Таусень за рекой!
Чаю-кофию варить – <...>
Ивана-господина поить.³²⁰

Очень схожая свадебная образность (только на уровне шутливой «свадьбы зверей») проникла и в потешки, которыми взрослые забавляли детей в Константинове; например, роль хозяина отведена коту в песенке «Ходит кот по горенке...», где он должен устраивать свадьбу:

А котику недосуг:
Ему лен колотить,
Ему бражку варить,
Ему сына женить.³²¹

Свадебная символика звучала и в других фольклорных жанрах. Пример тому – широко распространенная необрядовая песня с элементом колыбельной, известная и в Константинове:

³¹⁹ Записи автора. Тетр. 8. № 190 – Есенин М. Я. (1920-е – 2004), с. Константиново, 10.09.2000.

³²⁰ Записи автора. Тетр. 8. № 282 – Ерёмина Анна Константиновна, 57 лет, с. Константиново, 11.09.2000.

³²¹ Панфилов А. Д. Указ. соч. Ч. 1. С. 55.

Дождик землю поливает,
Землю поливает,
Брат сестру качает! <...>
Вырастешь большая,
Отдадут тебя замуж
Во семью чужую,
В деревню чужую.³²²

Так с помощью постоянного звучания многочисленных свадебных мотивов и образов в разнообразных устно-поэтических жанрах девочек и мальчиков с малолетства приучали к мысли о необходимости устройства семьи как высшей человеческой ценности.

Некоторые сюжеты такого жанра несказочной прозы, как быличка, имеющей бытовое будничное исполнение и не требующей особого сказительского мастерства, также посвящены свадьбе: как правило, поначалу неудачной, но затем с помощью вмешательства обладающего особым сверхъестественным даром человека успешно завершённой. Вот один сюжет излечения от любовной предсвадебной тоски, бытующий в Константинове: «В Ивакино и в Ласкове Колин брат тоже умер. И вот Маша за ним всё прихлёстывала. Она рано осталась без мужа. Она выходила замуж и неудачно всё. Я помню этого Васю <реплика М. Я. Есиной>. Ну и вот. Бегала за Васей. И он – меня чёрт знаешь куда носил? В ТребушЕ но с ней! <...>...Март-месяц, как тогда по морозцу. Ой, Киселёвская дорога, еле дошли! Как собаки устали! Там дед привораживал-то. Груша у нас Горбунова всё туда ходила – дед привораживал <реплика М. Я. Есиной>. <...> Дед говорит: вот будешь печку топить, – это он под конец уже, ворожил-ворожил и: будешь печку топить и приговаривай: “Вейся обо мне, как дым в трубе” – три раза. Каждый раз – три раза надо говорить. Ну, что же? Пришли оттуда. Пришли – темно уже. Помогло! Бегал за ней потом».³²³ Понятно, нельзя утверждать, что Есенин знал именно такой сюжет (хотя ворожащий в Мещёре дед был его современником), однако подобные версии и типологически близкие сюжеты, безусловно, имели хождение и при жизни поэта. Насколько часто имели они практическое применение? Запрет на «насильственное облагодетельствование» браком с помощью магических средств налагался твердым убеждением его противников о том, что такая искусственно вызванная любовь скоротечна и свадьба вскоре расстроится.

Еще один типичный сюжет быличек – о вмешательстве колдуна или колдуньи (в том числе еще прежде обиженного кем-то из представителей объединяющихся родов или не приглашенного на свадьбу) в праведное проведение свадебного обряда. Обычно благополучный исход обусловлен одной из двух причин: 1) изначальным желанием лишь попугать молодых и их гостей, без далеко идущих последствий; 2) последующим обращением за помощью к более сильному обладателю сверхъестественного дара, к знахарю-целителю для снятия «порчи».

В Константинове бытуют былички на свадебную тему и с печальным исходом – вот одна из них:

Одна вот моя подруга выходила замуж. Ну я там сидела, и это всё хорошо. И одна пришла. А у нас как обычно, вот у нас в Константинове, я не знаю, как где, а у нас в Константинове вот окна откроются летом и в окна все глядеть. Ну и она – он её взял, молодую-то, и обнял её. Всё. Свою, свою так вот обнял её, ну, свою жену. Вот. А одна ему так вот по плечу <похлопала> и говорить: «Что ты уцепился, как медведь!» Всё! На второй день моя подруга не садится за стол: «Как вот увижу – он медведь и медведь!» Мы и так, и сяк, и до крику,

³²² Записи автора. Тетр. 8. № 202 – Есенин М. Я. (1920-е – 2004), с. Константиново, 10.09.2000.

³²³ Записи автора. Тетр. 8. № 221 – Поликушина Клавдия Алексеевна, 1926 г. р., соседка М. Я. Есиной и с ее репликами, с. Константиново, 10.09.2000.

и давай: не буду садиться и всё. Что ж, все идти ярочку искать, все это, а она одно: я садиться не буду за стол. Кричем кричала: не буду садиться и всё! И всё – и так разошлись они от его: прям вот говорить – медведь и медведь. Наверное, так и есть. Вообще я говорю: Господи... ну давай я, говорю, вместе садимся за стол, и я сяду с тобой за стол. Нет, не сяду с ним и всё!³²⁴

А. Д. Панфилов приводит быличку с. Константиново о появлении будто бы лягушек³²⁵ на постели новобрачных (хотя по обычаю допускалось подкладывать молодым в первую брачную ночь какие-нибудь поленья, чурочки под простыню, очевидно, как продуцирующего магического средства для скорейшего рождения детей).

³²⁴ Записи автора. Тетр. 8а. № 323 – Ерёмина А. К., 57 лет, с. Константиново, 11.09.2000.

³²⁵ См.: Панфилов А. Д. Указ. соч. Ч. 1. С. 221.

Об истории свадебного вопроса

Свадьба издревле соединяла официально-юридическую, светскую и церковную обрядовую практику, что было зафиксировано в «Стоглаве», «Домострое» и далее в указах Петра I в 1700–1702 гг., с которыми Есенин мог познакомиться при чтении незаконченной монографии А. С. Пушкина «История Петра». В. Г. Шершеневич в «Великолепном очевидце» (1934–1936) в главе «Книжная лавка», повествующей об открытии имажинистами торговли книгами, сообщает факт, который проливает свет на знакомство Есенина именно с шестым томом «Собрания сочинений» Пушкина (этот том указан в личной библиотеке поэта): «Какой-нибудь генерал... за бесценнок предлагал брокгаузовского Пушкина с редким шестым томом. Между прочим, только в лавке я узнал, что лучшее для работы издание Пушкина – это исааковское семитомное».³²⁶

Народный свадебный обряд представлял собой целую систему последовательно исполнявшихся ритуалов, незначительно варьиовавшихся и по-разному именовавшихся народом разных губерний и даже отдельных сел и деревень России. Неотъемлемой частью свадьбы являлась обрядовая поэзия, поданная в многообразии жанров и жанровых разновидностей. Это плачи невесты, родной и крестной матери, подруг; приговоры дружки и пародийные «свадебные указы»; шуточные приговорки-предсказания участников свадьбы и гостей; песни величальные, корильные, каравайные, сокольные, кунные, обыгрывальные, заклинательные и песенки певич-игриц и т. д.

Свадебный обряд был актуален при жизни Есенина и не потерял актуальности в наши дни. Журналы и газеты публиковали этнографические зарисовки народного обряда. Фрагменты о свадьбе русских во время Московского государства и в Петровскую эпоху можно найти в переводах трудов приглашенных в Россию зарубежных лиц и странствующих особ.³²⁷ В научных монографиях отводились целые главы царским и крестьянским свадьбам, приводились выдержки и пересказы из записок иностранных путешественников по России. Кроме того, публиковались и многократно переиздавались в дополненном виде песенники, целиком посвященные свадебным песням и даже включающие беглое описание обряда.³²⁸

Есенина, как и почти всех людей его эпохи (да и, вероятно, вообще цивилизованное человечество за всю историю), живо волновали известия о свадьбах современников, в первую очередь его родных, друзей, знакомых и, конечно, его собственная женитьба. Известно, что последнюю свою свадьбу он специально устраивал в один день с бракосочетанием своей сестры и проводил этот двойной праздник вместе. Об этом вспоминал редактор есенинского «Собрания стихотворений» И. В. Евдокимов, к которому обращался поэт: «Евдокимыч, я насчет моего “Собрания”. Мы с тобой говорили в прошлый раз. У меня, понимаешь, свадьба, я женюсь. Вместе со мной в один день сестра выходит замуж за Наседкина. Нельзя ли мне сразу получить тысячи две денег?».³²⁹

³²⁶ Шершеневич В. Г. Великолепный очевидец // Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990. С. 622.

³²⁷ Так, в «Московском вестнике» в № 2 части 7 за 1822 год расположено сочинение С. Коллинза «О Дворе Российском при царе Алексее Михайловиче»; в «Отечественных записках» за 1829–1830 годы напечатано «Путешествие через Московию Корнилия де Бруина»; в «Сыне Отечества» в № 44/45 за 1831 год имеется «Свадьба Отрепьева. Из записок Георга Паерле» в переводе с немецкого Н. Устрялова; в «Журнале Министерства народного просвещения» в № 11 за 1837 год дано «Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора Римского Леопольда к великому царю Московскому Алексию Михайловичу, в 1675 году».

³²⁸ Среди наиболее известных – «Самый новейший отборнейший московский и санктпетербургский песельник» (М., 1799), «Веселая Эрата на русской свадьбе, или Новейшее и полное собрание всех донныне известнейших свадебных ста тридцати трех песень, употребляемых как в столицах, так и в других городах» (М., 1801).

³²⁹ О Есенине. С. 139; Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 т. (9 кн.). М., 1999. Т. 6. С. 713; Есенин в стихах и жизни:

Свадебная тематика есенинского эпистолярия охватывает все периоды его взрослой жизни: когда автор был холостым или уже женатым человеком; и следовательно, проблематику свадьбы можно считать сквозной, пронизывающей всю личную переписку и свойственной менталитету великого русского поэта.

Письма на свадебную тему

Строки есенинских писем и записок о свадьбе отражают воззрения русского народа (в первую очередь, крестьянства) 1-й половины XX столетия на величайшие жизненные ценности:

1) это предпочтение семейственности перед холостяцким статусом в общественном мнении;

2) создание семейной пары для продления рода и приобретения душевного спокойствия каждого супруга, а то и просто ради выживания в нелегких условиях послевоенной разрухи, холода неотапливаемой в зимнее время Москвы и голода после Гражданской войны;

3) неукоснительное следование свадебному церемониалу для обеспечения надежного будущего в семейной жизни – уже на уровне прогностических народных примет и поверий, граничащих с предрассудками и суевериями;

4) равная узаконенность освященного Церковью «тайного брака» и отмеченная в декретах нового государства форма регистрации супружеских отношений в ЗАГСе; и приближающийся к этим двум основным формам по степени «законности», уже получающий шансы на будущее, не отмеченный ни в каких реестрах «гражданский» брак;

5) сомнение в приоритете выбора супруга по воле родителей с тщательным исполнением многочисленных свадебных ритуалов и приход на смену такому подходу отстаивания собственного права жениха на подбор невесты;

6) упрочение благосостояния государства через укрепление его составляющей – семьи и проч.

В письмах Есенина и дарственных надписях (инскриптах) на его книгах, как и в народных паремиях обрядового происхождения, присутствуют праздничные пожелания, которые соотносят какое-либо семейное торжество со свадьбой на общем для них функциональном уровне и построены на тождественности событий. В фольклоре очень распространено пожелание крестных новорожденному при его крещении – например, в Зарайском у. Рязанской губ. – по соседству с «малой родиной» Есенина: «Как видели его под крестом, так дай нам Бог видеть его под венцом!». ³³⁰ Имеется и сходное народное пожелание, бытовавшее в семействе Есениных и их односельчан в с. Константиново: «Дай Бог тебе доброго здоровья, а ангелу твоему – золотой венец!». ³³¹

Иногда Есенин употребляет свадебную лексику в иносказательном смысле, чтобы подчеркнуть иронический подтекст высказывания. В письме к А. Б. Кусикову от 7 февраля 1923 г. с парохода в Атлантическом океане он сообщал: «Об Америке расскажу после. Дрянь ужаснейшая, внешне типом сплошное Баку, внутри Захер-Менский, если повенчать его на Серпинской» (VI, 153).

³³⁰ Селиванов В. В. Год русского земледельца. Зарайский уезд, Рязанской губернии // Письма из деревни: Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987 (Перепечатка 1856–1857). С. 97.

³³¹ Записи автора. Тетр. 8. № 165 – Есенина (Наседкина) Наталья Васильевна (1933–2006), г. Москва, 1993.

Цитация свадебной терминологии

Интерес Есенина к свадьбе проявлялся и в том, что он включал в свою публицистику стихотворные строки поэтов-современников со свадебной тематикой. Так, в статье 1915 г. «Ярославны плачут» сказано: «Мы еще не успели забыть и “невесту в атласном белом платье” Надежду Львову...» (V, 175). Речь идет о покончившей самоубийством из-за несчастной любви к В. Я. Брюсову в ноябре 1915 г. поэтессе Н. Г. Львовой (Полторацкой) – авторе названного по 1-й строке стихотворения «Я оденусь невестой – в атласном белом платье...» (V, 415).

В той же статье «Ярославны плачут» Есенин процитировал начальную строку широко распространенной народной свадебной песни: «Это ведь та самая плачет, которую “выдавала матушка далече замуж”» (V, 176; комм. V, 416).

Солярно-лунарная мифологическая трактовка свадьбы

Есенину присущ и мифологический подход к свадебной тематике, выдвинутый учеными-мифологами середины XIX века и творчески привнесенный в сюжеты художественной литературы. Известно, что Есенин пристально изучал трехтомные «Поэтические воззрения славян на природу» А. Н. Афанасьева,³³² а перепевы его мотива брачного союза Земли и Неба проникли в роман «В лесах» (1871–1874) Андрея Печерского (П. И. Мельникова, 1818–1883). Эти перепевы близки есенинской интерпретации концепции звуковой гармонии, выдвинутой им в «Ключах Марии» (1918): «...как сочетаются звуки, постигли бы тайну гласных и согласных, в спайке которых сокрыта печаль земли по браке с небом» (V, 200). В этой же статье чуть ниже при попытке постигнуть сокровенный смысл буквы «ферт» Есенин с некоторой вариацией повторяет мысль о брачном единении, устремляя его в будущее: «Это есть знак того, что опрокинутость земли сольется в браке с опрокинутостью неба» (V, 203). Современный филолог А. Н. Захаров усматривает в есенинской трактовке космогонического мифа объяснение основ мироздания, для чего и предназначена этиологическая мифология: «В “Ключах Марии” такое диалектическое единство двух миров – небесного и земного – объясняется мифом о “браке земли с небом”, “о послании нас слить небо с землею”, “печалью земли по браке с небом”, когда “опрокинутость земли сольется в браке с опрокинутостью неба”».³³³

Сравните ту же идею брачного сочетания Земли и Ярилы в «Сказанье наших праотцев о том, как бог Ярило возлюбил Мать Сыру Землю и как она породила всех земнородных» – «геокосмическом романе» (по терминологии Г. С. Виноградова³³⁴) из романа «В лесах» Андрея Печерского (П. И. Мельникова):

Лежала Мать Сыра Земля во мраке и стуже. <...> Любы Земле Ярилины речи, возлюбила она бога светлого и от жарких его поцелуев разукрасилась злаками, цветами, темными лесами.³³⁵

Эти фразы писателя основаны на соответствующих строках «Поэтических воззрений...» А. Н. Афанасьева: «Плодотворящая сила солнечных лучей и дождевых ливней... возбуждает производительность земли, и она... растит травы, цветы, деревья», а солнечный «бог-оплодотворитель, представитель весны, назывался... у славян – Ярило».³³⁶

Георгий Чулков связывал периодизацию мифологии с браком Земли и Неба в статье «Лилия и роза» (из статейной подборки 1905–1911 гг.): «Все три мифологических периода – дранический, солярный и фаллический (если согласиться с терминологией Вл. Соловьева) – суть раскрытие любовной связи земли с небом».³³⁷

Но еще задолго до создания «Ключей Марии» Есенин использовал аналогичный солярно-мифологический мотив брачного сочетания Земли и Солнца как идеальное отражение челове-

³³² См. об этом: Самоделова Е. А. Роль «Поэтических воззрений славян на природу» А. Н. Афанасьева в развитии русской литературы XIX–XX веков // Начало: Сб. трудов молодых ученых. М., 1998. Вып. 4. С. 329–392; Самоделова Е. А. Историко-фольклорная поэтика С. А. Есенина / Рязанский этнографический вестник. 1998. С. 48–53. Гл. 2 «Мифологизм Есенина: влияние “Поэтических воззрений славян на природу” А. Н. Афанасьева на теорию и практику сочинительства»

³³³ Захаров А. Н. О художественной философии Есенина // Новое о Есенине: Исследования, открытия, находки. С. 31.

³³⁴ См.: Виноградов Г. С. Опыт выяснения фольклорных источников романа Мельникова-Печерского «В лесах» // Советский фольклор: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1936. № 2/3. С. 348.

³³⁵ Мельников П. И. (Андрей Печерский). Собр. соч.: В 6 т. М., 1963. Т. 3. С. 285.

³³⁶ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1863. Т. 1. С. 126, 438. – О текстуальном сходстве П. И. Мельникова (Андрея Печерского) и А. Н. Афанасьева см.: Самоделова Е. А. Роль «Поэтических воззрений славян на природу» А. Н. Афанасьева... С. 335.

³³⁷ Чулков Г. И. Сочинения. Т. 5. Статьи 1905–1911 гг. СПб., 1912. С. 135 (курсив наш. – Е. С.).

ческого свадебного союза. В письме к М. П. Бальзамовой, написанном между маем и декабрем 1913 г., поэт рассуждал в мифологическом плане:

Лучи солнышка влюбились в зеленую ткань земли и во все ее существо и бесстыдно, незаметно прелюбодействуют с нею. Люди нашли идеалом красоту и нагло стоят перед оголенной женщиной... <...> Так вот она, любовь! (VI, 39. № 22).

Очевидно, интерпретация А. Н. Афанасьевым солярного мифа оказалась понятна не только ученым и литераторам, но и по-настоящему близка неискушенным россиянам. На юге Рязанщины в удаленном от эпохи Есенина 1989 г. прозвучала свадебная приговорка о бракосочетании небесных светил: «Как-то встретились Месяц и Земля. Месяц влюбился. Земля приняла его, но с условием, что любить будет вечно. Наступило лето – раздобрела Земля. Началась осень – появилось семь морщинок. Настала зима – пришла мудрость. Согласны ли молодые прожить так, как Земля с Месяцем?». ³³⁸ Можно предположить, что мифологические идеи о солнечном браке были характерны для крестьянского мировосприятия и в 1-й четверти XX века, при жизни Есенина.

Уже после кончины Есенина Н. Фрай в «Анатомии критики» (1957) высказал мысль о синхронизации человеческого организма (рождении, вступлении в брак и умирании) с природными циклами (превращение хаоса в космос, сезонность годичного цикла), на чем построена история родов и жанров классической литературы. Ученый выдвинул идею «грамматики литературных архетипов» и рассуждал о порождении преобладающими в литературном произведении мифологическими архетипами жанрового статуса художественного произведения. И тогда брак, «священная свадьба» оказываются архетипами комедии, идиллии, романа. ³³⁹

³³⁸ Записи автора. Тетр. 6. № 125 – Дворенкова М. Ф., 1935 г. р., с. Чулково Скопинского р-на Рязанской обл., родом из соседнего с. Секирино, 08.07.1989.

³³⁹ См.: Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М., 1994. С. 10.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.